

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Сарайкин Иван Валерьевич

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НАРЕЧНЫХ ПРЕДЛОГОВ:
СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

доцент

Милованова Мария Станиславовна

Москва – 2023

Оглавление

Введение	4-21
Глава 1 Локализм в контексте философии и теории языка	22-54
1.0 Предварительные замечания к главе 1.....	22-25
1.1 Идея локализма в контексте философии	25-42
1.1.1 Понятия <i>локализм – локализованность – ситуация</i>	27-31
1.1.2 Этапы развития локализма	31-42
1.2 Падеж и гипотеза о локализме	42-52
1.2.1 Локализм в контексте сравнительно-исторической парадигмы языкознания.....	42-46
1.2.2 Локализм в генеративной и когнитивной лингвистике	47-52
Выводы по первой главе	53-54
Глава 2 Предлоги и предложные группы	55-86
2.0 Предварительные замечания к главе 2.....	55-56
2.1 Грамматика предлогов	56-62
2.1.1 Постановка проблемы.....	56-57
2.1.2 Принятое определение.....	57-58
2.1.3 Тесты на <i>предложность</i>	58-62
2.2 Семантика предлогов	62-84
2.2.1 Постановка проблемы.....	62-66
2.2.2 Процесс изменения значений предлогов: теория логического вывода.....	66-67
2.2.3 Основные классы предлогов и их семантика	68-84
Выводы по второй главе	85-86
Глава 3 Семантико-статистический анализ употреблений наречных предлогов <i>вокруг, около, близ</i>	87-134
3.0 Предварительные замечания к главе 3.....	87-88
3.1 Семантический анализ наречных предлогов <i>вокруг, около, близ</i>	88-109
3.1.1 Пространственное значение наречных предлогов <i>вокруг, около, близ</i>	88-89
3.1.2 Семантические расширения наречного предлога <i>вокруг</i>	89-93
3.1.3 Семантические расширения наречного предлога <i>около</i>	94-95

3.1.4	Семантические расширения наречного предлога <i>близ</i>	95-109
3.2	Корпусный анализ употребления наречных предлогов <i>вокруг, около, близ</i>	109-131
3.2.1	Квантитативные методы в лингвистике: обзор исследований	110-114
3.2.2	Применение числовых методов при описании семантических изменений наречных предлогов <i>вокруг, около, близ</i> в диахронии ...	114-115
3.2.3	Общая характеристика Национального корпуса русского языка	115-123
3.2.4	Изучение динамики семантических изменений наречных предлогов на выборочных данных	123-131
	Выводы по третьей главе	132-134
	Заключение	135-137
	Список литературы	138-153
	Список источников	154-171
	Список сокращений	172-172
	Приложение А Алгоритм отбора источников выборочной совокупности из Национального корпуса русского языка	173-180
	Приложение Б Алгоритм проверки выборочной совокупности на соответствие нормальному распределению и оценка её репрезентативности относительно кластера	181-185
	Приложение В Графики распределения источников выборочной совокупности по основным количественным показателям	186-189

Введение

На вопрос о том, как развивается язык, как меняется его словарный состав и его грамматика, кажется, нельзя дать исчерпывающего ответа; это один из фундаментальных вопросов лингвистики. Язык на заданном уровне системы отражает самый общий принцип движения: переход от конкретных понятий к более абстрактным. На уровне грамматики, например, в этом ключе можно говорить о развитии грамматических категорий (глагольный вид, время и др.), определённых классов слов (числительных, местоимений). Лексическое значение также может меняться, и толковые словари необходимы для иллюстрации семантических изменений. Однако они не дают полноценного и исчерпывающего объяснения происходящих семантических изменений и ограничиваются лишь лексикографическим «описанием-констатацией».

Исходный общий вопрос настоящей диссертации состоит в следующем: как эволюционирует в диахронии семантика предлогов? Кажется, что на этот вопрос нельзя ответить строго однозначно; можно лишь констатировать фундаментальность перехода конкретное имя > абстрактное понятие.

Существование класса предлогов, чья функция состоит в том, чтобы связывать другие классы слов, очень быстро обнаружили ещё древние философы (после введения понятий *существительное* и *глагол – онома* и *рема* по Платону). Впоследствии этот класс был определён более чётко благодаря вкладу стоиков и александрийских грамматиков. Вопрос о значении предлогов не так очевиден, как кажется: с классической точки зрения слово позволяет говорящему обозначать один или несколько элементов нашего мира, но нет слова для абсолютно каждого элемента окружающей действительности. Слово, таким образом, относится к набору элементов, к классу (эта проблема была выявлена давно, и уже Платон говорит об этом, когда отмечает, что слова относятся не к объектам, а к *идеям* об этих объектах). Следовательно, нет однозначной связи между объектами и словами, которые используются для их обозначения, не говоря уже о том, что слово может соотноситься с несколькими классами вещей: это феномен полисемии. Случай с предлогами

ещё более сложен, поскольку они обозначают не объекты и не понятия, но отношения между объектами или понятиями. Дополнительная трудность, связанная с этим, заключается в том, что предлоги получают свое значение частично из контекста. Некоторые лингвисты даже считают, что предлоги в определенных случаях не имеют собственного значения, они семантически пусты. Это результат явления, которое Мишель Бреаль обозначил термином *обесцвечивание* (фр. *décoloration*) ([Bréal 1897: 215], см. также [Marchello-Nizia 2006: 35]) и которое впоследствии было названо *десемантизацией* (фр. *désémantisation*), *семантическим отбеливанием* (фр. *javellisation sémantique*, англ. *semantic bleaching* [Hopper, Traugott 1993], [Peyraube 2002]). Этот феномен ослабления семантики порождает употребления предлога в самых разных контекстах, ведёт к увеличению частотности употребления предлога. Этот феномен – неотъемлемая часть грамматикализации всякой языковой единицы (см. замечание Сотерии Свору [Svorou 1994: 137] о потере способности предлогов указывать на референт и о схематизации, шаблонности предлогов). Гипотеза о семантической «пустоте» предлогов подтверждается тем фактом, что большинство функциональных предлогов имеет широкий диапазон использования и принимает очень разные значения в зависимости от контекста, в том числе в семантических областях, концептуально удаленных друг от друга (области пространства, времени и др.). Действительно, чисто функциональные предлоги обладают грамматическим значением и служат, как правило, для обозначения функции следующего за ними слова. Однако проблема внутригрупповой гетерогенности класса предлогов, безусловно, сильно усложняет разработку методики их семантического описания: существуют переходные классы слов. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, посвящённые описанию соотношения лексической и грамматической семантики и критериев разграничения лексического и грамматического компонентов в структуре предлогов и других служебных частей речи. Для каждой отдельно взятой единицы эти критерии, по-видимому, индивидуальны (о переходных классах слов см. [Бабайцева

2000]; см. также монографию М.С. Миловановой [Милованова 2019], посвященную проблеме взаимодействия лексического и грамматического начала в пространственно-противительных словах *против, напротив, прочь*).

В третьей главе настоящего исследования мы сосредоточим внимание на одном из таких переходных классов в системе русского языка – на наречных предлогах. Под термином *наречный предлог* далее мы будем понимать *звуковой и графический комплекс, включающий функциональные омонимы (наречие и предлог)* и рассмотрим как наречные, так и предложные употребления языковых единиц. Мы принимаем терминологию В.В. Виноградова и академической грамматики и используем в диссертации термин *наречный предлог*.

Итак, в качестве **объекта** настоящего исследования выступает система наречных предлогов русского языка. Такой выбор можно объяснить тем, что наречные предлоги относятся к гибридным (переходным) классам, то есть они находятся на стыке самостоятельных и служебных частей речи, обладают собственным лексическим значением, но в то же время наречные предлоги более свободны от прагматических установок говорящего. **Предметом** исследования является процесс изменения значений наречных предлогов, а его **целью** – установление и описание закономерностей семантической эволюции. Поставленная цель предполагает решение следующих методологических и исследовательских **задач**:

1) проследить с опорой на исследования отечественных и зарубежных учёных развитие научно-философских взглядов на концепцию локализма в лингвистике; представить её в общефилософском и лингвофилософском контексте;

2) описать место предлогов в системе языка: их грамматические и семантические особенности. Описать основные семантические переходы в классе наречных предлогов; дать семантическое описание наречных предлогов *вокруг, около, близ*;

3) дать статистическое описание общей динамики развития значений наречных предлогов *вокруг, около, близ* и объяснить выявленные статистические закономерности и зависимости. Данный этап исследования можно разбить на несколько подзадач:

а. дать общую характеристику количественных показателей источников старорусского и основного корпуса НКРЯ;

б. выделить и описать кластер источников старорусского и основного корпусов НКРЯ с наречными предлогами *вокруг, около, близ* (учитывая как наречные, так и предложные употребления);

с. сформировать и описать репрезентативную выборочную совокупность с наречными предлогами *вокруг, около, близ* и доказать её представительность относительно кластера; показать соответствие выборочной совокупности нормальному распределению.

Степень разработанности проблемы Предлагаемое когнитивное диахронно-лингвостатистическое исследование продолжает серию работ, посвящённых семантике пространства. Проблемы отражения пространства в языке, его концептуализации интересовали многих учёных. Перечислим некоторые исследования: [Svorou 1994]; [Pütz, Dirven 1996]; [Bloom et al. 1999]; [Арутюнова, Шатуновский 1999]; [Арутюнова, Левонтина 2000]; [Habel, Stutterheim 2000]. Пространство привлекает внимание лингвистов в первую очередь потому, что это универсальный аспект бытия человека, источник человеческого опыта; пространство является почвой для поиска и исследования языковых универсалий [Talmy 1975, 1983, 1985, 1988, 2000]. Из этого, в частности, следует, что специфические способы концептуализации и отражения пространства в отдельно взятом языке являются сильным аргументом в пользу доказательства гипотезы лингвистической относительности [Whorf 1956].

Прежде всего обратим внимание на то, что при очевидном многообразии работ остаётся не до конца решенным ряд методологических и терминологических вопросов. Краткий обзор методов представлен в статье

[Великорецкий 2002: 11 – 13]. Автор даёт ссылки на исследования, в которых при построении системы пространственных значений применяются различные методы: метод компонентного анализа и оппозиций [Радевич-Винницкий 1974], комплексный индуктивно-дедуктивный метод [Кибрик 1992: 25], метод полевого представления [Беднягина 1971]; [Бондарко и др. 1996]; [Великорецкий 1998]. Классификация и соотнесение методов исследования семантики пространства с языковыми уровнями есть в статье [Zlatev 2007]. В ней выделено несколько уровней, которые соотнесены с соответствующими исследованиями, посвящёнными семантике пространства. Во-первых, выделяется нормативно-конвенциональный уровень. На этом уровне необходимо описать интуитивные представления носителей языка о правильности, грамматичности речи, т.е. о том, как следует говорить. Такие представления, в свою очередь, являются социальными, а не индивидуальными: лингвисты описывают не частный разум отдельного индивида, но некоторый «обобщённый разум» носителей языка [Pettit 1996], которые следуют заданному набору языковых норм и конвенций. Эти нормы и конвенции исследователь должен теоретически описать, опираясь на свою языковую интуицию. Интуитивные представления, в свою очередь, не позволяют дать полностью объективную картину и порождают критические замечания (см., например, критику радиального подхода к описанию предлога *over* за отсутствие простоты и строгости в работе [Vandeloise 1990]). К этому уровню можно отнести классические общетеоретические работы о взаимосвязи категорий язык-пространство и о принципах лингвистической категоризации ([Talmy 1983]; [Jackendoff 1983]; [Витгенштейн 1994]; [Лакофф 2004]). Во-вторых, выделяется социально-поведенческий уровень: учёные анализируют фактическое, реальное языковое поведение человека, отвечая на вопрос о том, как мы на самом деле говорим. На этом уровне для анализа пространственной семантики применяются методы социолингвистики и корпуса ([Berman and Slobin 1994]; [Strömquist and Verhoeven 2004]). В-третьих, существует индивидуально-психологический уровень, на котором

пространственная семантика изучается экспериментальными, эмпирическими методами. При этом спектр исследований значительно расширяется. Это прежде всего исследования по проблемам освоения родного и иностранного языка, в которых ставятся вопросы о том, каким образом и в каком порядке усваиваются прямые и переносные значения пространственных терминов, какие из этих терминов относятся к категории базовых, а какие – к категории периферийных ([Choi and Bowerman 1991]; [Bowerman 1996]; [Rice 1999]). Сюда же относятся психолингвистические эксперименты, в которых испытуемым даны предложения с разными значениями одного и того же предлога и поставлена задача разделить их на группы. На основании полученных данных делались выводы о наличии связи между пространственными и непространственными значениями [Sandra and Rice 1995]; [Rice, Sandra, and Vanrespaille 1999]. Другие эксперименты связаны с описанием лингвистической относительности и призваны подтвердить положение о том, что разные языки по-разному отражают локализацию в пространстве, используют разные стратегии (см. подробнее [Levinson 1994]; [Kreitzer 1997]). Ещё один уровень, на котором может изучаться пространственная семантика – нейронный. Работы учёных в этом направлении связаны с описанием нейронных структур мозга, отвечающих за восприятие пространства. Показательны попытки связать предлоги с областью мозга человека, отвечающей за локализацию, местонахождение (англ. *where system*), а существительные – с предметной областью (англ. *what system*) [Landau and Jackendoff 1993].

Не до конца решён первостепенный вопрос унификации терминологии семантики пространства. В частности, дать определение категории *пространство* с методологической точки зрения весьма непросто. Это связано с тем, что термин *пространство* весьма часто в когнитивной лингвистике употребляется в самых разных смыслах и сочетаниях: *пространственная грамматика* [Langacker 1982], *ментальные пространства* [Fauconnier 1994], *концептуальные пространства* [Gardenfors 2000]. Кроме того, можно

выделить бинарные оппозиции: художественное / нехудожественное пространство, статическое / динамическое пространство, пространство деятеля / наблюдателя (см. названия статей и разделов в сборнике [Арутюнова, Левонтина 2000]). То же справедливо для термина *движение*, соотносимого с пространством: так, в научной литературе можно встретить понятия *виртуальное движение* (англ. *virtual motion* [Talmy 1983]), *абстрактное движение* (англ. *abstract motion* [Langacker 1987]), *фиктивное движение* (англ. *fictive motion* [Talmy 1996]).

Итак, отсутствие жёстких границ и расплывчатость термина *пространство* может навести на мысль о том, что любая семантика в конечном счёте является пространственной. Однако это, с нашей точки зрения, явное преувеличение. Для сужения объёма понятия можно попытаться выделить класс соответствующих грамматических категорий (пространственные предлоги, пространственные наречия и др. под.). Здесь, однако, сразу же встаёт другая проблема: какими методами разграничить пространственные значения соответствующих языковых единиц от их непространственных значений? Другой способ – дать условное определение термина: языковые единицы обладают пространственной семантикой, если они выражают пространственные отношения [Лакофф 2004]; [Sinha and Thorseng 1995]; [Regier 1996]; [Kreitzer 1997]). Такой подход предполагает наличие метаязыка описания этих отношений. Попытки создания такого универсального метаязыка предпринимались (см., например, статью [Великорецкий 2002], в которой автор в качестве основы выделяет два классифицирующих компонента – ориентацию и локализацию, составляющие т.н. *модели локальности*). В научной литературе по этой теме находим несколько укоренившихся понятий, обозначающих компоненты стандартной пространственной ситуации, в которой местонахождение или движение одного объекта определяется относительно другого. Однако заметим, что различие в понимании этих терминов может быть весьма значительным. Так, например, Йордан Златев отмечает, что хотя лингвисты признают важность

понятия *точка отсчёта* (англ. *frame of reference, FoR*), каждый определяет его по-своему. Можно дать определение термину *пространственная семантика* с учётом коммуникативной функции языка: пространственная семантика соотносится с высказываниями, которые помогают адресату сообщения определить местоположение или траекторию движения данного референта [Zlatev 1997]; [Pederson et al. 1998]; [Levinson 2003]. Такое определение предполагает эксплицитный ответ на вопрос *где* и исключает метафорические употребления. Подобный подход существенно сужает границы исследования и не всегда бывает оправдан. В разговорной речи мы не всегда отвечаем прямо на поставленный вопрос, но пользуемся средствами не прямой коммуникации, в частности, коммуникативными (конверсационными) импликатурами, максимами общения [Grice 1975] (ср. – *где он?* – *он сдаёт зачёт [= он в университете / институте]*). Таким образом, возникает ещё одна необходимость: в структуру определения необходимо добавить условие, согласно которому языковые единицы должны выражать пространственные значения исключительно конвенционально (импликатура должна напрямую выводиться из сообщения).

Помимо общеметодологических вопросов, связанных с толкованием терминов, есть более частные вопросы, относящиеся к методике описания отдельных частей речи.

Актуальность исследования обусловлена тем, что научных работ, содержащих в своей основе «сквозное» панорамное диахронное описание языковых единиц и категорий в современной лингвистике не так много; описание той или иной единицы (категории) по традиции ограничивается определённым временным периодом (фрагментарным синхронным срезом); при этом фактор диахронии учитывается лишь по необходимости.

Несмотря на ощутимый интерес исследователей к проблемам описания пространственных и непространственных значений служебных частей речи ([Съедин 1963]; [Черкасова 1967] [Schröder 1986]; [Пайар, Селиверстова 2000]; [Маляр, Селиверстова 1998]), а также к проблемам описания семантики других

элементов, составляющих «инвентарь выражения» категории пространства (см., например, описание глагольных приставок в работах [Зализняк 1995]; [Виноградов 1998]; [Кронгауз 1998]; [Eichinger 1989]; [Schröder 1993]), применение статистических методов в лингвистических исследованиях пространства кажется недостаточно разработанным. Исключением здесь можно считать статистическую методику, предложенную в диссертации [Fagard 2010], где предпринята попытка верификации тезиса о первичности пространства на материале предлогов в романских языках. Применение статистических приёмов для описания языкового материала можно найти и в диссертации [Feltgen 2017], посвящённой статистическому описанию феномена грамматикализации (на примере грамматикализации нескольких сотен конструкций французского языка). В работах по описанию служебных слов русского языка статистические методы, на наш взгляд, применяются весьма ограниченно или не применяются вовсе. Настоящая диссертация частично восполняет этот пробел: в ней предпринята попытка применить точные статистические методы к традиционному лингвистическому материалу, что представляется важным в свете актуальности междисциплинарных подходов в науке.

Нашей **рабочей гипотезой** будет предположение о том, что в диахронии наблюдается количественное увеличение контекстов, в которых наречные предлоги *вокруг*, *около* и *близ* употребляются в непространственных значениях. При этом у каждого из этих наречных предлогов процесс утраты и появления непространственных смыслов индивидуален. Ротация производных непространственных значений также индивидуальна.

В качестве основного **материала** исследования выступают тексты старорусского и основного корпуса НКРЯ, отличные по хронологии и жанровым характеристикам. Для полноты семантического описания наречных предлогов при необходимости приводятся также примеры из других корпусов: поэтического, газетного, церковнославянского корпусов НКРЯ, интернет-корпуса ruTenTen.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют, во-первых, работы по теории локализма в рамках общей и частной философии языка: [Аристотель 1981], [Локк 1985], [Кондильяк 1980], [Лейбниц 1983], [Кант 1999], [Гумбольдт 2000], [Кассирер 2002], [Лакофф 2004]; во-вторых, исследования падежной системы и функционально с ней связанной предложной системы в области сравнительно-исторического языкознания [Буслаев 1959], [Бернштейн 1958], [Аксененко 1956], [Шаранда 1981], [Филлмор 1981], [Rumpel 1866] и в области русской грамматики [Черкасова 1964, 1967], [Виноградов 2001], [Виноградова 2016, 2017], [Прияткина и др. 2001], [Шиганова 2001], [Кравченко 2001], [Солоницкий 2003], [Шарова 2010], [Всеволодова 2010, 2011, 2012ab], [Всеволодова и др. 2014], [Шереметьева 2007, 2008], [Бондаренко 1961], [Крейдлин 1994], [Галактионова 2007]); сюда же отнесем работы, выполненные в рамках международных проектов: русско-французского проекта «Семантика предлогов» [Пайар, Селиверстова 2000]; межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» [Всеволодова 2008].

При описании семантических изменений мы опираемся на когнитивную *теорию логического вывода* (см. гл. 2 пп. 2.2.2.), а также на лингвистические теории переходности, трансляции, транспозиции, деривации и конверсии. В этой связи отдельно следует выделить целый ряд классических исследований, в которых детально рассматриваются вопросы синхронной и диахронной переходности. Охарактеризуем основные теоретические подходы.

Люсьен Теньер [Теньер 1988] пользуется термином *трансляция* и описывает этот процесс по большей части на материале французского языка. Под *трансляцией* исследователь понимает процесс перевода однозначных слов из одной категории в другую. Изменение категории, в свою очередь, ведёт к изменению синтаксической функции. Трансляция по природе своей является синтаксическим явлением, морфологическими маркерами которого являются *транслятивы* – одна из разновидностей неопределённых слов (наряду с *юнктивами*). Например, в словосочетании фр. *le livre d'Alfred* ‘книга

Альфреда’ предлог *de* является транслятивом, так как превращает существительное *Alfred* в сочетание *d’Alfred*, имеющее адъективную функцию. Транслятивы не существуют без трансляции, тогда как обратное возможно: например, в словосочетании фр. *Tour Eiffel* ‘Эйфелева башня’ существительное *Eiffel*, являющееся именем собственным, перешло в класс прилагательных. При этом нет формально выраженных маркеров трансляционного процесса (транслятивов). В разряд транслятивов Л. Теньер включает подчинительные союзы, относительные местоимения, предлоги, артикли, вспомогательные глаголы, глагольные приставки и грамматические окончания. К транслятивам близки показатели, которые, в отличие от последних, не изменяют грамматическую категорию, но только указывают на неё. К показателям относится артикль *le* в словосочетании *le livre d’Alfred*, поскольку исходная и результирующая категории совпадают. Иными словами, после присоединения артикля *le* к существительному *livre* оно остаётся существительным. Показательно, что тот же артикль *le* может быть и транслятивом – в таком случае он меняет категориальный статус языковой единицы, ср. фр. *l’oiseau bleu* ‘синяя птица’ (*bleu* – прилагательное) – *le bleu* ‘синий цвет’ (*bleu* – существительное). Кроме того, к показателям Л. Теньер относит слова, исходная категория которых чётко не маркирована и проясняется лишь в контексте: так, англ. *kiss* в зависимости от контекста может быть как глаголом со значением ‘целовать’, так и существительным со значением ‘поцелуй’. Нечто похожее обнаруживается для древнерусского языка: именные прилагательные могли употребляться как существительные без всякого изменения формы (др.-русс. *зълѡ₁* – ADJ, NOM, SG, NEUT и *зълѡ₂* – N, NOM, SG, NEUT). Л. Теньер предлагает собственную типологию трансляций и выделяет несколько групп:

– по степени активности и продуктивности трансляции бывают живые и застывшие. В застывших трансляциях связь транслированного с исходным транслируемым элементом не ощущается, поскольку последний уходит из языка; в живых трансляциях, напротив, результирующая категория тесно

связана с исходной. Примером живой трансляции можно считать факт существования в русском языке гибридных форм. Так, причастия являются глагольными формами, но в то же время сохраняют возможность падежного склонения. Застывшие трансляции выявляются путём этимологического анализа (см., например, предлог *кроме*, восходящий к древнерусскому существительному *крома*);

– по степени автономности трансляции делятся на автономные и агглютинированные. Феномен агглютинации состоит в том, что предлоги переходят в приставки, а послелогои – в суффиксы или флексии. Так, энклитика *ся* «склеивается» с глаголом и становится морфологическим показателем возвратности (*умываться, обуваться*). В автономных трансляциях смена категориального статуса проходит без агглютинации;

– по структурным (стемматическим) типам выделяются трансляции первой и второй ступени. Если в первом случае транслируемым элементом является отдельная часть речи, элемент простого предложения, то во втором случае транслируется глагольный узел, т.е. структурно более сложный элемент. Предлоги Л. Теньера относят к транслятивам первой, а подчинительные союзы – к транслятивам второй ступени;

– по характеру представления внутри ядра выделяются одинарные и множественные (двойные, тройные, четверные...) трансляции: ср. *заведовать* > *заведующий фабрикой* (причастие) > *заведующий* (субстантиват).

В теории Л. Теньера морфология и синтаксис строго не разграничиваются. Это видно из того, что термин *категория* понимается и как морфологический класс слов, и как функциональный класс. Иными словами, морфологическая и синтаксическая транспозиция оказываются смешанными друг с другом. Такое смешение обусловлено тем, что *трансляция*, по мысли Л. Теньера, – это прежде всего способ выражения мысли, а формальные средства достижения этой цели индивидуальны и зависят от инвентаря конкретного языка.

Другой французский лингвист – Шарль Балли – смену категориально-функционального статуса единицы обозначает термином *транспозиция* [Балли 1955: 130 – 143]. В отличие от Л. Теньера, Ш. Балли разделяет функциональную и семантическую транспозицию. Семантическая транспозиция меняет и синтаксическую функцию, и значение языкового знака и осуществляется средствами аффиксального словообразования, ср. фр. *tropiques* ‘тропики’ > (*la vegetation*) *tropicale* ‘тропическая (растительность)’ (функциональная транспозиция) > *une chaleur tropicale* ‘тропическая (жара) (семантическая транспозиция, поскольку есть метафорический перенос: *жара настолько сильная, что похожа на ту, которая бывает в тропиках*)’. Компонентами транспозиции являются *транспонируемое, транспонированное* и *категорийный (транспонирующий) знак* соответственно.

Ежи Курилович использует термин *деривация* и понимает под ним «не только факт образования одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, отличных от синтаксических функций исходных слов, но также и тот факт, что одно и то же слово может выступать в разных вторичных синтаксических значениях, будучи в отмеченном синтаксическом окружении» [Курилович 1962: 61]. Соотношение частей речи (форм) с первичными синтаксическими ролями (функциями) в прототипическом случае выглядит так: существительное: подлежащее; прилагательное: определение к существительному; глагол: сказуемое; наречие: определение к глаголу. Синтаксическая деривация Е. Куриловича соответствует функциональной транспозиции Ш. Балли: она происходит в рамках одного лексического значения и связана с изменением функции (*красный*> *краснеть*). Лексическая деривация модифицирует семантику, но сохраняет первичную синтаксическую функцию (*дом*> *домик*).

А.И. Смирницкий и И.А. Мельчук используют термин *конверсия*, но дают ему разные определения: если для А.И. Смирницкого конверсия связана с образованием лексико-грамматических омонимов, различающихся

парадигмой (словопроизводство «без какого бы то ни было различия в аффиксах» [Смирницкий 1956: 71]), то И.А. Мельчук определяет конверсию как выражение того или иного смысла «при данном знаке за счёт изменения его сочетаемости» [Мельчук 2001: 351] и выделяет несколько её типов: словоизменятельная / словообразовательная; внутрисловная / внешняя, парадигматическая / реакционная / категориальная.

Е.С. Кубрякова отмечает, что транспозиция осуществляется средствами суффиксального или безаффиксного словообразования. Рассматривая морфологическую транспозицию, имеющую словообразовательный характер, Е.С. Кубрякова выделяет четыре её типа (см. подробнее статью [Кубрякова 1974]):

– лексема + морфологический показатель₁ → основа + морфологический показатель₂ (*золот-о* → *золот-ой*);

– лексема + морфологический показатель → лексема + нулевая морфема (0) (*нагрев-а-ть* → *нагрев*);

– лексема + нулевая морфема → лексема + морфологический показатель (*обед* → *обед-а-ть*);

– лексема + нулевая морфема₁ → лексема + нулевая морфема₂ (англ. *sail* ‘парус’ → *to sail* ‘идти под парусом’).

Морфологическая транспозиция может быть и словоизменятельной (*большой* → *большая* → *большое*).

По мысли В.В. Бабайцевой, переходные случаи образуют зону синкретизма, а прописные и строчные буквы на шкале переходности показывают колебания в «удельном весе» сочетающихся свойств, «дифференциальных признаков»: $A \rightarrow Ab \rightarrow AB \rightarrow aB \rightarrow B$. Переходность характеризуется следующими основными свойствами (цит. по [Бабайцева 2000: 6]):

– имеет универсальный характер (идея переходности восходит к диалектической логике; она актуальна для многих научных дисциплин: нет

абсолютно строгих границ между категориями в заданной системе, включая систему языка);

– является важнейшим системообразующим фактором (связывает между собой уровни языковой системы: фонетико-фонологический, морфемный, лексико-семантический, синтаксический);

– переходные явления образуют систему взаимодействующих единиц в языке и речи (например, переходные явления наблюдаются в зоне взаимодействия лексем и морфем, слов и словосочетаний);

– переходные явления характеризуются семантической конденсацией;

– переходные явления синхронного и диахронного характера тесно связаны между собой.

Помимо шкалы переходности, есть ряд других методов и приёмов описания явлений переходности. Среди них В.В. Бабайцева выделяет:

– структурно-семантический метод (общелингвистический метод, который предполагает исследование внутренних связей системы языка);

– оппозиционный метод (выделение полярных звеньев основано на противопоставлениях, оппозициях: знаменательные – служебные части речи; главные – второстепенные члены предложения; простое – сложное предложение; односоставное – двусоставное – нечленимое предложение; утвердительное – отрицательное высказывание);

– метод синтаксического анализа (учёт первичных / вторичных, трансформационных / нетрансформационных синтаксических функций, типа предложения и порядка слов в предложении);

– метод компонентного анализа (выделение в значении слов элементарных смыслов, разложение значения слова на элементарные семы);

– метод анализа синонимических и антонимических связей (приём синонимической / антонимической замены на морфологическом / синтаксическом уровне);

– метод сопоставления с другими языками.

Термин *переход* предельно широк: его можно рассматривать и как философскую категорию, связанную с категориями *изменение* и *движение*, и как категорию собственно лингвистическую.

Методы исследования. При анализе семантики наречных предлогов мы пользуемся структурно-семантическим методом (анализ сочетаемости наречных предлогов); при описании пространственной семантики наречных предлогов мы используем метод когнитивного анализа (когнитивные схемы); при построении статистической модели используются операционально-статистические критерии соответствия выборочных совокупностей нормальному распределению (критерий Колмогорова-Смирнова и критерий Шапиро-Уилка). Репрезентативность выборочных совокупностей проверяется при помощи теста z-статистики.

Научная новизна исследования состоит в разработке нового подхода описания закономерностей семантической эволюции наречных предлогов. Разработаны принципы нового подхода, применимого к описанию и анализу закономерностей семантической эволюции наречных предлогов. Такой подход базируется на числовых данных, позволяющих оценить частотность употребления наречных предлогов в разных значениях в разные периоды существования русского языка. Исследование становится более объективным, поскольку количественные закономерности на выходе предстают в форме *визуальной модели*. Впервые числовые параметры источников оцениваются при помощи статистических критериев, что позволяет оценить репрезентативность совокупностей и нормальное распределение. Репрезентативность и нормальное распределение, в свою очередь, являются универсальными первостепенными условиями, которым должна соответствовать *любая* мини-модель корпуса. Эта модель позволяет показать динамическую сторону процесса изменения соотношения пространственных и непространственных употреблений наречных предлогов. Модификации этой модели можно использовать не только при описании семантических сдвигов, но и при характеристике фонетико-фонологических, морфологических,

синтаксических и стилистических изменений языковой системы. Поскольку одним из оснований для выделения ядерных и периферийных звеньев является частотность употребления языковых единиц, то возникает необходимость создания методики обработки этой и ряда других количественных характеристик. Образец подобного описания представлен в третьей главе диссертации.

Теоретическая значимость заключается в применении формальных методов при описании семантических изменений наречных предлогов в диахронии. Изучение фактов языка на материале корпуса диктует необходимость разработки и дальнейшего совершенствования методики и языка статистического описания. Предлагаемую в настоящей диссертации методику можно использовать при исследовании переходных явлений всех типов. Главным её достоинством является то, что она позволяет верифицировать количественные (статистические) гипотезы при помощи репрезентативных выборочных совокупностей небольшого объёма, т.е. создавать мини-модель исходного корпуса или необходимой части корпуса.

Практическая значимость состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы в практике преподавания вузовских курсов и спецкурсов по русскому языку: семантика, современная и историческая лексикология, историческая грамматика, морфология, синтаксис – современного языка и исторический; корпусная лингвистика, когнитивная лингвистика. Кроме того, такое описание может быть использовано в лексикографии в качестве вспомогательного материала при составлении словарей и грамматик русского языка.

Положения, выносимые на защиту:

1) Статистическая обработка репрезентативных выборочных совокупностей небольшого объёма помогает более детально описать динамические процессы в классе наречных предлогов на синхронно-диахронном уровне, «вскрыть» и проиллюстрировать количественные изменения, стоящие за качественными переходами;

2) Набор производных непространственных значений, в направлении которых эволюционирует пространственная семантика наречных предлогов, ограничен. При структурно-семантическом анализе и анализе сочетаемости выявляются как зоны пересечения, так и зоны расхождения значений;

3) У каждого наречного предлога индивидуальный путь семантического развития, и при общей логике перехода *конкретное имя – абстрактное понятие* история формирования новых значений в каждом конкретном случае сугубо индивидуальна;

4) Утрата непространственных значений наречного предлога *близ* может быть связана как с жанровой спецификой текстов употребления, так и с морфологической простотой этого предлога.

Апробация. Основное содержание диссертации отражено в 5 публикациях общим объёмом 2,7 п.л., в том числе в 3 статьях в журналах, рекомендованных ВАК. Проект и результаты работы обсуждались на научных конференциях – Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности (2020, 2022), а также на научных семинарах аспирантского объединения Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва (2019, 2022) и на заседаниях кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (2019-2023).

Структура работы: работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы (187 наименований), списка источников, списка сокращений и трёх приложений. Общий объём диссертации – 189 страниц.

Глава 1 Локализм в контексте философии и теории языка

«Все мысленные и идеальные отношения постижимы для языкового сознания лишь через проекцию на пространство, через аналогическое

«отображение» на нем этих отношений»

[Кассирер 2002: 135]

«Исследования семантических изменений показывают в первую очередь, что отвлечённые и абстрактные значения вырастают, как правило, из более

конкретных»

[Блумфилд 1968: 470]

1.0 Предварительные замечания к главе 1

Прежде чем перейти к описанию семантической эволюции интересующих нас предлогов русского языка, считаем целесообразным рассмотреть базовый вектор развития языковых единиц с общепhilosophической точки зрения. Таким вектором семантического развития мы будем считать гипотезу о локализме, постулирующую тезис о направлении формирования падежных значений: от обозначения отношений между предметами к обозначению отношений между понятиями, — тезис, основанный на универсальном принципе когнитивного развития от конкретного к абстрактному. Отметим сразу же, что статус локализма в лингвистике (гипотеза vs. теория) остаётся неопределённым. Авторская точка зрения состоит в том, что локализм следует считать гипотезой, поскольку в языках мира есть немногочисленные примеры «обратного» развития значений: пространственные могут развиваться на базе абстрактных. Этому вопросу посвящена, в частности, диссертация французского лингвиста Бенджамина Фагара [Fagard 2010], описывающая процесс и этапы семантической эволюции предлогов в романских языках. В классических учебниках по исторической грамматике русского языка есть разделы, посвященные истории предлогов в диахронном аспекте, но о возможности «обратного» развития их значений авторы не говорят. Напротив, в «Истории древнерусского языка» Л.П. Якубинского однозначно утверждается, что в русском языке нет ни

одного временного предлога, который по своему происхождению не был бы пространственным. Это объясняется тем, что «прежде всего осознаются, как известно, связи сосуществования в пространстве, связи пространственные, затем, в связи с ними, связи временные» [Якубинский 1953: 255].

Попытка синхронно-диахронного (панхронического) описания концептов, связанных с локализацией в пространстве, предпринятая в диссертации, безусловно, не является абсолютно уникальной. Такое описание представлено, в частности, в статьях сборника «Грамматикализация пространственных значений в языках мира» (2002). Так, статья [Плунгян 2002] посвящена рассмотрению категории глагольной ориентации, построению типологической классификации систем глагольной ориентации. В.А. Плунгян выделяет два типа изменений семантической структуры предиката, связанных с добавлением показателей ориентации: изменения актантной структуры (актантная деривация) и изменения аспектуального типа (перфективация) [Плунгян 2002: 92]. Изменения первого типа связаны с увеличением числа глагольных валентностей и, следовательно, с расширением сферы функционирования предиката: *обнести свечу вокруг стола* → *участок оградой* → *гостей блюдом* (дистрибутивное значение) → *гостя блюдом* (каритивное значение). Второй тип связан с появлением производных аспектуальных значений предиката – перфективного (*бежать* – *подбежать*), инхоативного (*волноваться* – *взволноваться*) и рефактивного (*наковать* – *перепаковать*); статья Д.С. Ганенкова [Ганенков 2002] посвящена описанию семантической зоны пролатива – падежа, обозначающего траекторию, путь. Рассуждая о семантическом развитии пролатива, он констатирует, что пространственные значения могут закономерно развивать более абстрактные значения темы (*скучать по матери*), причины (*отсутствовать по болезни, хвалить за оценку*), временного интервала (*приехать домой через месяц*), уровня (*воды в реке по колено*), инструмента / материала (*построить дом из кирпича*) и др. (см. подробнее [Ганенков 2002: 55]). На лексическом уровне проблема оценки потенциала семантики пространства поставлена в статье

[Гак 2000]. Автор исследует эволюцию слов и словосочетаний с пространственной семантикой и выделяет несколько возможных переходов (в авторской терминологии – *выходов из пространства*).

Изложение в главе строится следующим образом. Сначала гипотеза о локализме рассматривается с точки зрения общей философии языка, затем с позиции сравнительно-исторической парадигмы. В генеративной лингвистике (1950 – 1970 гг.) гипотеза о локализме вновь на некоторое время становится актуальной, следствием чего является терминология, созданная Р.О. Якобсоном [Якобсон 1985]. Его учение об *общем значении падежей* русского языка («инвариантный подход», традиционно противопоставляемый «полисемическому») предполагает их рассмотрение с позиции трёх измерений (англ. *features*): направленности, объёмности и периферийности (+ указывает на наличие, а 0 – на отсутствие маркированности по данному признаку, см. табл. 1.1.). Однако в силу своей чрезмерно высокой абстрактности выделяемые Р.О. Якобсоном признаки недостаточно полно объясняют конкретные падежные значения в русском языке.

Таблица 1.1 – Распределение падежей русского языка в соответствии с идеей Р.О. Якобсона (цит. по [Zimmerling, Kosta 2022])

	Направленность (англ. Directionality)	Объёмность (англ. Quantification)	Периферийность (англ. Marginality)
NOM	0	0	0
ACC	+	0	0
GEN 1	0	+	0
INSTR	0	0	+
DAT	+	0	+
LOC 1	0	+	+
GEN 2	+	+	0
LOC 2	+	+	+

Локализм как падежная теория в настоящее время используется редко. В последние десятилетия появилась огромная литература по падежным системам, которая не сводится к универсальному определению падежей. В данной диссертации этот вопрос подробно не рассматривается. Критический обзор современных падежных теорий можно найти в работе [Лютикова 2017]. Тем не менее, локализм является одним из самых фундаментальных и

актуальных положений лингвистики. Он выходит далеко за рамки падежных теорий, имплицитно интегрируется в положения современной когнитивной лингвистики, психолингвистики и грамматики (см. названия соответствующих направлений исследований: *когнитивный локализм*, *лингвистика пространства*, включающая в себя *грамматику* и *семантику пространства*).

1.1 Идея локализма в контексте философии

Локализм постулирует пространственные отношения единственно правильной основой для истолкования значений языковых конструкций: «the patterns for representing the most ‘concrete’ types of ‘change’ and ‘state’ (i.e. motion and existence in space) serve as a framework for representing the less concrete types of ‘change’ and ‘state’» [Ikegami 1976] (шаблоны для представления наиболее конкретных типов изменения и состояния (таких как, например, движение или существование в пространстве) служат основой для представления менее конкретных типов изменения и состояния¹).

Одним из наиболее известных источников изучения рассматриваемой концепции традиционно считается обзорная работа Л. Ельмслева «Категория падежа» [Hjelmslev 1935]. При описании падежных систем неиндоевропейских языков Л. Ельмслев рассматривает их с позиции наличия / отсутствия следующих признаков (измерений, англ. *dimentions*): направление (англ. *directionality*), допускающее приближение (англ. *rapprochement*), отдаление (англ. *eloignement*) и покой (0); контакт (англ. *coherence – incoherence*), субъективность / объективность (англ. *subjectivity – objectivity*, более редкий признак). Для каждого измерения устанавливается иерархия признаков и приписывается положительная (+), отрицательная (—) или нейтральная (0) ориентация.

Таблица 1.2 – Распределение некоторых падежей финского языка в соответствии с идеей Л. Ельмслева (цит. по [Zimmerling, Kosta 2022])

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках представлен авторский вариант перевода цитат на русский язык

+ когеренция	+ направление	ILL
+ когеренция	0 направление	INES
+ когеренция	— направление	ELAT
— когеренция	+ направление	ALL
— когеренция	0 направление	ADES
— когеренция	— направление	ABL

Некоторые выдвинутые Л. Ельмслевым тезисы признаются явно ошибочными (см. об этом, в частности, работы [Serbat 1979]; [Бернштейн 1958]). Так, С.Б. Бернштейн, критикуя подход Л. Ельмслева, пишет, что он «строит свою классификацию типов склонения на основе установленных им самим общих принципов координат, соотношений падежной системы с другими элементами языковой структуры», потому что цель его состоит в том, чтобы попытаться «установить мёртвые схемы возможных падежных систем, которые не находили поддержки в реальной действительности» [Бернштейн 1958: 19].

Дж. Лайонз определяет локализм как гипотезу о том, что пространственные выражения (англ. *spatial expressions*) с лингвистической точки зрения являются базовыми и служат структурными шаблонами для других высказываний. Психологическая причина этого состоит в том, что пространство играет важнейшую роль в процессе познания окружающего мира [Lyons 1977: 718]. Отсюда следует, во-первых, что любые другие (непространственные) семантические отношения являются производными от пространственных; во-вторых, такой переход, как правило, является однонаправленным. Дж. Лайонз различает строгую и слабую версии локалистской гипотезы и рассматривает её в связи с другими грамматическими понятиями, такими как аспектуальность (англ. *aspectuality*) и пропозициональная структура (англ. *propositional structure*). Слабая версия гипотезы ограничивается утверждением о том, что единицы, выражающие временную семантику, исторически являются производными от единиц с пространственной семантикой. В соответствии со строгой формулировкой, любые языковые структуры могут быть выражены в терминах пространства

(см. [Parret 1989: 37 и сл.]. Например, при переводе в локалистскую терминологию высказывания *это так*, описывающего субъективную истинность некоторого положения вещей (X), потребуется приписать данному положению предикат существования: ' X существует' и '*субъект находится в X* '. Сторонники строгой версии отмечают возможность перевода высказываний с любой заданной модальностью в подобную терминологию. Здесь же Дж. Лайонз доказывает, что аспектуальность может быть описана как перемещение (англ. *journey*) из одной (начальной) позиции в пространстве в другую (конечную). Точно таким же способом, по его мнению, можно описать формальную синтаксическую структуру высказывания. Так, логическое условие 'если q , то p ' будет переведено на естественный язык с использованием соответствующего предиката – глагола движения: ' p следует (идёт) за q ' или 'из q следует p '.

1.1.1 Понятия *локализм* – *локализованность* – *ситуация*

Скажем несколько слов о соотношении локализма с другими близкими по значению терминами, принятыми в современной философии лингвистического анализа.

Локализм и локализованность во времени. Американский философ Д. Дэвидсон для обозначения локализованности во времени предлагает термин *spatiotemporality*. Этот термин обсуждается в контексте тезиса другого американского философа – У.О.В. Куайна – о параллелизме существующих физических объектов с одной стороны и происходящих событий с другой: «events, like physical objects, are identical if they occupy the same places at the same times» [Davidson 1980: 309] (События, подобно физическим объектам, идентичны, если они занимают одно и то же место в одно и то же время).

При таком подходе границы между событиями и объектами оказываются расплывчатыми и, как следствие, возникает проблема терминологической неточности. Необходимо уточнение: если события и объекты располагаются в одном времени-пространстве, то правильнее говорить, что события случаются (англ. *occur*) в некотором месте в определённое время t , а объекты занимают

(англ. *осциру*) место на время t . Между тем есть точка зрения о том, что состояния, которые являются событиями, именно *локализируются* в пространстве и времени, о чём говорят факты употребления языковых конструкций (допустимы сочетания типа *боль в ноге, жжение в груди* и др. под.; см. об этом статью Г.Х. фон Вригта «О локализации ментальных состояний» [Вригт 2000]).

Д. Дэвидсон рассматривает семантику через апелляцию к понятию *истина*. Теория значения Д. Дэвидсона связывает предложения объектного языка (s), к которому она применяется, с предложениями метаязыка (p) при помощи схемы. Схему в общем виде можно представить так:

s истинно, если и только если p .

Суть этой теории состоит в том, чтобы при помощи конечного набора аксиом генерировать потенциально бесконечное количество теорем, Т-предложений, для каждого предложения объектного естественного языка. Подход Д. Дэвидсона основывается на теории истины польско-американского логика А. Тарского, разработанной им для формальных языков. При объяснении предложений естественного языка, однако, необходимо учитывать наличие дейктических компонентов, соотносящих высказывание с пространственно-временными координатами. Таким образом, общая схема приобретает вид:

s истинно в момент времени t и в пространстве sp , если и только если p^2 .

Иными словами, пространственно-временные координаты являются необходимым условием для определения истинности или ложности высказывания. Так, истинность суждения *на улице солнечно* определяется относительно настоящего времени (текущего момента) и местонахождения говорящего. Без учёта этих характеристик высказывание не является ни истинным, ни ложным.

---

² Это касается только *spatiotemporal predicates*, т.е. процессов, действий и состояний. Предложения типа Дэвидсон – философ или Логика событий сложна могут трактоваться, как временные (А.В. Циммерлинг, устное сообщение)

Объединение времени и пространства в единую категорию – закономерный этап развития общей философии и философии языка: время и пространство образуют единую систему координат, составляющую ядро любой коммуникативной ситуации. Эти категории равноправны и равнозначны по отношению друг к другу.

Локализм и ментальные пространства. Пример механизма взаимодействия пространства и времени можно обнаружить, в частности, в концепции Жюль Фоконье [Fauconnier 1994]. Под термином *ментальные пространства* (фр. *les espaces mentaux*) подразумеваются некоторые области, которые мысленно строит говорящий, оформляя мысль в целостное логически корректное высказывание. Показатели времени – это своего рода *коннекторы*, которые связывают два и более пространств между собой: базовое и зависимые (ещё такими коннекторами выступают показатели наклона, модальные слова и др. под. элементы). Предположим, что есть два утвердительных суждения:

Иван разговаривает с Алексеем – базовое пространство (S_1)

Вчера Иван разговаривал с Алексеем – «дочернее» пространство (S_2).

Обобщим ситуацию и получим запись вида:

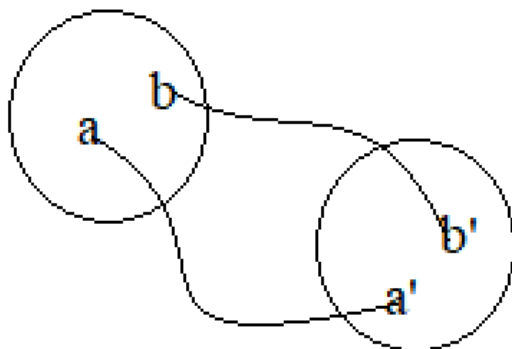
[Разговаривать (ab)], где a и b – участники ситуации, информация о которой содержится в предикате.

Обстоятельство времени (в приведенном примере – *вчера*), по мысли Ж. Фоконье, – это коннектор (англ. *space builder*), отсылающий к пространству S_2 , которое взаимосвязано с S_1 в силу действия *принципа доступа* (англ. *access principle*). Новое пространство S_2 подобно базовому пространству S_1 : оно включает тех же участников ситуации (англ. *counterparts*) a' и b' , но вводит высказывание в иную временную плоскость (прошедшее время).

S₁ план настоящего

a: Иван

b: Алексей

S₂ план прошлого

a': Иван

b': Алексей

Разговаривать (a'b')

Рисунок 1.1 – Связь базового и дочернего пространства в соответствии с идеей Ж. Фоконье

Локализм и ситуация. В модели ситуационной семантики Дж. Барвайза и Дж. Перри [Barwise and Perry 1983] пространство и время являются производными от понятия *ситуация*. Основная идея семантики ситуаций состоит в том, что значение простого повествовательного предложения есть отношение между высказыванием и описываемой ситуацией. По мысли Дж. Барвайза и Дж. Перри, именно *ситуации* являются базовыми единицами реальности. Это объясняется тем, что люди получают жизненный опыт главным образом из ситуации. Ситуации, в свою очередь, обладают заданной структурой. Компонентами ситуации являются физические объекты и индивиды с определёнными свойствами, находящиеся в определённых отношениях друг к другу в различных пространственно-временных точках (ср.: individuals having properties and standing in relations at various spatiotemporal locations [Barwise and Perry 1983: 7]). Индивиды единообразны (*uniformities*), они вовлечены в события, обладают свойствами и вступают в отношения. Свойства вещей важны для классификации ситуаций. Отношения между объектами тоже соотносимы с временем и пространством. Типовая ситуация-модель (*s*) будет истинной (*да*) или ложной (*нет*) в зависимости от времени и места. Рассмотрим, например, ситуацию, описываемую следующими предложениями:

Юноша занервничал, в то время как его товарищ по-прежнему сохранял спокойствие (1). Путники миновали опасный участок дороги (2).

Для начала изобразим схематично ситуацию в предложении (1):

s (нервничать, юноша) = да

s (нервничать, товарищ) = нет

Расширим схему с учётом предложения (2), а также пространственно-временных координат (последовательности событий во времени, (*course of events*, e)³ и места (*location*, l)) и получим модификацию:

Для e в l : нервничать, юноша; да

в l' : миновать, юноша, товарищ; да

в l'' : нервничать, юноша; нет

Семантика ситуаций исходит из того, что высказывание и ситуация связаны между собой. Следовательно, интерпретация высказываний с точки зрения истинности или ложности зависит от пресуппозиции и фоновых знаний участников.

1.1.2 Этапы развития локализма

Античный локализм: Аристотель. Относительно времени появления локализма как целостной концепции учёные сходятся во мнении о том, что она сформировалась в лингвистике относительно поздно (XIX в.) [Скребцова 2011: 227]; [Fagard 2015: 42], хотя корни её уходят глубоко в античность. Так, французский лингвист Жан-Мишель Фортис отмечает, что первые упоминания того, что впоследствии будет названо локалистской гипотезой, можно обнаружить ещё в «Физике» Аристотеля [Fortis 2020: 15]. Мыслитель объясняет семантические отношения, выражаемые при помощи греческого предлога $\acute{\epsilon}\nu$ (русск. *в*), опираясь на определение места (греч. *τόπος*) как формы каждого тела: «место, с одной стороны, [есть нечто] общее, в котором

---

³ Последовательность событий (англ. *course of events*, *coe*) определяется авторами как трехкомпонентное множество $\langle l, y, i \rangle$, где l – пространственно-временная локация (*spatiotemporal location*), y – составная последовательность (*constituent sequence*), включающая, как правило, предикат и участников ситуации, находящихся в определенных отношениях $\langle r, x_1 \dots x_n \rangle$, а i – оценка истинности ($i = 0, i = 1$) [Barwise and Perry 1983: 56]

находятся все тела, с другой – особое, в котором первом [помещается данное тело]» [Аристотель 1981: 125 – 126].

Таким образом, семантическое описание структурировано по следующему принципу: в основе каждого (производного) значения предлога ἐν лежит первоначальное пространственное значение, которое Аристотель определяет как локативное (‘пребывание в каком-либо месте’). Приведём здесь его рассуждения: «[...] необходимо объяснить, в скольких значениях употребляется выражение «одно [находится] в другом». В одном значении — как палец в руке и вообще часть в целом; в другом же — как целое в [своих] частях, ибо не существует целого помимо частей; в ином значении — как человек в живом существе и вообще вид в роде; еще в ином — как род в виде и вообще как часть вида в определениях вида; затем — [...] как форма в материи. Далее — как в царя [сосредоточены] дела эллинов и вообще как в первом двигателе; далее — как в благе и вообще в цели, а это и есть «ради чего». Но в самом собственном значении [одно находится в другом] — как в сосуде и вообще в [каком-нибудь] месте» [Аристотель 1981: 127].

Онтологическое объяснение первичности места состоит, по мнению Аристотеля, в том, что место есть нечто, «без чего не существует ничего другого, а оно без другого существует [...] место не исчезает, когда находящиеся в нём [вещи] гибнут» [Аристотель 1981: 124].

Ещё один важный аристотелевский тезис находим в сочинении «О душе»; философ рассуждает следующим образом: «[...] постигаемое умом имеется в чувственно воспринимаемых формах: [сюда относится] и так называемое отвлеченное, и все свойства и состояния ощущаемого. И поэтому существо, не имеющее ощущений, ничему не научится и ничего не поймет» [Аристотель 1976: 440].

Идея о том, что ощущения человека являются главным источником познания окружающего мира, впоследствии станет основополагающей в философии эмпиризма (сенсуализма). Кроме того, мысль о чувственно воспринимаемых формах получает дальнейшее развитие в когнитивной

семантике, в частности, в контексте идеи воплощённого познания (англ. *embodied cognition*). Ж. Фортис [Fortis 2018: 160] рассматривает когнитивный локализм в качестве отдельного направления лингвистических исследований; он же справедливо отмечает, что объективно и в полной мере оценить влияние Аристотеля на последующее развитие этого направления весьма затруднительно.

Средневековый локализм: грамматика модистов. Следующий этап в развитии локализма – логико-грамматическое учение модистов (XIII – XIV вв.). Описание модистов претендует на универсальный характер и использует понятийный аппарат философии (метафизики) и физики. Получает обоснование тезис о зависимости разума от чувственного восприятия. Кроме этого, И.А. Перельмутер отмечает, что модисты заимствуют теорию движения Аристотеля и адаптируют её для создания собственной синтаксической доктрины: «движение в предложении осуществляется глаголом-сказуемым, оно исходит из подлежащего как своего источника и начала (*principium*) и заканчивается в дополнении как в своей конечной цели и своём завершении (*terminus*)» [Перельмутер 1991: 51].

Потребность в такого рода заимствованиях возникает вследствие необходимости дать «онтологическое» обоснование явлениям языка вместо «логического» обоснования (подобная смена парадигмы связана с тем, что интересы учёных во второй половине XIII в. переключились с проблем логики на проблемы натурфилософии, психологии и метафизики). Онтологическое истолкование получают части речи (в т.ч. служебные): так, глаголам приписывается способность обозначать посредством модуса бытия (лат. *modus esse*), существительным – посредством модуса сущего (лат. *modus entis*). Модусы обозначения отражают, по мысли модистов, базовые свойства (объектов, явлений, процессов и состояний) окружающей действительности, а грамматическое значение частей речи соотносится с этими свойствами; язык адекватно отражает мир посредством общих понятий, существующих объективно и независимо от сознания человека в единичных вещах (лат.

universalia sunt realia). Подобный физикалистский подход к описанию грамматической структуры приводит, в частности, к необходимости по-новому взглянуть на природу грамматических категорий. Например, категория падежа – это такая категория, которая выражает идею источника или цели движения; определяет субстанцию или действие. Попытки дать подобное определение находим в сочинениях Симона Дакийского: «Et est accusativus quidam casus dicens terminum motus, eo quod disponit substantiam in comparatione termini ad actum» (цит. по [Kelly 1977: 112]) (аккузатив – падеж, обозначающий цель движения, для чего субстанция (имя) сопоставляется с действием).

Как отмечает Ж. Фортис [Fortis 2018: 162], ссылаясь на исследование [Serbat 1981], подобное объяснение падежных значений с позиции локализма можно обнаружить и у Мартина Дакийского: например, именительный падеж в классических языках указывает на источник действия, а приименной родительный – на источник субстанции; дательный и аблативный обозначают как субстанции, так и действия, следовательно, могут указывать и на цель, и на источник.

Переходность (транзитивность) – категория, предполагающая передачу энергии (греч. *ἐνέργεια*) от одного участника ситуации к другому – тезис александрийского грамматика Аполлония Дискола. Грамматики-модисты явно стремятся отдать приоритет понятиям, которые присущи физике и метафизике и которые они считают более фундаментальными, чем традиционные акциденции (категории); например, глаголы выражают категорию времени, а время – это всего лишь свойство движения (лат. *motus*), следовательно, движение или процесс (лат. *feri, fluxus*) более фундаментальны, чем время, для определения глаголов [Kelly 1977: 113].

В дальнейшем идеи представителей модистического направления рассматривались в собственно философской парадигме. Ж. Фортис отмечает идеи итало-французского философа Жюля Сезара Скалигера, который в сочинении «De Causis Linguae Latinae Libri Tredecim» [Scaliger 1540])

опирается на принципы логики Аристотеля, обосновывая соотнесённость грамматических явлений с категориями метафизики. И.А. Перельмутер упоминает, помимо Ж.С. Скалигера, имя испанского лингвиста Франсиско Санчеса, вслед за модистами полагавшего, что имя-подлежащее – это материя предложения, а глагол-сказуемое – его форма.

Есть мнение о том, что основоположником идеи локализма следует считать византийского грамматиста Максима Плануда (1260 – 1305); его теорию описания падежей, созданную на материале греческого языка, Л. Ельмслев считает наиболее объективной и правильной (фр. «la meilleure théorie des cas grecs qui ait été faite» (цит. по [Serbat 1979: 11]). М. Плануд рассматривал родительный, дательный и винительный падежи в греческом языке и отмечал, что каждый из них содержит в себе идею движения. Так, идея приближения (+) выражается аккузативом, идея движения от исходного пункта траектории (–) – генитивом. Дательный падеж занимает нейтральную позицию (0). См. по этому поводу аналогичное замечание в статье Германа Паррета (Herman Parret): «The dative, according to the localist hypothesis, is the ideal case for non-movement: it is the neutral position between rapprochement and estrangement» (дательный падеж, в соответствии с локалистской гипотезой, как правило используется при описании статической ситуации: он занимает нейтральную позицию между динамическими ситуациями приближения и отдаления) [Parret 1989: 45].

Следовательно, любое падежное значение сводится в конечном счёте к идее движения (абстрактного или конкретного). И.В. Нетушил в статье «Локализм» так характеризует позицию М. Плануда: «по его мнѣнію, три косвенные падежа греческаго языка вполнѣ соотвѣтствуютъ движенію, идущему откуда-нибудь и направленному куда-нибудь, равно какъ и спокойному пребыванію на мѣстѣ, находящемуся по срединѣ между указанными двумя направленіями. Притомъ порядокъ косвенныхъ падежей, въ которомъ они перечисляются у греческихъ грамматиковъ (1) genitivus, 2) dativus, 3) accusativus), казался ему совершенно естественнымъ, такъ какъ онъ

вполнѣ соотвѣтствуетъ порядку постепеннаго перемѣщенія движущагося тѣла: вѣдь прежде всего оно приходитъ откуда-нибудь (gen.), затѣмъ находится гдѣ-нибудь (dat.) и наконецъ уходитъ опять куда-нибудь (acc.)» [Нетушил 1881: 270].

Интересно его собственное обоснование общепринятого порядка падежей греческого языка. Так, в «Диалоге о грамматике» (англ. «Dialogue on Grammar») он разбирает падежные формы греческого предложения

[*tou Patroklou pesontos*] GEN *Akhilleus* NOM *exēlthen eis polemon* (цит. по [Fortis 2018: 159]) ('Патрокл пал, Ахиллес пошел на битву')

М. Плануд сопоставляет формы генитива и номинатива, в которых, по его мнению, отражена своего рода непосредственная «падежная мутация», «переход» (греч. *metaptōsis*). С точки зрения М. Плануда, такая «мутация» происходит немедленно, поскольку родительный падеж стоит рядом с именительным падежом в общепринятом порядке; она тем более уместна в предложении, которое изображает немедленный переход от смерти Патрокла к решимости Ахиллеса сражаться. Другими словами, события, которые накладываются друг на друга во времени, требуют падежей, которые расположены рядом друг с другом в исходной парадигме.

Локализм Нового Времени. В XVII – XVIII вв. идеи локализма развиваются в рамках механицизма – мировоззренческой концепции, объясняющей развитие природы и общества «законами механической формы движения материи, которые рассматриваются как универсальные и распространяются на все виды материального движения» [Философский словарь].

Помимо этого, в XVII в. можно наблюдать возрождение философии атомизма; появляются понятия абсолютного (И. Ньютон) и относительного (Г.В. Лейбниц) пространства. В это время учёные всё сильнее осознают важность языка для общей теории познания: язык – ключ к пониманию разума и механизма мышления. Следовательно, формы с пространственным значением важны ввиду того, что они могут раскрыть механизм восприятия и познания окружающего пространства. С позиции принятой в это время

научной парадигмы проблема раскрывалась в двух сосуществующих направлениях: во-первых, в описании роли языка в общекогнитивном развитии человека (здесь же ставился вопрос о происхождении языка и его взаимосвязи с мышлением) и, во-вторых, в описании этимологии самих языковых форм и категорий. Несмотря на то, что уже в то время осознавалась функциональная эквивалентность предлогов и падежей, работ, посвященных совместно, обобщающему описанию этих двух категорий, мы не находим; только начиная с работ английского грамматиста Джеймса Харриса падежи начинают рассматриваться наравне с предлогами. Дж. Харрис, сопоставив между собой падежи и предлоги, констатировал, что первичным их значением является пространственное значение, внутри которого можно выделить две семантические подгруппы: направление от источника (англ. *FROM-case*) к цели (англ. *TO-case*). Он заметил, что генитив и датив в греческом языке (греч. *δεομαι σου* ‘я тебя прошу’ – греч. *διδωμι σοι* ‘я тебе даю’) можно функционально соотнести с этими подгруппами (англ. *of thee I ask – to thee I give*) [Harris 1773: 285]. Здесь же Дж. Харрис отмечает, что употребление предлогов не ограничивается исключительно обозначением пространственных отношений: есть тенденция к расширению сферы предложного функционирования для обозначения более абстрактных, невещественных (англ. *incorporeal*) отношений: «[...] though the original use of Prepositions was to denote the Relations of Place, they could not be confined to this Office only» (несмотря на то, что первоначально предлоги указывали на пространственные отношения, сфера их действия не может быть сведена только лишь к такому употреблению) [Harris 1773: 266] (цит. по [Fortis 2018: 170]).

Объяснение природы частиц (партикул) и предлогов через призму языка представляло определённые трудности ввиду того, что эти единицы рассматривались как результат спонтанного акта мысли (лат. *actus exercitus*), как знаки деятельности духа и как то, что не имеет собственного концептуального содержания (англ. *conceptual content*). Показательны в этом смысле рассуждения Дж. Локка о частицах в его «Опыте о человеческом

разумении»: «[...] тот, кто пожелал бы указать правильное употребление частиц, их значение и важность, должен употребить немного больше труда, вникнуть в свои собственные мысли и тщательно наблюдать различные позиции своего ума при разговоре» [Локк 1985: 530].

Здесь же Дж. Локк говорит о отражении чувственного опыта человека в словах (понятиях) языка: «слова, в конце концов, происходят от слов, обозначающих чувственные идеи [...] слова, которыми пользуются для обозначения действий и понятий, весьма далекие от чувства, происходят из этого источника и от идей, явно чувственных, переносятся на более неясные значения, обозначая идеи, не относящиеся к области наших чувств [...] я не сомневаюсь, что, будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы нашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, во всех языках имели свое первое начало от чувственных идей» [Локк 1985: 460].

К чувственным идеям (ощущениям или рефлексии) восходят абстрактные (отвлечённые) идеи. Интересно разграничение Дж. Локком простых и смешанных модусов, за которым, с нашей точки зрения, стоит та же мысль о том, что мышление последовательно развивается от чувственного опыта к более абстрактным понятиям. Дж. Локк выделяет простые модусы пространства (например, простые идеи расстояния, протяжённости, формы, места). Примерами смешанных модусов будут понятия *обязанность*, *опьянение*, *ложь*. Они, будучи созданными человеческим умом, существуют в мыслях, но частично взяты из непосредственного наблюдения. Они могут быть представлены в языке при помощи перечисления составляющих их простых идей: «человек может получить идею святотатства или убийства через перечисление ему простых идей, обозначаемых этими словами, никогда не выдав ни того, ни другого преступного действия» [Локк 1985: 339].

Ввиду того, что по своей природе смешанные модусы как правило не имеют реально существующего образца-прототипа, их толкование (и, следовательно, понимание) отлично у каждого человека.

О механизме метафорического проецирования для образования абстрактных понятий в языке вслед за Дж. Локком писал и французский философ-сенсуалист Э.Б. де Кондильяк. Он полагал, что есть связь между действиями души и действиями тела; при этом такая связь возможна благодаря работе человеческого воображения, которое способствует закреплению названия идеи в системе языка: «так как люди всегда замечали движение и покой в материи, наблюдали склоны или наклоны тел, видели, что воздух колеблется, небо становится сумрачным и просветляется, что растения развиваются, укрепляются и ослабевают, то они говорили движение, покой, наклонность и склонность души; они говорили, что дух колеблется, становится сумрачным, просветляется, развивается, укрепляется и ослабевает» [Кондильяк 1980: 238].

Э.Б. де Кондильяк, таким образом, обосновывает связь мыслимого и чувственно воспринимаемого – первое вытекает из последнего; абстрактные идеи – результат упорядочения идей чувственных, существующих, однако, вне языка. Общая идея языкового развития – от воспринимаемого к абстрактному – согласуется с гипотезой Э.Б. де Кондильяка о первичности языка жестов (посредством жестикуляции постепенно вырабатывалась привычка связывать идеи и номинальные знаки, в результате чего возник условный язык). Анализ конкретного языкового материала подтверждает эти положения. Так, рассматривая природу французского предлога *de*, Э.Б. де Кондильяк приходит к выводу о том, что исходным его значением было пространственное значение источника движения, из которого далее развились значения обладания (фр. *le palais du roi* ‘королевский дворец’), причины-следствия (фр. *les tableaux de Raphaël* ‘картины Рафаэля’), качества (фр. *un homme d’esprit* ‘умный человек’), а также партитивное значение (фр. *j’ai de la raison* ‘я прав’), значение выделения предмета из некоторого множества (фр. *c’est un des hommes les plus savans* ‘это один из умнейших людей’) и некоторые другие (цит. примеров по [Fortis 2018: 169]).

Попыткой нивелировать различие между актом мысли и языковым содержанием можно считать подход Г.В. Лейбница, в котором партикулам и предлогам было приписано концептуальное содержание (англ. *conceptual substance*) для последующего их описания на едином разработанном метаязыке, для «когнитивного оправдания» класса служебных слов. Локалистские идеи Г.В. Лейбница находим в его «Новых опытах о человеческом разумении...» в «Книге о словах», которой придана форма диалога между двумя вымышленными лицами – Филалетом и Теофилом. Последний выражает идеи автора и проводит аналогию между чувственными и нечувственными вещами, которая служит основанием для тропов. Французские предлоги *à* (русск. *в, к*), *avec* (русск. *с*), *de* (русск. *из, о*), *devant* (русск. *до, перед*), *en* (русск. *в*), *hors* (русск. *вне*), *par* (русск. *посредством*), *pour* (русск. *для*), *sur* (русск. *на*), *vers* (русск. *по направлению к*) «взяты из обстоятельств места, расстояния и движения и перенесены затем на всякие изменения, порядки, последовательности, различия, сходства» [Лейбниц 1983: 278].

Следовательно, первичность «чувственных вещей» (того, что познаётся эмпирически) отражается в семантике, а значит, «языки — это поистине лучшее зеркало человеческого духа и [...] путем тщательного анализа значения слов мы лучше всего могли бы понять деятельность разума» [Лейбниц 1983: 338].

В работе «*Analysis Particularum*» высказана идея о том, что предлоги этимологически обозначают отношение к месту (лат. *praepositiones [...]* *originarie significare respectum ad situm*) ([цит. по [Fortis 2011: 1]) и метафорически используются для обозначения других отношений и понятий.

Локализм и немецкая классическая философия. В XVIII – XIX вв. общая теория познания находится под сильным влиянием философии И. Канта, утверждавшего, что опыт есть начальный пункт нашего познания, а концепты понимаются нами, как правило, *a posteriori*, так что «в одинаковой мере необходимо понятия делать чувственными (т. е. присоединять к ним предмет

в наглядном представлении), а наглядные представления делать понятными (т. е. подводить их под понятия). Эти две способности [...] не могут замещать своих функций одна другой. Рассудок не может ничего наглядно представлять, а чувства не могут ничего мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание» [Кант 1999: 102].

И. Кант усматривает и обосновывает прямую взаимосвязь наглядного представления (нем. *anschauung*) и пространства, отмечая, что пространство – это «необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних наглядных представлений» [Кант 1999: 78].

Иными словами, пространство есть условие возможности всяких явлений. Из такого понимания термина *наглядное представление* следует, что концепты должны существовать (иметь своё место) в пространстве и во времени для того, чтобы их можно было рационально оценивать и, таким образом, избежать возможных парадоксов (антиномий). Лингвисты заимствуют, в частности, таблицу категорий («чистых понятий рассудка») И. Канта для описания падежей в классических языках (категории количества, качества, отношения, модальности) (см. подробнее [Parret 1989: 43]). Учение И. Канта оказало влияние и на В. Гумбольдта, который адаптировал его к исследованию языка. Обосновывая роль языка в теории познания, В. Гумбольдт отмечает, что в процессе познания «деятельность органов чувств должна вступать в синтетическую связь с внутренним процессом деятельности духа; из этой связи возникает представление [...] представление объективируется, не отрываясь в то же время от субъекта, и весь этот процесс возможен лишь благодаря языку. Без описанного процесса объективации и процесса возвращения к субъекту, совершающегося с помощью языка, даже тогда, когда процесс мышления протекает молча, невозможно образование понятий, а следовательно, и само мышление» [Гумбольдт 2000: 76 – 77].

Учёный рассуждает о соотношении конкретного и абстрактного в языке и отмечает, что отвлечённые понятия нуждаются в чувственном обосновании: «действительно, природа с удивительной предусмотрительностью устроила

так, что мы не можем обладать абстрактными мыслями, не нуждающимися в чём-нибудь чувственном, хотя бы этим чувственным были бы только знаки вроде букв и звуков [...]» [Гумбольдт 2000: 79]; «желая ввести людей постепенно в область сверхчувственного, приходится начинать с чувств» [Гумбольдт 2000: 105].

Взгляд на язык как на определённый уклад интеллектуально-чувственного восприятия – одна из базовых установок немецкого философа-лингвиста, который говорит о первичности пространства в контексте гипотезы о производности указательных местоимений от наречий места, выдвинутой на основе анализа данных неклассических языков: армянского, китайского, японского, маори (Новая Зеландия) и некоторых других.

Итак, в рассматриваемый период господствует положение о том, что мышление обусловлено языком и формируется посредством наглядного представления и чувственного опыта.

1.2 Падеж и гипотеза о локализме

1.2.1 Локализм в контексте сравнительно-исторической парадигмы языкознания

На протяжении XIX и XX вв. проблема первичности пространственной семантики в рамках описания категории падежа становилась объектом многочисленных споров и дискуссий с позиции сравнительно-исторической парадигмы. Категория падежа рассматривалась в контексте локалистской концепции в немецкой лингвистической традиции (1815 – 1830). Этому способствовал рост интереса к общим проблемам языковой типологии и кросс-культурному сравнению грамматических форм, открытие и описание санскрита, умножение количества школьных и университетских грамматик классических языков. Отдельные соображения на этот счёт высказывались в это время и русскими лингвистами. Например, Ф.И. Буслаев относительно падежной системы славянских языков отмечал, что «[...] падежи сначала означали по преимуществу отношения предметов в пространстве, а потом уже перешли к обозначению отношений между понятиями [...] этот

первоначальный период в истории падежей сокрыт от нас в эпохе доисторической, потому что уже в древнейших памятниках нашего языка видим падежи во всем их полном и богатом развитии, которым уже окончательно заключился период доисторического их образования» [Буслаев 1959: 457].

К сторонникам локализма С.Б. Бернштейн относит также Ф. Миклошича (писал о исходном пространственном значении творительного падежа в славянских языках), А.А. Потебню и некоторых других (см. подробнее первую главу сборника [Бернштейн 1958]).

Среди собственно лингвистических работ здесь следует упомянуть двухтомное исследование о падежах немецкого исследователя Франца Вюльнера. Первый том [Wüllner 1827 [2013]] посвящён рассмотрению семантики падежей в греческом и латинском языках, второй [Wüllner 1831 [2012]] – анализу данных санскрита. При этом Ф. Вюльнер занимает радикальную позицию и утверждает, что исходные значения всех падежей, за исключением номинатива и вокатива, являются пространственными и выражают общую идею пространственного наглядного представления (*anschauungen*). Эта абстрактная идея, общая закономерность, объединяющая частные употребления, и составляет, по мнению Ф. Вюльнера, источник всех конкретных употреблений падежных форм. Она обнаруживается в семантике начала движения (генитив), цели движения (аккузатив) или местонахождения, покоя, отсутствия движения (датель). Производные значения составляют сеть, подобную той, которая используется в современной когнитивной семантике для описания структуры. Косвенные падежи греческого языка вписываются в эту систему, но как быть, например, с латинским аблативом, который обладает синкретизмом и выражает одновременно несколько значений (включает в себя значения локатива, инструменталиса и собственно аблатива)? Выход из этой ситуации – признать эти значения частными вариантами (нем. *schattierungen*) дательного падежа, зависящими от контекста. Наличие «нейтрального» полюса в системе ведёт к необходимости установления более тонких

семантических различий между «нейтральными» падежами при толковании их основного значения (нем. *grundbedeutung*). Таким образом, можно представить исходную падежную систему греческого и латинского языков с позиции идеи локализма (см. табл. 1.3).

Таблица 1.3 – Исходная падежная система в классических языках в соответствии с идеей локализма (цит. по [Serbat 1979: 11])

	+	0	–
выражает зависимость	ACC	DAT	GEN
не выражает зависимость		NOM	

Теоретическое обоснование такого «всеобщего» локализма можно обнаружить в общефилософских рассуждениях Ф. Вюльнера, касающихся человеческого разума: «Our mind embodies [verkörpert] everything to which it confers existence, and, by the same move, thinks this existent as existing in space» ([Wüllner 1831: 272]; цит. по [Fortis 2011: 4]) (наш разум воплощает всё, чему он присваивает идею существования, и таким же образом мыслит всё это как нечто такое, что существует в реальном пространстве).

По Ф. Вюльнеру, лингвистика – это эмпирическая, а не априорная наука. Говорящий не осмысляет грамматические структуры с позиции заданного объективного положения вещей (англ. *objective state of affairs*), но понимает и принимает их, исходя из заданных (по-видимому, врождённых) установок и наглядного представления. Если рассматривать категорию падежей и предлогов, то такой установкой можно считать способ восприятия и понимания пространства (англ. *spatial conception*), который затем переносится на все остальные онтологические области (время, логическая каузальность и др.). Ф. Вюльнер отмечает, что языковые формы, выражающие идею движения, пространственную семантику, а также дейктические компоненты высказывания суть основные источники лексикализации и грамматикализации и непосредственно связаны с чувственно-пространственным опытом человека.

Объяснение падежных значений основывается на понятии наглядного представления места (нем. *lokale Anschauung*), внешнего впечатления:

«мышленіе и слѣдовательно также языкъ, какъ средство для обнаруженія мыслей, выходитъ изъ области чувственнаго. Подобнымъ образомъ, какъ воспріятіе внѣшняго впечатлѣнія есть основаніе понятія, такъ и чувственныя значенія словъ древнѣе умственныхъ. Особенно же пространственныя представленія должно предполагать болѣе сильными, чѣмъ другія, такъ какъ при нихъ нужно содѣйствіе двухъ важнѣйшихъ чувствъ: зрѣнія и осязанія. Поэтому пространственныя значенія, выражаемая (въ числѣ другихъ) въ самомъ дѣлѣ нѣкоторыми падежами, должно считать при нихъ исходными, такъ что остальные значенія приобрѣтены ими позже чрезъ метафорическое перенесеніе» [Нетушил 1881: 271 – 272].

Скажемъ здесь же, что противопоставленіе «локалистской» и «нелокалистской» точекъ зренія на семантическое описаніе – сложная теоретическая проблема, допускающая альтернативныя точки зренія (см. объ этомъ, въ частности, [Рахилина 2008: 290]). По мере развитія исторической грамматики большую значимость приобретала идея исходнаго падежнаго синкретизма (многозначности), а категория падежа всё чаще рассматривалась какъ категория с нечѣткими, размытыми границами. Кроме этого, неопределѣнный статус именительнаго, звательнаго падежей, а также маргинальныя употребленія генитива въ значеніи местного падежа въ латыни (лат. *Romae*_{GEN-SG} *consules creabantur* ‘в Риме избирались консулы’) поставили под сомненіе правильность и правомерность примененія локалистской концепціи. Попыткой достиженія консенсуса можно считать полулокалистскій подход къ описанію значенія, въ которомъ падежи исходной индоевропейской системы разделены на две группы. Первую составляютъ пространственныя падежи (датель, аблатив, локатив, инструменталис), вторую – собственно грамматическія падежи (номинатив, вокатив, аккузатив, генитив). Пространственныя падежи возникли вследствие распада наречныхъ форм (англ. *adverbial case*), существовавшихъ на болѣе ранней стадіи. Въ ходѣ историческаго развитія произошла семантическая перегруппировка падежныхъ значеній (см. табл. 1.4).

Таблица 1.4 – Распределение падежных значений в классических языках (цит. по [Fortis 2011: 6])

Латинский	Греческий	Санскрит	Основное значение (нем. Grundbedeutung)
ABL SEPARAT	GEN	ABL	Направление от (нем. <i>Wohercasus</i>)
ABL LOCI / TEMP	DAT LOCI / TEMP	LOC	Местоположение (нем. <i>Wocausus</i>)
ABL COMIT / MOD / INSTR	DAT COMIT / MOD / INSTR	INSTR SOCIAT	Совместность (нем. <i>Mitcasus</i>)
DAT	DAT	DAT	Направление к (нем. <i>Wohincasus</i>)

К одним из наиболее ярких противников локалистской концепции традиционно относят Теодора Румпеля и его последователей. И.В. Нетушил относит теорию Т. Румпеля к критическому направлению в лингвистической науке. Т. Румпель разрабатывает синтаксическую теорию падежей (своего рода теорию автономного синтаксиса). Критика грамматистов-локалистов сводится у него к тому, что последние необоснованно приписывают падежам контекстуальные и внеязыковые значения; дефиниции падежей крайне расплывчаты и неоднозначны, а факт связи языка и мышления вовсе отрицается, поскольку субъектно-предикатная структура предложения не рассматривается как базовый элемент. Т. Румпель считает, что падежи гораздо более абстрактны по своей семантике и, например, так определяет объектный аккузатив: «the meaning of the object accusative is to establish an immediate bond between a substantive and a verb, that is, a bond which requires no specific mediation in thought» [Rumpel 1866: 16] (цит. по [Fortis 2011: 7]) (значение объектного аккузатива состоит в установлении прямой связи между глаголом и существительным, т.е. такой связи, которая не является мысленно опосредованной).

Конечно, такое определение допустимо, но и оно, с нашей точки зрения, предельно абстрактно и применимо к любому члену падежной парадигмы, поскольку акцент сделан на факт наличия зависимости, а не на установление более частной типологии этой связи.

1.2.2 Локализм в генеративной и когнитивной лингвистике

В генеративной грамматике семантика падежей описывается в терминах семантических ролей (англ. *theta-roles*). Введение в методологический аппарат описания термина тета-роль (глубинный падеж) было продиктовано необходимостью обнаружить и описать универсальные инвариантные падежные значения естественного языка. Новая парадигма потребовала критического переосмысления традиционного локалистского подхода. Такое переосмысление находим у Ч. Филлмора; исследователь отмечает неопределённость и нечёткость, которые «естественно ожидать от всякой попытки дать семантическую характеристику поверхностно-синтаксическим явлениям» [Филлмор 1981: 383].

Ч. Филлмор доказывает это положение, приводя в пример бессодержательное с его точки зрения объяснение о том, что ведический датив требуется во всех тех случаях, когда имя существительное употреблено для обозначения видимого объекта. Это объяснение сопровождается примером из санскрита: др.-инд. предложение *vātāya kapilā vidyut Patanjali* ‘красноватая молния предвещает ветер’ интерпретируется искажённо, и смысл его сводится к тому, что ‘у молнии [...] ветер на виду’ (цит. по [Филлмор 1981: 383]).

Ч. Филлмор предполагает, что намеренное вычёркивание грамматистами-локалистами номинатива из исходной падежной парадигмы может быть связано, во-первых, с этимологией самого термина *падеж* (греч. *πτῶσις* – ‘отклонение’), а во-вторых, с кажущейся простотой и ясностью понятия *подлежащее предложения*. Ошибки подобного рода привели к необходимости разграничения в синтаксисе двух уровней – глубинного и поверхностного – с последующим описанием правил перехода от одного уровня к другому. Программная статья Ч. Филлмора по падежной грамматике исторически является первой попыткой такого разграничения.

Исследованию языка в русле генеративного синтаксиса посвящена, в частности, «Падежная грамматика» Дж. Андерсона [Anderson 1971], подробно проанализированная Ж. Фортисом в работе [Fortis 2018]. Дж. Андерсон

выделяет четыре глубинных падежа, составляющих грамматическое ядро языка: номинатив, эргатив, локатив и аблатив.

Здесь же следует упомянуть диссертацию Л. Талми. В своей модели учёный описывает глубинную семантико-синтаксическую структуру в терминах пространственной ситуации (S_T), которая включает в себя следующие компоненты: фигура (F), стимул (M), направление (D), фон (G). Каждый элемент данной системы как правило выражается при помощи определённой части речи: фигура и фон – существительным (N), стимул – бытийным глаголом или глаголом движения (V), направление – предлогом (P):

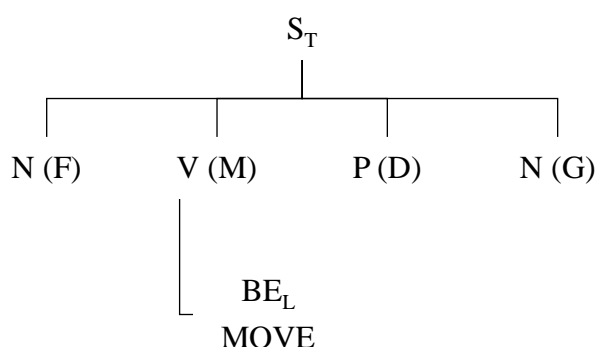

Рисунок 1.2 – Базовые компоненты пространственной ситуации [Talmy 1972: 13]

Ситуации, выражающие некоторое состояние или изменение этого состояния, структурированы в человеческом сознании подобно ситуациям движения (англ. *motion event*). Следовательно, предложения с семантикой причины Л. Талми рассматривает как производные. Ограничимся здесь примером из его диссертации. Причинная семантика предложения англ. *the soot blew into the creek from the wind* (цит. по [Fortis 2018: 181] (букв. ‘сажа упала в ручей от ветра’) является производной и может быть описана в терминах базовых компонентов так:

[сажа_F упала_{FM} в_D ручей_G]₁, [(это) следует]₂ [из того, что]₃ [дул ветер]₄.

Части высказывания в квадратных скобках – это расширения исходных компонентов: (1) – фигура (некоторое событие); (2) – глагол с семантикой движения; (3) – направление движения (элемент-релятор); (4) – фоновое событие. Базовые компоненты могут подвергаться конфлиции – процессу

упрощения структуры и выведения единого предиката. На рис. 1.3 показан процесс конфлиции в результате добавления (адъюнкции) внешнего элемента-существительного *rain* ‘дождь’ к базовому глаголу движения *move* ‘двигаться’. На выходе получаем предложение с одним предикатом: англ. *It rained into the bedroom* ‘в комнате шёл дождь’ (см. рис. 1.3).

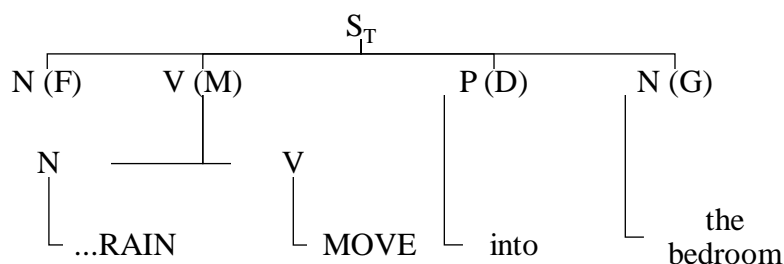

Рисунок 1.3 – Адъюнкция и конфлиция компонентов пространственной ситуации

Разработка метаязыка для семантического представления предикатов, «надстроенного» над теорией семантических ролей Н. Хомского (англ. *theta-roles*), представлена Р. Джекендоффом. По Р. Джекендоффу, существует *n* базовых концептуальных предикатов, относящихся к категории онтологических (глаголы движения, обладания, бытийные глаголы и др. под.), которые в контексте высказывания семантически уточняются. Ж. Фортис, ссылаясь на работу [Jackendoff 1976: 129], приводит высказывание англ. *John caused Bill to scream* ‘Джон заставил Билла кричать’ (цит. по [Fortis 2020: 36]), которое выражает причинно-следственную семантику. Эта семантика является спроецированной и базируется на идее движения. Базовый предикат условно обозначается GO_{CIRC} и является одной из возможных реализаций англ. глагола GO ‘идти’. При этом предикат требует наличия источника и цели метафорического движения.

В исследовании «Семантика и познание» Р. Джекендоффом сформулирована гипотеза о тематических отношениях в предложении (англ. *Thematic Relations Hypothesis*), которая утверждает, что идея о первичности пространства занимает центральное место и должна учитываться при

описании семантики и синтаксической структуры высказывания. Описываемые события или состояния составляют подмножество функций (по-видимому, подобное алгебраическому подмножеству элементов), входящее в более общую группу «движение или нахождение в пространстве»: «In any semantic field of [EVENTS] and [STATES] <...> the principal event-, state-, path, and place-functions are a subset of those used for the analysis of spatial location and motion» (в любом семантическом поле, относящимся к классу [СОБЫТИЯ] и [СОСТОЯНИЯ], функции события, состояния, месторасположения и пути образуют подмножество функции месторасположения и движения) [Jackendoff 1983: 188] (цит. по [Fortis 2020: 36]).

Дж. Грюбер в своей диссертации [Gruber 1965] пользуется термином *долексическая структура* (англ. *prelexical structure*). Такая структура является базовым уровнем, который служит основой для последующей семантико-синтаксической интерпретации предложения. Переход от долексической структуры к фонетически оформленному предложению осуществляется при помощи заданных трансформаций. Дж. Грюбер при описании структуры предложения выделяет следующие базовые тематические роли: тема (субъект), исходный пункт движения, цель, месторасположение. В случаях, когда шаблон с этими компонентами используется для описания неканонических (непространственных) ситуаций, можно говорить об абстрактном движении; типологически оно весьма вариативно и включает в себя:

во-первых, переход активности (англ. *transition of activity*): англ. *the climate changed from being rainy to manifesting the dryness of the desert* ('характер климата изменился с дождливого на сухой, пустынный')

во-вторых, идентификационный переход, перевоплощение (англ. *identificational transition*): англ. *the coach turned into a pumpkin* ('карета превратилась в тыкву');

в-третьих, посессивный переход, смену посессора (англ. *possessional transition*): англ. *John obtained a book from Mary. John gave a book to Bill* ('Джон получил книгу от Мэри. Джон дал книгу Биллу');

в-четвёртых, переход из одного условного класса в другой (англ. *transition of class membership*): англ. *John translated the letter from Russian into English* ('Джон перевел письмо с русского языка на английский');

в-пятых, передачу абстрактного множества (англ. *transfer of abstract entity*): англ. *John reported to Mary from Bill that he would like to see her* ('Джон передал Мэри сообщение от Билла о том, что тот хочет её видеть').

Когнитивный локализм как отдельное направление возник вследствие осмысления языка в традиции экспериенциализма. Если взгляд на язык с позиции объективизма предполагает, что «способность к значимому мышлению и рассуждению является абстрактной и не воплощена с необходимостью в каком-либо живом существе» [Лакофф 2004: 9], то экспериенциализм, напротив, постулирует, что «значение — это то, что является значимым для мыслящего и функционирующего существа» [Лакофф 2004: 9].

Данное положение в ряде случаев принимается в когнитивной лингвистике в качестве аксиомы и многие исследовательские подходы соотносятся с этой идеей. Дж. Лакофф формулирует идею о том, что соотношение между абстрактными и конкретными понятиями выходит за пределы языка, а восприятие и понимание абстрактных понятий основывается на чувственно-пространственном опыте человека; следовательно, концепты (понятия) являются воплощёнными и существуют в языке в пространственных терминах. В этой связи сформулированная в когнитивной лингвистике гипотеза воплощения (англ. *embodiment hypothesis*) утверждает: «human physical, cognitive, and social embodiment ground our conceptual and linguistic systems» [Rohrer 2007: 27] (физические, когнитивные и социальные особенности индивида составляют основу его понятийной и языковой системы).

Показательна идея Дж. Лакоффа о том, что «концепт является воплощенным, если его содержание или другие признаки мотивированы физическим, телесным (англ. *bodily*) или социальным опытом» [Лакофф 2004: 209]. См. также статью [Rohrer 2007], где выделено двенадцать значений термина *embodiment* и отмечена некоторая неоднозначность его понимания. Кроме того, Т. Рорер в работе [Rohrer 2005: 165] пишет о связи между локализмом-воплощением и функционированием мозга человека: «*brain areas formerly thought to be purely sensorimotoric are turning out to have important roles in the so-called 'higher' cognitive processes*» [Rohrer 2005: 165] (области коры головного мозга, которые ранее считались чисто сенсомоторными, играют важную роль и в так называемых «высших» когнитивных процессах).

Рост интереса к классу предлогов, послелогов, частиц в когнитивной лингвистике связан главным образом с их промежуточным положением в языковой системе и размытостью самих категорий. Ж. Фортис отмечает, что в западной лингвистической науке первыми работами, посвящёнными таким единицам и выполненными в русле когнитивного подхода, являются работы С. Линдер (для англ. предлогов *out* и *up*) и К. Бругман (для англ. предлога *over*). Интерес связан и с выходом в свет книги Дж. Лакоффа [Лакофф 2004], в которой автор обосновывает возможность применения постулатов теории прототипов для описания полисемии служебных слов. С. Линдер, К. Бругман, Дж. Лакофф – всех этих учёных можно признать сторонниками тезиса о первичности пространственной семантики, который объяснялся с позиции идеи об образном метафорическом мышлении, разработанной Дж. Лакоффом в рамках теории экспериенциализма.

Выводы по первой главе

Проанализировав эволюцию научно-философских взглядов на проблему локализма в исторической перспективе от античности до современности, можно заключить, что произошёл постепенный переход от первоначального объективного «геометрического» локализма к локализму субъективному, антропоцентрическому, перцептивному, чувственно воспринимаемому, функционально-языковому (см., в частности, критические работы [Herskovits 1986, 1988]; [Vandeloise 1986, 1987, 1999]). Конечно, попытки объяснения исходных значений падежей и предлогов через призму традиционного («античного») локализма не лишены недостатков, которые необходимо учитывать; и столкнувшись с проблемами при объяснении семантики падежей, учёные вынуждены были искать пути их решения. Всё это привело к тому, что по мере развития научного знания менялась методология описания падежей и предлогов. Смена методологии повлияла и на терминологию. Вполне закономерным в этой связи кажется появление термина *embodiment hypothesis*, который в какой-то степени можно считать альтернативой термину *localist hypothesis*, его уточнением и дополнением. Пространство занимает особое место в языковой системе, поскольку мозг человека в первую очередь приспособлен к работе с пространством.

На протяжении истории лингвистической науки учёные пытались при помощи идеи о первичности пространства объяснить не только семантическую структуру сначала падежей, а впоследствии и функционально эквивалентных им предлогов, но и синтаксическую структуру высказываний (предложений) в целом. Сюда относятся главным образом попытки лингвистов-генеративистов обнаружить и описать универсальную глубинную синтаксическую структуру предложения любого естественного языка – задача, на которую обратили внимание ещё модисты, по-видимому, первыми обнаружившие связь синтаксических категорий с пространством и придерживавшиеся локалисткой точки зрения в описании функций членов предложения. В русле современной теории коммуникации локалистское

объяснение сущностных характеристик высказывания также имеет место. В частности, интерпретация лингвистического знака через призму физических координат коммуникативного акта, т.е. дейктические параметры высказывания (место, время, участники общения) напрямую соотносятся с пространством. При интерпретации высказываний, то есть при объяснении на метаязыке предложений естественного языка необходимо, таким образом, учитывать место, время, компоненты референциальной системы языка и пропозициональные установки говорящих. Связь высказываний со временем и пространством определяет их истинность. Синхронный аспект классификации предикатов, предполагающих противопоставление по признаку локализации в пространстве и времени, безусловно, является более популярным в современной философии лингвистического анализа.

Глава 2 Предлоги и предложные группы

2.0 Предварительные замечания к главе 2

Гипотеза о локализме возникла как попытка объяснения природы падежных значений, но положение о первичности пространственной семантики в диахронии справедливо и для других грамматических категорий, лексических единиц и переходных классов. Далее нас будет интересовать класс предлогов. Ряд значений в русском языке выражается падежами только в составе предложно-падежных сочетаний. Например, комитативное значение творительного падежа (*гулять с_P другом_{COMIT}*), аблативное значение генитива (*выйти из_P дома_{ABL}*). Кроме того, утрачен беспредложный местный (*Новгород_{LOC} 2 > в_P Новгороде_{LOC} 2*). В ряде случаев допустима грамматическая вариативность при семантической тождественности (*письмо другу_{DAT} – письмо к_P другу_{DAT}*). Такая замена беспредложных конструкций предложными, по точному замечанию В.В. Бабайцевой, обусловлена «стремлением уточнить синтаксические связи и отношения» [Бабайцева 2000: 24]. Исторически в языках, утративших падежные окончания (например, в романских), функцию падежа перенимают предлоги. Иначе говоря, процесс перехода языка от синтетического строя к аналитическому предполагает переход от сосуществования двух систем к монополии предложной системы.

Заметим, что несмотря на все очевидные параллели между пространственными падежами и предлогами, сами предлоги падежные значения не выражают. Это более или менее понятно уже из того, что предлоги подчиняют выражения, где уже есть морфологический падеж, а морфологический падеж, за вычетом специальных исключений (англ. *case stacking*⁴), не приписывается циклически.

В данной главе мы рассмотрим общие особенности единиц, составляющих класс предлогов, а в главе 3 обратимся к наречным предлогам

---

⁴ Появление более одного падежного маркера в словоформе (ср., например, определение в [Sandler and Nordlinger 2006: 459]: «phenomenon, whereby a single word is inflected for more than one case feature reflecting its relations to successively higher syntactic constituents»). Я благодарю А.В. Циммерлинга за замечание, касающееся этого феномена.

русского языка и рассмотрим семантическое развитие 3 форм с прототипическим значением «пространственная близость» – *вокруг, около* и *близ* – и верифицируем основную гипотезу исследования с применением формально-статистических методов и корпусного подхода.

В первой части второй главы обозначим основные проблемы грамматики предлогов, сформулируем рабочее определение термина *предлог*, а также коснёмся вопроса методики идентификации предлогов и предложных единиц при помощи существующих морфосинтаксических тестов. Вторая часть главы посвящена семантике предлогов. Сначала кратко описываются основные этапы процесса изменения значений предлогов с опорой на теорию логического вывода; затем обобщаются авторские наблюдения над семантическими переходами предлогов. Семантика отыменных и отглагольных предлогов описана обзорно, более подробно описываются семантические переходы в группе наречных предлогов с исходным пространственным значением (предлоги, составляющие категориальное ядро класса).

2.1 Грамматика предлогов

2.1.1 Постановка проблемы

Несмотря на то, что за последние десятилетия написано очень много работ по предлогам, изучение этого фрагмента русской грамматики ещё далеко от своего завершения. В русистике и в общем языкознании не решены фундаментальные методологические вопросы, касающиеся места предлогов в системе языка. Основной вопрос: что такое предлог? Универсального ответа на него, по-видимому, быть не может, и это методологическая проблема, которая связана с типологическим разнообразием категории. Разные определения предлога с учётом его синтаксических, морфологических и семантических особенностей не будут логически строгими. Номинально термин *предлог* отвечает только за внешний критерий: положение слова в синтагме перед вводимым компонентом (словом, словосочетанием или более сложной синтаксической конструкцией). Между тем, в русском языке

возможна постпозиция предлога (*месяц спустя, три года тому назад*), позиция предлога внутри местоимения, когда предлог является эндоклитикой (интраклитикой) (*кое у кого, кое с кем* и др. под.; о случаях эндоклизиса в русском языке см. подробнее работу [Аркадьев 2016]). Конечно, случаи расположения зависимых перед предлогом-вершиной более типичны и составляют ядро категории предлогов, но не являются единственно возможными. Следовательно, синтаксический критерий работает не вполне последовательно. Можно также заметить, что у предлогов отсутствуют единые морфологически выраженные показатели (в отличие, например, от большинства прилагательных, узнаваемых по флексии). Такое отсутствие специального морфологического маркирования создает проблему при идентификации предлогов на основании морфологического критерия. Затруднительно выбрать в качестве основного семантический критерий, поскольку у одного и того же предлога значения могут быть самыми разными. Действительно, с одной стороны, предлоги чаще всего являются многозначными, с другой стороны, их значение отчасти (а иногда и целиком) зависит от контекста. Наконец, фонетические особенности также не позволяют идентифицировать предлог: несмотря на то, что, как правило, первообразные немотивированные древнейшие предлоги являются безударными проклитиками (*ходить без дела*), в сочетаниях с энклименами они способны перенимать ударение на себя (*без году неделя, без толку, без соли*). Более того, возможно автономное употребление предлога, когда единица также оказывается под ударением – например, в случае эллипсиса (*по поводу и без; чай с сахаром или без?*).

2.1.2 Принятое определение

Можно дать определение предлога с учётом его *прототипических* особенностей. Сформулируем его следующим образом:

В структуре $X R Y$ элемент R (простой или сложный) представляет собой *прототипический предлог*, если он удовлетворяет следующим условиям:

- 1) это морфологически неизменяемая морфема;

2) *R* управляет элементом *Y*, который является именной группой или эквивалентен именной группе;

3) *R* вводит *Y* (дополнение, управляемый компонент предлога) в конструкцию *X*, которая имеет более высокий ранг, независимо от природы управляемого компонента (это может быть как фраза, так и целое предложение);

4) *R* наряду с контекстом помогает определить характер отношений между *X* и *Y* (его вклад обычно состоит в определении и установлении синтаксических отношений).

Так, в словосочетании *рисунок на стене* элемент *на* является предлогом, поскольку вводит зависимый компонент *Y* в форме косвенного падежа в состав именной группы, имеющей более высокий ранг, и оформляет определительные отношения. В генеративной грамматике данное словосочетание может быть описано при помощи схемы (рис. 2.1).

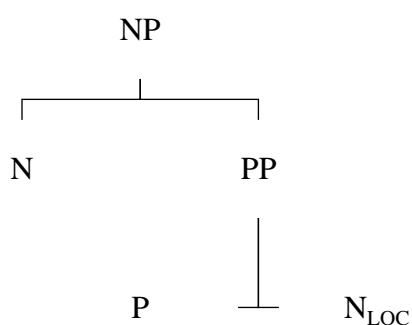

Рисунок 2.1 – Место предлога в структуре словосочетания

2.1.3 Тесты на *предложность*

Существующие морфосинтаксические тесты, безусловно, помогают исследователям отнести ту или иную единицу к условной группе и высказать предположение относительно её гипотетического «грамматического будущего», но эти тесты ещё нуждаются в доработке, и одной из актуальных задач становится дополнение и уточнение списка операциональных критериев, позволяющих объективно относить предложные единицы к предлогам. В этой связи вопрос разработки методики идентификации предлогов представляется первостепенным. Для более строгого определения

границ класса лингвисты предлагают морфосинтаксические тесты на предложность. Далее представим несколько основных тестов и приведём примеры разграничения.

Гетерогенность предлогов связана с тем, что единицы этого класса имеют различную степень грамматикализации. С одной стороны, это функциональные предлоги (*в, на, за*), выполняющие чисто синтаксическую функцию, с другой – семантически нагруженные предлоги, обладающие лексическим значением (*против, наперекор, наподобие*). Именно эту оппозицию мы принимаем в работе за основную, не отрицая, однако, таксономическую сложность и многоаспектность вариантов классификации (вопрос классификации предложных единиц детально изучен в работах М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2012ab]; основанием для разбиения класса на подмножества могут быть самые разные факторы, такие как грамматическая функция предлога, его производность, способность к опредложиванию, количество элементов и степень сложности структуры (лексической и грамматической), число управляемых слов и др.).

Авторы русской корпусной грамматики [Русская корпусная грамматика] предлагают разграничивать предложные употребления единицы от непредложных при помощи ряда тестов-индикаторов. Во-первых, при грамматикализации единицы возможно изменение падежного управления (см. примеры (1) и (2)):

(1) *Между тѣмъ, мы уже подъѣхали къ крыльцу дома Графини и — вотъ уже въ залъ, гдѣ провели нѣсколько минутъ, и отужинавши у Графини, куда поспѣшилъ явиться и Любославскій, я поѣхалъ домой, VP[благодаря NP[друга своего]ACC-GEN], что онъ мнѣ далъ такой драгоцѣнный случай провести сей вечеръ.* (НКРЯ) (деепричастие в составе оборота);

(2) *В начале творческой деятельности мастер* PP[**благодаря** NP[*другу, Карлу Фридриху Нордстрёму*]_{DAT}], *писал преимущественно пейзажи* (НКРЯ) (производный предлог, вершина PP)⁵.

Кроме этого, утрачиваются грамматические особенности исходной части речи. Примеры (3) и (4) иллюстрируют следующую закономерность – утрату специфического для деепричастия ограничения на односубъектность при переходе в класс предлогов:

(3) *Освещаемый вспышками фотокамер, Феликс медленно вращался и раскланивался направо-налево, как бы* VP[**благодаря** NP[*зрителей*]_{ACC-GEN}] *или извиняясь за то, что его номер затянулся.* (НКРЯ) (*Феликс вращался, раскланивался и благодарил зрителей*; деепричастие);

(4) PP[**Благодаря** NP[*такому разумному подходу*]_{DAT}] *его группе удалось завершить свою работу раньше других.* (НКРЯ) (**группа завершила работу и благодарил подход*; производный предлог, вершина PP).

Индикатором морфологического «застывания» в предложно-падежных сочетаниях является высокая степень их идиоматизации и, как следствие, невозможность вставки элемента-модификатора (например, имени прилагательного в синтаксическую структуру вида [P + N в косвенном падеже]):

(5) *Так, погрузившись* PP[*в* NP[**вольное течение**]_{ACC}] *нехитрых мыслей, он оказался внезапно для самого себя почти у самых Западных ворот Городского сада.* (НКРЯ) (NP *вольное течение* стоит в аккумулятиве и вводится предлогом *в*, являющимся вершиной PP);

(6) *Я думаю, что в число международных языков* PP[*в течение* NP[*лет 20 — 30*]_{GEN}] *почти точно войдут японский и русский, очень возможно, что к ним прибавится арабский.* (НКРЯ) (PP высокой степени идиоматизации,

---

⁵ NP в аккумулятиве и генитиве также могут вводиться предлогами *благодаря* и *согласно*, но такое употребление, по замечанию авторов грамматики, является устаревшим: *И только* PP[**благодаря** NP[*соседей*]_{ACC-GEN}], *заметивших воспламенение и своевременно сообщивших в пожарную команду, несчастье предотвратили* (НКРЯ). Следы такого предложного управления можно обнаружить в идиоматическом сочетании *благодаря Бога*

производный предлог, восходящий к NP и вводящий собственное зависимое в генитиве).

Индикатором «предложивания» может служить допустимость сочетаемости предложно-падежной формы с припредложной формой личного местоимения на *-н* в косвенных падежах:

(7) *И кто этот Ленин, что PP[в честь P_тNP[него]_{GEN}] учреждён орден?*
(НКРЯ) (ср. ?*в честь его*);

(8) *Возможно, когда-нибудь PP[в NP[его честь]_{ACC}] назовут улицу или школу, спокойно думала Магда, — если не забудут о нем через год.* (НКРЯ)
(ср. *в него честь).

По-видимому, такая форма личного местоимения является индикатором «предложивания», поскольку её конечный согласный *-н* появился как результат переразложения древнейших предлогов *кън*, *вън*, *сън* перед корневым *j (ср. также возможное употребление без *-н* в просторечии – пример (9)). Начальное *-н* обнаруживается в сочетаниях личных местоимений с предлогами (*в нём*), но отсутствует в сочетаниях с другими частями речи (*услышал его*).

(9) — *Я и разговорись с им в автобусе-то, — рассказывал худой мужичок с золотыми зубами* (НКРЯ);

(10) *А этот — человек кристальной честности и огромной эрудиции, пользовавшийся беспрекословным и искренним уважением всех. Что ему инкриминировали в 1938 году? — Что он на VI съезде голосовал за явку Ленина на суд, т. е. хотел PP[руками NP[контрреволюции]_{GEN}] ликвидировать Ленина* (НКРЯ) (=‘при помощи революции’).

Е.Н. Виноградова выделяет ещё несколько критериев морфосинтаксического «застывания» единиц при их переходе в класс предлогов [Виноградова 2015]. Это прежде всего утрата исходного предметного лексического значения единицы (в примере (10) отвлечённое понятие *контрреволюция* персонифицировано), а также выпадение единицы из исходной морфологической парадигмы и изменение её синтагматики (ср.

руками контрреволюции – *о руках контрреволюции – *руки_{NOM.PL} контрреволюции). Наконец, возможность самостоятельного (изолированного) употребления в качестве свободной синтаксемы (см., например, название YouTube-канала «*Руками Кавказа*», специализирующегося на кавказской кухне) и невозможность трансформации в прототипическую модель (*язык глазами исследователя – как исследователь смотрит на язык – ?как глаза исследователя смотрят на язык*).

2.2 Семантика предлогов

2.2.1 Постановка проблемы

Семантическая эволюция предлогов осуществляется в соответствии с основными путями грамматикализации [Heine et al. 1991], [Svorou 1994], [Haspelmath 1997]). Основная задача исследователей – установить, отследить и описать эти цепочки грамматикализации, ответив, таким образом, на вопросы: а) какие лексемы более подвержены грамматикализации? б) какие семантические расширения характерны для соответствующих предлогов? Можно предположить, что большинство предлогов образовалось от имён, обозначающих части тела человека и части пространства; впоследствии предлоги эволюционировали, постепенно теряя референциальные свойства, двигаясь по направлению к более абстрактному употреблению.

Вопрос о способе представления и описания значения рассматриваемых в диссертации наречных предлогов нетривиален. Если речь идет действительно о многозначности, то в каких отношениях между собой находятся разные значения? Независимы ли они друг от друга или, наоборот, связаны с центральным значением? Какова в таком случае природа этого центрального значения? Эти вопросы широко обсуждались, и различные теории и школы давали разные ответы на них.

Вслед за О.Л. Мальцевой [Мальцева 2004: 7] выделим две группы способов описания значения служебных слов – синтагматический и парадигматический. Синтагматический подход ([Аксененко 1956]; [Златкин 1976]; [Съедин 1963]; [Черезова 1974]; [Lindkvist 1976]; [Wood 1967]) предлагает описание

семантики единицы через описание контекстов её употреблений. Данный подход применяется по большей части к предложениям, количество значений которых относительно исчислимо; рассмотрение при помощи синтагматического подхода семантической структуры функциональных (более грамматикализованных) предлогов, напротив, представляется трудновыполнимой задачей (особенно при рассмотрении функциональных предлогов в диахронии). Следовательно, применяя этот подход, на выходе мы получаем набор значений, соответствующий набору употреблений (это соответствие может быть более или менее приближено к истине, в зависимости от типа конкретной рассматриваемой единицы). Эти значения при необходимости можно изобразить в виде когнитивной схемы. В схеме все употребления единицы определяются множеством правил расширения. Такое решение предлагает Дж. Лакофф, когда описывает предлог *over* в работе [Лакофф 2004: 538 – 594].

Некоторые исследователи (Д. Беннет [Bennet 1975], А. Герсковиц [Herskovits 1986], Р. Дирвен [Dirven 1993], А.Е. Кибрик [Кибрик 1970], Дж. Миллер [Miller 1985]) следуют парадигматическому подходу. Парадигматический подход, в отличие от синтагматического, ищет возможность абстрагирования от какого бы то ни было реального употребления предлога в контексте. Этот подход исходит из сугубо логического определения понятия *центральное значение*. Центральным (инвариантным) признаётся такое значение, которое абстрагировано от любого реального языкового выражения; оно лежит за пределами семантических областей (пространственных, временных и др.). В таком случае все эти семантические области считаются равноудалёнными от центрального значения, а различные значения предлога извлекаются при помощи однотипных преобразований (трансформаций). На наш взгляд, именно в этом состоит значимый недостаток рассматриваемого подхода при его применении в диахроническом исследовании и именно эти обстоятельства затрудняют изучение семантической эволюции. Фактически, при диахроническом анализе

такой подход предполагает построение последовательности нескольких синхронных стадий, на каждой из которых создаются различные логические определения, которые позволили бы учесть все употребления предлога. Это трудная уже на уровне синхронного анализа задача становится практически невыполнимой на уровне диахронного анализа. Подобная работа вряд ли поможет в полной мере понять и описать феномен семантической эволюции.

По степени производности предлоги традиционно делятся на производные (мотивированные) и непроизводные (немотивированные). Производность – это наличие словообразовательной связи между исходным предлогом и лексемой, к которой он исторически восходит. Такая связь может осознаваться или не осознаваться носителями языка. Как уже отмечалось, предлоги, сохраняющие связь с лексическим источником, обладают некоторым относительно стабильным набором значений, который можно описать как на синхронном уровне, так и на уровне диахронии.

При описании феномена семантических изменений лингвисты сталкиваются с проблемой терминологического многообразия. Анна А. Зализняк определяет *семантический переход* как факт совмещения в пределах одного слова двух разных значений – в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции [Зализняк 2009: 107]. Семантический переход может быть выражен разными способами (реализациями), среди которых Анна А. Зализняк выделяет полисемию, семантическую эволюцию, деривацию, слова-когнаты (т.е. слова, значения которых *A* и *B* принадлежат двум близкородственным языкам L_1 и L_2), заимствование и грамматикализацию. Если *полисемия* предполагает совмещение двух и более значений в одной форме на синхронном уровне существования языковой системы, то *семантическая эволюция* – это такой вид перехода, при котором значения *A* и *B* являются значениями одного слова одного языка, либо языка-предка и языка-потомка в диахронии. Акцент в обоих случаях сделан именно на факт сосуществования значений в одной форме. Понятие *семантическая деривация* используется в работах [Кустова

Падучева 1994], [Кустова 1998], [Трубачев 1976] и обозначает «отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории» [Зализняк 2001: 15]. Оно оказывается удачным, поскольку объединяет как синхронные, так и диахронные процессы (пусть и в некотором роде искусственно, если принять во внимание, что между синхронией и диахронией нет чёткой границы), указывая на производность, но не уточняет её характера. Деривация характеризуется регулярностью, это «правило порождения производного значения определенного типа из исходного значения определенного типа» [Зализняк 2009: 108]. Метафора *семантического сдвига* содержит в себе коннотацию ‘отклонение от прямого значения’, которая, однако, отсутствует в дефиниции термина *семантический переход*, более широкого с точки зрения объёма. Итак, понятие *переход* указывает на факт совмещения в одной форме двух индивидуальных значений; это понятие шире понятий *сдвиг*, *полисемия* и *деривация*.

Разграничение понятий *синкретизм* и *полисемия* – сложная теоретическая задача, которая не имеет однозначного решения. Анна А. Зализняк для решения этого вопроса предлагает опираться на данные толковых словарей. Здесь возможны два случая.

Первый случай: смыслы A и B выражаются формой F . Иначе говоря, можно считать, что $\{A, B\} \subset F$ (т.н. *колексификация*);

Второй случай: смыслы A и B выражаются формами F_1 и F_2 соответственно, т.е. $A \subset F_1, B \subset F_2$. (т.н. *раздельная лексификация*)

По мнению Анны А. Зализняк, вопрос о том, можно ли признавать наличие семантического перехода $A > B$, не может быть однозначно решён ни положительно, ни отрицательно. Исследователь тем не менее предлагает учитывать два фактора. Во-первых, количественный фактор: должно существовать много языков, в которых смыслы A и B различаются: в таком случае выполняется принцип межъязыковой регулярности. Вторым фактором

состоит в том, что потенциальный переход должен реализовываться не только в форме полисемии-синкретизма, но и в форме другого типа (например, *деривации* или *семантической эволюции*). Добавим, что термин *полисемия*, в отличие от термина *синкретизм*, является узкоспециальным и употребляется почти исключительно в работах по лингвистике, в то время как термин *синкретизм* заимствован учёными-лингвистами из философии и имеет более широкое употребление (см., например, *синкретизм древнейшей поэзии*).

Для достижения цели настоящего исследования, конечно, нет необходимости детально анализировать и решать поставленные общетеоретические вопросы: мы лишь констатируем факт терминологического разнообразия. В настоящей диссертации для удобства восприятия и понимания текста термины *семантический переход*, *семантический сдвиг*, *семантические изменения* и *семантическая эволюция* употребляются как синонимы и обозначают качественное изменение значения.

Во второй части главы мы сосредоточимся на основных семантических переходах наречных предлогов с исходным пространственным значением. Наречные предлоги – один из трёх классов, выделяемых русской грамматикой 1980 (наряду с отымёнными и отглагольными предлогами, семантика которых в настоящей диссертации представлена обзорно).

2.2.2 Процесс изменения значений предлогов: теория логического вывода

Чаще всего предлоги развивают абстрактные смыслы в результате метафорического / метонимического переноса. Теория метафоры описана в классической работе [Лакофф, Джонсон 2004], механизм метонимии – в работе [Panther and Radden 1999]. Примечательно, что некоторые исследователи считают метафору и метонимию одним и тем же явлением (в работе [Goossens 1990] используется термин *метафтонимия* (англ. *metaphonymy*)). Кроме того, на семантические сдвиги предлогов сильно влияет контекст употребления. Можно задаться вопросом о сущностной природе

семантических сдвигов: в частности, являются ли они добровольными, спонтанными или случайными? Может быть, это ошибки в использовании языка? Одна из теорий, объясняющих семантические сдвиги, – это теория логического контекстуального вывода (англ. *contextual inference*), описанная в работах [Heine and Reh 1984] и [Heine et al. 1991: 164]. Для обозначения данного процесса предлагались также термины *предполагаемый вывод* (англ. *invited inference*) [Geis and Zwicky 1971], *перспективизация* (англ. *perspectivization*) [Taylor 1989], *схематизация* (англ. *schematization*) [Rubba 1994], *прототипическое расширение* (англ. *prototype extension*) [Givón 1989]. С нашей точки зрения положения этой теории весьма удачно объясняют семантические сдвиги в классе *прототипических предлогов* (см. определение *прототипического предлога* в пп. 2.1.2.). Логический (контекстуальный) вывод, контекстуальная интерпретация (англ. *context-induced reinterpretation*) – это явление, заключающееся в том, что к данной форме, имеющей исходный смысл *A*, в определенных контекстах добавляется смысл *B*; это новое значение может впоследствии стать полноправным значением формы⁶. Таким образом, у нас есть семантическое изменение типа $A > AB > B$.

Представим этапы семантического сдвига в соответствии с механизмом логического вывода в табл. 2.1.

Таблица 2.1 – Этапы механизма логического (контекстуального) вывода

Этап	Контекст	Значение
I начальная стадия (англ. <i>initial stage</i>)	Без ограничений (англ. <i>unconstrained</i>)	исходное значение (англ. <i>source meaning</i>)
II связующий контекст (англ. <i>bridging context</i>)	Появляется новый контекст, который влечёт за собой появление нового значения; рост количества новых употреблений	актуализация целевого значения (англ. <i>target meaning foregrounded</i>)
III контекст-переключатель (англ. <i>switch context</i>)	новый контекст несовместим с исходным значением	актуализация нового исходного значения (англ. <i>source meaning foregrounded</i>)
IV конвенционализация (англ. <i>conventionalization</i>)	Целевое значение больше не нуждается в контексте, единица в новом значении может свободно употребляться в новых контекстах	только целевое значение (англ. <i>target meaning only</i>)

⁶ Здесь термины *смысл* и *значение* употребляются как синонимы

2.2.3 Основные классы предлогов и их семантика

Можно выделить несколько источников пополнения класса предлогов: имена, глаголы и наречия (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2 – Основные классы производных предлогов

№	Класс предлогов	Время формирования	Примеры
1	Отымённые	с XVIII в. по н. вр.	<i>во время, в течение, в рассуждении, с помощью, по части, в пользу, путём, посредством, порядка</i>
2	Отглагольные	XVIII – XIX вв.	<i>включая, исключая, уст. выключая, считая, благодаря, спустя, несмотря на, смотря по, погодя, исходя из, касаемо</i>
3	Адвербиальные	XVIII – XIX вв. по н. вр.	<i>следом за, вплоть до, вплотную к, одновременно с</i>

Отымённые предлоги мотивированы существительными, которые относятся к разным семантическим группам. Степень морфологического «застывания» предлогов, имеющих в качестве основы имя существительное, различна. Следовательно, грамматический статус в каждом отдельном случае также может варьировать (от свободного сочетания до чисто предложного употребления). Можно отметить, что в класс предлогов, как правило, переходят:

- а) существительные-соматизмы (*в глазах, в лице, лицом к лицу, плечом к плечу, в ногу, во главе, руками, боком, задом, передом, спиной*);
- б) существительные с семантикой движения (*по направлению к, в ходе, в течение, в продолжение, в процессе*);
- в) существительные, обозначающие стороны света (*к северу / югу / западу / востоку от*);
- г) существительные, обозначающие ограниченное пространство или место (*в границах, в пределах, в области / область, в торце, в обстановке, в окружении, в районе, в рамках / рамки, на месте*);
- д) существительные с семантикой бытия (*в бытность*);

е) существительные со значением фазовости (*в начале, в конце, в завершение, на исходе*) и др. группы.

Можно заметить, что грамматикализуются существительные с наиболее общим значением. Это подтверждает тезис П. Хоппера и Э. Траугот об ограниченном количестве лексем-источников грамматикализации. [Hopper and Traugott 1993: 8], а также положение о том, что лексические единицы, подвергающиеся грамматикализации, характеризуются большей общностью значения по сравнению с другими лексемами. По закону грамматической аналогии (по типовой модели) впоследствии образуются предлоги с более сложной семантикой. Типовой моделью может служить предложно-падежная структура (например, P + N_{LOC}: *в глазах*; P + N_{ACC} + P: *в ответ на*), имя в косвенном падеже без предлога (N_{INSTR}: *глазами*) или другое сочетание. Исходя из этого, все отымённые предлоги в академической грамматике [Русская грамматика 1980] делятся на 3 группы:

– простые предлоги: *порядка чего-н., посредством чего-н., путем чего-н., типа кого-чего-н.* (4 единицы);

– составные предлоги с одним первообразным: *без помощи кого-чего-л., без сопровождения кого-чего-н., в адрес кого-чего-н., в виде кого-чего-н., ввиду чего-н., в границах чего-н., в деле чего-н., в духе чего-н., в знак чего-н., в интересах кого-чего-н., в ипостаси кого-н., в качестве кого-чего-л., в контраст кому-чему-л., в направлении чего-н., в области чего-н., в отношении кого-чего-н., в пользу кого-чего-н., в порядке чего-н., в пределах чего-н., в продолжение чего-н., в противовес кому-чему-н., в противоположность кому-чему-н., в районе чего-н., в рамках чего-н., в результате чего-л., в роли кого-н., в свете чего-н., в силу чего-н., в случае чего-н., в смысле чего-н., в сопровождении кого-чего-н., в сторону кого-чего-н., в сфере чего-н., в счет кого-чего-н., в течение чего-н., в условиях чего-н., в честь кого-чего-н., в ходе чего-н., в целях чего-н., вне границ чего-н., вне пределов чего-н., вне рамок чего-н., вне сферы чего-н., во время чего-н., во имя кого-чего-н., вследствие чего-н., за исключением кого-чего-н., за счет кого-чего-н., на основании чего-н.,*

наподобие кого-чего-н., на предмет чего-н., на протяжении чего-н., на пути кого-чего-н., по адресу кого-чего-н., по линии чего-н., по мере чего-н., по образцу кого-чего-н., по поводу чего-н., по причине чего-н., по случаю чего-н., по части чего-н., под видом кого-чего-н., под предлогом чего-н., при помощи кого-чего-н., при посредстве кого-чего-н., при условии чего-н., с помощью кого-чего-н., с целью чего-н., со стороны кого-чего-н., через посредство кого-чего-н., не в пример кому-чему-н. (71 единица);

– составные предлоги с двумя первообразными: *в зависимости от кого-чего-н., в направлении к кому-чему-н., в ответ на что-н., в отличие от кого-чего-н., в связи с чем-н., в согласии с чем-н., в содружестве с кем-н., в сообществе с кем-н., в соответствии с чем-н., в сравнении с кем-чем-н., в стороне от кого-чего-н., в сторону от кого-чего-н., в унисон с кем-чем-н., в уровень с чем-н., на пути к чему-н., по направлению к кому-чему-н., по отношению к кому-чему-н., по сравнению с кем-чем-н.* (18 единиц).

Большинство перечисленных отыменных предлогов однозначны: они выражают отношения, соответствующие лексическим значениям тех существительных, с которыми соотносятся. К многозначным предлогам академическая грамматика [Русская грамматика 1980] относит предлоги *в направлении* (может указывать как на начальный, так и на конечный пункт движения: *в направлении к дому / от леса*), *в пользу* (ср. *решить дело в пользу истца – доводы в пользу предлагаемого решения*), *по поводу* (ср. *разговор по поводу новой книги – вечеринка по поводу встречи друзей*), *по части* (ср. *Читать было не по его части* (Тургенев) – *мастер по части розыгрышей*), *со стороны* (*дядя со стороны матери – возражения со стороны общественных организаций*), *на пути* (*на пути к дому / к истине*).

Если говорить об общих тенденциях семантического развития отымённых предлогов и предлогов других выделенных классов, то стоит обратить внимание на цепочку переходов, представленную в работе В.Г. Гака [Гак 1997: 124]. В.Г. Гак восстанавливает такую последовательность изменений значений:

(качество, место) → (количество, время) → (логические отношения, модальность, интенсивность, оценка, экспрессивность)

Приведём несколько примеров. В результате семантического перехода [ПРОСТРАНСТВО (ДВИЖЕНИЕ)] > [ВРЕМЯ] образовались, например, отымённые временные предлоги *в течение, в продолжение, в ходе, на протяжении, в процессе*:

(11) *Основной характер бреда может значительно измениться* PP[**в течение** NP[**болезни**]_{GEN}] *по мере ее развития, иногда в связи с какими-нибудь внешними моментами.* (НКРЯ);

(12) *По распоряжению ГУВД Москвы более 700 сотрудников МУРа выведены за штат* PP[**в продолжение** NP[**«чистки»**]_{GEN}] *в самом элитном подразделении московского ГУВД.* (НКРЯ);

(13) PP[**В ходе** NP[**битвы**]_{GEN}] *почти вся морская ударная группа была разбита, потери также понесла и воздушная ударная группа.* (НКРЯ);

(14) *Металлургия Востока имеет и свои большие достижения.* PP[**На протяжении** NP[**войны**]_{GEN}] *она резко изменилась. До войны Магнитка и Кузнецк производили так называемые торговые марки металла — рядовой металл на гражданские изделия. И на том же оборудовании за эти месяцы они стали производить технические марки, какие нужны для военной промышленности* (НКРЯ);

(15) *График ускорения точки А характеризует нагрузки на салон автомобиля* PP[**в процессе** NP[**удара**]_{GEN}]. (НКРЯ)

Основным значением в примерах (11) – (15) является временное значение. Однако оно не является единственным. На самом деле перед нами синкретичная семантика: временное значение сочетается со значениями условия, причины и следствия. На это указывают вводимые предлогом зависимые существительные, стоящие в генитиве. В контекстах возможна замена производного предлога на предлог, актуализирующий семантику причины (*из-за, по причине*). Таким образом, можно говорить о следующей

ступени семантического перехода – [ВРЕМЯ] > [ЛОГИЧЕСКАЯ КАУЗАЛЬНОСТЬ]. Развитие логико-семантических отношений противопоставления, отрицания, уступки, ограничения, а также условных и причинно-следственных отношений у единиц с темпоральной семантикой является закономерным этапом. Справедливо замечание В.Г. Гака о том, что переход [ВРЕМЯ] > [ПРИЧИНА] наиболее частотен «по-видимому вследствие наивного правила *post hoc, ergo propter hoc* (курсив наш – И.С.)» [Гак 1997: 129].

Значение причины является, конечно, периферийным для перечисленных временных предлогов и в словарях не фиксируется. Для его актуализации необходим специальный контекст: сема причины в семантической структуре вводимого предлогом компонента – имени существительного.

Отглагольные предлоги – это предлоги, источником которых является глагольная форма деепричастия. Аналогично отымённым предлогам, эти единицы также делятся на группы:

– простые предлоги: *благодаря кому-чему-н., включая кого-что-н., кончая кем-чем-н., начиная кем-чем-н., не доходя кого-чего-н., не считая кого-чего-н., погодя что-н., пройдя кого-что-н., спустя что-н., считая кого-что-н.* (10 единиц);

– составные предлоги: *глядя по чему-н., смотря по чему-н., судя по кому-чему-н., невзирая на кого-что-н., несмотря на кого-что-н., не доходя до кого-чего-н., исходя из чего-н., начиная с кого-чего-н.* (8 единиц);

Отглагольные предлоги выражают значения включения / исключения X-а из некоторого множества (16), семантику уступки (17), причинно-следственную семантику (18), временную семантику (19):

(16) — *Не только Ринату повезло, — возразил Молодой, — всем повезло, pp[включая NP[меня]ACC].* (НКРЯ);

(17) $PP[**Несмотря на** NP[**сложности**]_{ACC}]$, *Нина Дмитриевна смогла вырастить детей, выучить и сохранить в детских душах гордость за отца.* (НКРЯ);

(18) $Но PP[**благодаря** NP[**именно таким первопроходцам**]_{DAT}]$ *наука выходит на совершенно новые рубежи, не достигаемые иначе.* (НКРЯ);

(19) $PP[**Спустя** [год]_{ACC}]$ *за ним закрепили паровоз под номером 1675, он водил составы по Окружной дороге.* (НКРЯ).

Наречные предлоги рассмотрим подробнее. В академической грамматике [Русская грамматика 1980] выделяется класс наречных предлогов, которые могут быть как простыми (*вдоль, внутри, вопреки*), так и составными (*вдалеке от, вплоть до, следом за*). Состав наречных предлогов строго не определён (см. сопоставление состава наречных предлогов в грамматиках русского языка М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова, а также в более поздних источниках в исследовании Е.Н. Виноградовой [Виноградова 2018]). В работе [Всеволодова и др. 2014: 126] отмечается, что группу наречных предлогов можно разделить на несколько самостоятельных групп: отадъективные (*касательно, относительно*), немотивированные, непроизводные (*прежде, возле*) и отыменные (*вглубь, вслед*). Таким образом, оказывается, что полевая структура наречных предлогов более сложная: она включает несколько пластов (рис. 2.2).

Рисунок 2.2 – Полевая структура наречных предлогов (составлено по материалам статьи [Виноградова 2021])

Классификация, конечно, условна, поскольку размыты границы множеств. Так, мотивационный критерий не позволяет однозначно разграничить «классические» и «новые» наречные предлоги. Если отличительной особенностью «новых» единиц считать их маркированность в словарях, т.е. их гибридный статус и способность выступать как в функции предлога, так и в функции наречия (как предлагается в работе [Виноградова 2021]), то при таком делении в группу попадают в том числе и хронологически «старые» наречные предлоги. Необходим целый ряд уточнений. Например, можно было бы уточнить хронологические рамки (новыми называются такие предлоги, которые появились в языке с данного момента времени *t*). Но трудность здесь состоит в том, что однозначно определить время появления единицы не всегда удаётся. Например, следовало бы уточнить, что ядро наречных предлогов составляют предлоги, образованные от некоторой группы наречий (например, на *-о* и *-е*), однако такой подход выглядит весьма упрощенно. Это связано с многообразием формальных способов выражения самих наречий (ср. *по-московски*, *тихо*, *слаще* и др.). Действительно, принимая во внимание тот факт, что главным формальным признаком наречия как части речи является отсутствие словоизменения, можно признать, что любая застывшая форма – потенциальное наречие, а значит, и потенциальный предлог.

Следовательно, наречные предлоги активно пополняются предложно-падежными формами, это открытый класс. Выделение предикативов и вводных сочетаний на периферии категории, по-видимому, мотивировано синтаксически; ср.:

Воспитывать _{PP}[в духе _{NP}[толерантности и уважения]_{GEN}] (предлог в функции обстоятельства);

Он сегодня не в духе (категория состояния в функции предиката);

Прийти PP[*на радость* NP[*детворе*]_{DAT}] (предлог в функции обстоятельства);

Аллея, |на нашу радость|, прижилась (вводная конструкция).

Большинство наречных предлогов тождественны наречиям с точки зрения семантики, но есть и случаи расхождения:

(20) *Именно ему некий голос **свыше** растолковывал за кадром, что нужно или не нужно нашим людям.* (НКРЯ);

(21) *Инвестиции в проект составили PP[**свыше** NP[**6,5 млрд рублей**]_{GEN}].* (НКРЯ);

(22) *Достигнув пруда, Бауман обнаружил на сей раз **относительно неплохой** улов.* (НКРЯ);

(23) PP[**Относительно** NP[**погоды**]_{GEN}] *Ника была совершенно права: уже с августа закончилось лето, сразу же началась поздняя осень* (НКРЯ).

Рассмотрим подробнее подгруппу простых наречных предлогов, отмеченных в академической грамматике и входящих в ядро категории. Сюда входят как «молодые» наречные предлоги (*сообразно, соответственно, соразмерно*), так и древнейшие наречные предлоги (*против, подле, вне*). Последние, кажется, более интересны как материал для изучения феномена семантической эволюции именно в силу своего возраста: их историческое прошлое и последующее семантическое развитие позволяет лучше понять базовые принципы логики использования наречных предлогов носителями языка.

За основу возьмём простые (однословные) наречные предлоги, отмеченные в академической грамматике: *близ кого-чего-н., вблизи кого-чего-н., вглубь чего-н., вдоль чего-н., взамен кого-чего-н., вместо кого-чего-н., вне чего-н., внутри кого-чего-н., внутрь кого-чего-н., возле кого-чего-н., вокруг кого-чего-н., вопреки чему-н., впереди кого-чего-н., вроде кого-чего-н., вслед кому-чему-н., касательно кого-чего-н., мимо кого-чего-н., наверху чего-н., навстречу кому-чему-н., накануне чего-н., наперекор кому-чему-н., напротив кого-чего-н., около кого-чего-н., округ кого-чего-н., относительно кого-чего-*

н., поверх кого-чего-н., подле кого-чего-н., подобно кому-чему-н., позади кого-чего-н., помимо кого-чего-н., поперек кого-чего-н., после кого-чего-н., посреди чего-н., посередине чего-н., прежде кого-чего-н., против кого-чего-н., сбоку кого-чего-н., сверх чего-н., свыше чего-н., сзади кого-чего-н., сквозь кого-что-н., согласно чему-н., сообразно чему-н., соответственно чему-н., соразмерно чему-н., среди кого-чего-н. (46 единиц).

Вычтем из списка наречные предлоги, не зафиксированные в словаре русского языка XI – XVII вв., а также наречия, для которых в словаре русского языка XI – XVII вв. не отмечено предложного употребления⁷: *взамен кого-чего-н., вроде кого-чего-н., касательно кого-чего-н., наперекор кому-чему-н., относительно кого-чего-н., подобно кому-чему-н., сообразно чему-н., соответственно чему-н., соразмерно чему-н., впереди кого-чего-н., навстречу кому-чему-н* (11 единиц)⁸.

Далее вычтем из списка формы, которые не употребляются в пространственном значении: *вместо кого-чего-н., накануне чего-н., прежде кого-чего-н., согласно чему-н.* (4 единицы).

На выходе получаем класс древнейших наречных предлогов с исходным пространственным значением, употреблявшихся как в функции предлога, так и в функции наречия. Таким образом, множество интересующих нас предлогов включает 31 единицу.

Сфокусируем внимание на оставшихся многозначных наречных предлогах. Будем придерживаться следующей схемы анализа:

- 1) Исходная форма наречного предлога;
- 2) Цепочки семантических переходов (по данным исторических и современных словарей, НКРЯ и Интернет-поиска⁹);
- 3) Примеры употребления в составе словосочетаний / предложений.

На выходе получаем описание вида:

---

⁷ Для формы *посередине* в словаре русского языка XI – XVII вв. отмечается вариант *посередь* с тем же значением

⁸ Для форм *подобно, сообразно, навстречу и впереди* в словаре русского языка XI – XVII вв. зафиксированы наречные употребления, предложных нет

⁹ В авторских примерах источник не указывается

БЛИЗ

[ПРОСТРАНСТВО] > [КОЛИЧЕСТВО]: *близ ста рублей* (НКРЯ);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *близ рассвета* (НКРЯ);

[ПРОСТРАНСТВО] > [МОДАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ]: *близ реки*
(‘можно сказать’) (СлРЯ XI – XVII вв. 1: 240);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ДРУГИЕ АБСТРАКТНЫЕ СМЫСЛЫ]: *близ невинности* (НКРЯ).

ВБЛИЗИ

[ПРОСТРАНСТВО] > [КОЛИЧЕСТВО]: *вблизи 10-17 сантиметров*
(НКРЯ);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *вблизи момента времени t* (НКРЯ).

ВГЛУБЬ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *проникнуть вглубь веков*;

[ПРОСТРАНСТВО] > [ОЦЕНКА]: *путешествие вглубь романа*;
вникнуть вглубь вопроса (Интернет-поиск).

ВДОЛЬ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ОЦЕНКА]: *изучить инструкцию вдоль и поперек*
(‘хорошо, во всех подробностях’) (Ожегов 1988).

ВНЕ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *внидоховъ внутрь места внѣ ноци*
сущи (‘после’) (СлРЯ XI – XVII вв. 2: 236);

[ПРОСТРАНСТВО] > [СОСТОЯНИЕ]: *быть вне себя от радости*;

[ПРОСТРАНСТВО] > [АБЕССИВ]: *въ время молитвы въсхищается умъ*
вне хотения (СлРЯ XI – XVII вв. 2: 236) (*вне* здесь употребляется в значении
предлога *без*).

ВНУТРИ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЕННАЯ ГРАНИЦА]: *время внутри*
времени (Интернет-поиск);

[ПРОСТРАНСТВО] > [АБСТРАКТНАЯ ГРАНИЦА]: *внутри правил*;
внутри власти.

ВНУТРЬ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *аще кто въсхытитъ товаръ во время пожара, или въ время потопления корабля, и аще кто такова приемъ, тако хоронить, внутрь лѣта четверицею отдаеть* (СлРЯ XI – XVII вв. 2: 246) ('в течение лета');

[ПРОСТРАНСТВО] > [ОЦЕНКА]: *это сказка в стиле постмодернизма, когда надо постараться, прежде чем удастся всецело проникнуть внутрь романа* (Интернет-поиск).

ВОЗЛЕ

[ПРОСТРАНСТВО] > [КОЛИЧЕСТВО]: *курс фунта стерлингов практически всю неделю торговался возле отметки 1, 64 и лишь 26 июня снова пошел вверх, составив 1, 6496 доллара* (НКРЯ);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ДРУГИЕ АБСТРАКТНЫЕ СМЫСЛЫ] [...] *шесть лет, отданных садику, казались ей не жизнью, а робким и невнятным топтанием возле жизни, словно ходишь, ходишь кругами рядом, а решимости проникнуть внутрь не хватает* (НКРЯ); [...] *если не предпринять срочных мер по реструктуризации экономики и значительному усилению политики доходов населения, уровень жизни большинства россиян будет законсервирован возле порога бедности* (НКРЯ).

ВОКРУГ, ОКРУГ

[ПРОСТРАНСТВО] > [РЕЛЯТИВНОСТЬ]: *споры вокруг проблемы;*

[ПРОСТРАНСТВО] > [ДРУГИЕ АБСТРАКТНЫЕ СМЫСЛЫ]: *обвести вокруг пальца* ('обмануть').

ВОПРЕКИ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ]: *сделать вопреки рассудку.*

ВСЛЕД

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *выступать вслед за докладчиком* (Ожегов 1988).

МИМО, ПОМИМО

[ПРОСТРАНСТВО] > [СУПЕРЛАТИВ]: *о стѣи и пресущнѣи, и встѣхъ мимо и недостижимѣи Троици* (СлРЯ XI – XVII вв. 9: 157) (‘выше всех’);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ИСКЛЮЧЕНИЕ / ВКЛЮЧЕНИЕ]: *Епифанъ рече: право, добрый мой отче, кого иного хоцю вопрошати мимо тя?* (СлРЯ XI – XVII вв. 9: 157) (‘кроме тебя’);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ]: *и мнѣ ся видить, что ты приѣхалъ не зѣ дѣломъ мимо прежние обычеи, сказывалъ за собою великие тайные дѣла, а ныне мнѣ никакова дѣла не объявишь* (СлРЯ XI – XVII вв. 9: 157) (‘вопреки прежним обычаям’);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ОЦЕНКА]: *поистине, государь, тѣ прежние вселенские патриархи, Иеремѣя Феофанъ, писали о грехахъ не мимо дѣла, что православная вѣра у нихъ отъ насилия поганыхъ турковъ до конца изсяхла* (СлРЯ XI – XVII вв. 9: 158) (‘не зря, не напрасно’).

НАВЕРХУ

[ПРОСТРАНСТВО] > [КОМПАРАТИВ]: *писанъ орель двоеглавной, на верху орла изъ облокъ Исусъ Христоръ благословляетъ... преподобныхъ отцовъ* (СлРЯ XI – XVII вв. 10: 28) (‘выше орла’);

[ПРОСТРАНСТВО] > [СУБОРДИНАЦИЯ]: *наверху знают, что делают* (Ожегов 1988) (‘в руководящих кругах, у начальства’).

ПРОТИВ, НАПРОТИВ

[ПРОСТРАНСТВО] > [СОПОСТАВЛЕНИЕ]: *бѣше... пѣрвая цркы мала противу вѣходящимъ* (СлРЯ XI – XVII вв. 20: 251);

[ПРОСТРАНСТВО] > [РЕЛЯТИВНОСТЬ + ПРИЧИНА]: *и противъ той купчей тѣ продавцы... допрашиваны, а въ допросъ они продавцы той своей продажи и купчей ничѣмъ не спорили* (СлРЯ XI – XVII вв. 20: 251);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *княжна въ среду дневала на Дорогомилловѣ, и былъ у нее отецъ ее, князь велики, а великие княгини у нее и ночевали противу четверга* (СлРЯ XI – XVII вв. 20: 252);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ]: *Подобаетъ инокомъ вооружатися противъ стѣтей вражиихъ постомъ* (СлРЯ XI – XVII вв. 20: 250);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ДИСКУРСИВНЫЙ КОННЕКТОР]: *Онъ пытается найти причину в мелочах, когда, напротив, надо искать в главном* (НКРЯ).

ОКОЛО

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *прошло около месяца;*

[ПРОСТРАНСТВО] > [КОЛИЧЕСТВО]: *пришло около ста человек;*

[ПРОСТРАНСТВО] > [СУБОРДИНАЦИЯ]: *поѣхаше псковичи около князя Остафья к Полотску* (СлРЯ XI-XVII вв. 12: 332 – 333).

ПОВЕРХ

[ПРОСТРАНСТВО] > [КОМПАРАТИВ]: *поверхъ хоромъ и по окнамъ не смотри, зри на землю* (СлРЯ XI – XVII вв. 15: 150) ('выше хором').

ПОЗАДИ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *самое трудное позади* (Ожегов 1988).

ПОПЕРЕК

[ПРОСТРАНСТВО] > [ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ]: *да будетъ ему отпишуть или поперегъ отписокъ прямыя вести учинятца, что воры изъ Костромскаго уѣзда пришли* (СлРЯ XI-XVII вв. 17: 81);

[ПРОСТРАНСТВО] > [МЕРА / СТЕПЕНЬ ПРИЗНАКА + ОЦЕНКА]: *поперек себя шире* (Ожегов 1988) ('очень толст').

ПОСЛЕ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *игумну есми серебряника после Юрьева дни пускати не велел* (СлРЯ XI-XVII вв. 17: 176);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ + ПРИЧИНА + СЛЕДСТВИЕ]: *после этого я не спал две ночи.*

СРЕДИ, ПОСРЕДИ, ПОСЕРЕДИНЕ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *мимо Можайска гхаль посреди ночи* (СлРЯ XI-XVII вв. 17: 221); *замолчать посередине рассказа* (Ожегов 1988);

[ПРОСТРАНСТВО] > [ДРУГИЕ АБСТРАКТНЫЕ СМЫСЛЫ]: *воспитательная работа среди молодёжи (Ожегов); жить посреди врагов (Ожегов 1988).*

СВЕРХ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ИСКЛЮЧЕНИЕ / ВКЛЮЧЕНИЕ]: *и судья спросил ищю: Сверхъ того есть ли у тебя иная какова улика? (СлРЯ XI-XVII вв. 23: 117);*

[ПРОСТРАНСТВО] > [КОМПАРАТИВ]: *а будетъ Печенского монастыря строитель съ братьею... учнутъ въ которые города привозитъ соль и торговать сверхъ тысячи рублевъ, и съ того... пошлину по нашему великого государя указу (СлРЯ XI-XVII вв. 23: 117);*

[ПРОСТРАНСТВО] > [ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ]: *а тем людем, которые учнут хлеб иноземцом продавать сверх нашего указу, чинили наказанье, смотря по вине (СлРЯ XI-XVII вв. 23: 117).*

СВЫШЕ

[ПРОСТРАНСТВО] > [КОМПАРАТИВ]: *псковичи... наддѣлаша на старую стѣну новую стѣну звыше старыхъ стѣнь (СлРЯ XI-XVII вв. 23: 198);*

[ПРОСТРАНСТВО] > [СУПЕРЛАТИВ]: *и говорили бояре посломъ про философа Иустина, что хотѣлъ поискати премудрости свыше всѣхъ философъ (СлРЯ XI-XVII вв. 23: 199);*

[ПРОСТРАНСТВО] > [КОЛИЧЕСТВО]: *при изготовлении каждой пары используется свыше 50 различных деталей (НКРЯ);*

[ПРОСТРАНСТВО] > [СУБОРДИНАЦИЯ]: *по предписанию свыше (Ожегов) ('от высших властей, от вышестоящих лиц');*

[ПРОСТРАНСТВО] > [ДРУГИЕ АБСТРАКТНЫЕ СМЫСЛЫ]: *рече бо аплом гь: прѣбудете въ Иерсломъ дондеже облѣчетеся силою съвыше (СлРЯ XI-XVII вв. 23: 198) ('свыше, от Бога').*

СКВОЗЬ, НАСКВОЗЬ

[ПРОСТРАНСТВО] > [ОЦЕНКА]: *насквозь видеть кого-н.* (Ожегов 1988) ('отлично знать чьи-н. намерения, помыслы');

[ПРОСТРАНСТВО] > [ВРЕМЯ]: *мне бы жить и жить, сквозь годы мчась* (Маяковский);

[ПРОСТРАНСТВО] > [СРЕДСТВО]: *да понѣхъ худѣ разумѣваемъ чуднаа дѣла бжия, акы сквозь зрѣяло дозряще. Немошно бо есть члчи мысли поистинѣ разумѣти бжственна мысли, премудрости и силы* (СлРЯ XI-XVII вв. 24: 192) ('при помощи, с помощью');

[ПРОСТРАНСТВО] > [ДРУГИЕ АБСТРАКТНЫЕ СМЫСЛЫ]: *насквозь лживое заявление* (Ожегов 1988) ('полностью, совершенно'), *смех сквозь слезы* (Ожегов 1988) ('действие или состояние, совершаемое одновременно с другим действием или состоянием').

Выделим несколько базовых семантических расширений (рис. 2.3):

Рисунок 2.3 – Некоторые базовые семантические расширения наречных предлогов с исходным пространственным значением

Безусловно, производные непространственные области могут пересекаться. В таком случае мы имеем синкретичную семантику. Так, например, семантика относительности (релятивности) синкретична и содержит в себе оттенки сравнения / сопоставления (*относительный вес, относительная влажность*), ограничения (*относительный авторитет*).

Значение относительности (*релятивности*) у наречных предлогов можно считать новым. Оно отмечено у «молодых» наречных предлогов *относительно, касательно*). Отношения противопоставления, отрицания, уступки и ограничения объединяются в категорию *противительности* [Милованова 2011: 8]. Согласимся с автором в том, что семантика противительности неразрывно связана с субъективно-оценочными смыслами. Под противительностью понимается именно «выражение субъективных отношений: модальность, экспрессивность и оценочность составляют языковую сущность противительности, и в семантической структуре противительного слова значение противопоставления дополнено обязательным субъективно-экспрессивным, субъективно-оценочным компонентом» [Милованова 2011: 14].

Частотность употребления наречных предлогов с исходным пространственным значением в сочетаниях с абстрактной лексикой различна. Так, авторы корпусной грамматики русского языка, ссылаясь на основную корпус НКРЯ, приводят следующие данные (представим фрагмент таблицы с данными по некоторым рассмотренным выше наречным предлогам).

Таблица 2.3 – Сочетаемость предлогов с абстрактными именами (по данным основного корпуса) (цит. по [Русская корпусная грамматика])

Наречные предлоги	Н абстр, основной корпус	Всего	% абстр.
<i>вопреки</i>	2065	2545	81%
<i>свыше</i>	562	695	81%
<i>после</i>	92307	131266	70%
<i>вне</i>	5062	8782	58%
<i>помимо</i>	2537	4884	52%
<i>против</i>	15494	40554	38%
<i>около</i>	6589	22924	29%
<i>сквозь</i>	4653	17736	26%
<i>среди</i>	7028	33531	21%
<i>сверх</i>	932	5069	18%
<i>посреди</i>	739	5084	15%
<i>внутри</i>	1027	7095	14%
<i>вокруг</i>	2270	15724	14%
<i>вдоль</i>	1040	10982	9%
<i>мимо</i>	983	10821	9%

<i>возле</i>	849	13317	6%
<i>близ</i>	292	5222	6%

Из данных таблицы следует, что наиболее активно с непространственными именами употребляется наречный предлог *вопреки*, выражающий противительные отношения; реже всего с абстрактной лексикой сочетаются наречные предлоги, обозначающие пространственную близость. Как справедливо отмечают составители таблицы, по представленным данным можно лишь косвенно судить об общем соотношении пространственных и непространственных употреблений наречных предлогов. Действительно, для описания динамики изменения такого соотношения требуется более углублённый корпусный анализ, методика которого будет представлена далее в главе 3.

Выводы по второй главе

С точки зрения грамматики строгое определение предлога-прототипа подразумевает наличие предложного управления. В генеративной грамматике предлог является вершиной группы. Существующие тесты на определение грамматического статуса языковой единицы позволяют определить степень её грамматикализации, но, по мнению учёных, они требуют уточнений и доработок.

Предлоги гетерогенны как с грамматической, так и с семантической точки зрения. Семантическая гетерогенность состоит в том, что почти все функциональные предлоги являются многозначными, тогда как среди производных предлогов разных классов есть немало однозначных единиц (при этом значение мотивировано входящим в состав предлога или предложно-падежного сочетания именем). Между этими двумя полюсами располагается класс предлогов, имеющих заданный стабильный набор значений.

Семантическая эволюция предлогов типологически весьма разнообразна. Существует несколько продуктивных семантических переходов. Основным механизмом семантических сдвигов в классе можно считать метафору, появление оценочных коннотаций в контексте. При этом контекст влияет как на семантику, так и на грамматический статус (оппозиция предлог *vs.* другая часть речи). Если исходить из того, что предлог – это *служебная* часть речи, то можно предположить, что развитие оценочных дополнительных оттенков значений для первообразных предлогов не характерно. Положительная / отрицательная оценка может, однако, появляться у гибридных единиц, допускающих предложные употребления, или при употреблении предлогов в составе устойчивых сочетаний.

Рассмотренные в главе наречные предлоги с исходным пространственным значением развивают производные значения времени, количества, противительности, состояния, оценки, исключения и включения, сравнительной и превосходной степени, а также могут употребляться для выражения логических отношений.

Употребление может закрепиться в словарях и актуализироваться (в таком случае прогнозируем рост количества метафорических употреблений в течение некоторого периода времени) или же уйти на периферию. Соотношение пространственных и непространственных значений для каждого наречного предлога индивидуально и может меняться. В третьей части исследования будет проведен корпусный анализ, который позволит увидеть динамику изменения соотношения пространственных и непространственных значений трёх наречных предлогов – *вокруг*, *около* и *близ* и верифицировать исходную гипотезу исследования.

Глава 3 Семантико-статистический анализ употреблений наречных предлогов *вокруг, около, близ*

«В развитой теории грамматики, как и вообще в развитой теории языкознания, качественный и количественный анализ необходимы и взаимно дополняют друг друга» [Адмони 1963: 57]

«Mais les choses s'expliquent à mesure que nous remontons le cours des âges»¹⁰
[Bréal 1897: 204]

3.0 Предварительные замечания к главе 3

Рассмотрим теперь более подробно три наречных предлога, имеющих в качестве прототипического значения значение пространственной близости: *вокруг, около* и *близ*. Выбор предлогов случаен. Они семантически близки, но исходную гипотезу исследования можно верифицировать при помощи предлагаемой методики на примере любых других предлогов. Первая часть главы предлагает традиционное семантическое описание данных языковых единиц (*case study*). Пространственное значение изображается при помощи когнитивных схем, а переносные непространственные значения восстанавливаются по данным корпуса, исторических и современных словарей. По возможности восстанавливается относительная хронология появления переносных значений. Во второй части главы представлен статистический анализ: описаны технические возможности и ограничения корпуса, методика анализа и полученные результаты: динамика изменения соотношения пространственных и непространственных употреблений наречных предлогов в диахронии.

Следует заметить, что вопрос о категориальном статусе наречных предлогов в русистике до конца не решен. Так, В.В. Виноградов [Виноградов 2001: 558] выделяет среди прочих класс простых наречных предлогов, академическая грамматика 1980 описывает этот класс в разделе «Предлоги» [Русская грамматика 1980]. Е.В. Урысон относит наречные предлоги к классу

---

¹⁰ Но факты объясняются по мере того, как мы возвращаемся в прошлое языка

управляющих непредикативных наречий [Урысон 2017]. С точки зрения исследователя, это упрощает словарное описание и делает его более последовательным. В частности, если отказаться от термина *наречный предлог*, то не возникнет необходимости признать, что некоторые предлоги могут иметь зависимое меры и степени (*весьма близко от дома, довольно далеко от театра* и др.). Кроме того, в некоторых случаях семантический актанта выражается только предложно-падежным сочетанием (*задолго до рождения*), и если считать *задолго (незадолго) до* наречным предлогом, то неясно, от какого наречия образован этот предлог. Однако если совсем отказаться от термина *наречный предлог*, то придётся признать, что как наречие, так и предлог могут управлять существительным. В таком случае необходимо выделить отдельный класс наречий – управляющие наречия. Далее необходимо уточнить, что такие предложные наречия не являются предикативными и противопоставляются последним (ср. *жаль кого-л., стыдно за что-л.*). Наречие и омонимичный ему предлог различаются лишь способом выражения семантического актанта. Актант предлога выражается синтаксически при помощи правила-алгоритма: он стоит в заданной падежной форме (*около дороги, близ города*). Семантический актанта наречия выражается в контексте (ещё точнее – в предтексте), и правильнее говорить о синтаксической сфере действия актанта – любом синтаксическом образовании, значение которого соответствует семантическому актанту: ср. *Ползут по полю два бойца, вдруг **рядом** [с бойцами – И.С.] взрыв* (Е. Гришковец).

3.1 Семантический анализ наречных предлогов *вокруг, около, близ*

3.1.1 Пространственное значение наречных предлогов *вокруг, около, близ*

Наречные предлоги *вокруг, около* и *близ* в пространственном значении могут описывать два типа ситуаций: статическую и динамическую. Когнитивные схемы статической и динамической ситуаций, описываемых при

помощи наречных предлогов *вокруг* и *около*, можно считать похожими (рис 3.1б). Разница состоит лишь в том, что в случае динамической ситуации, описываемой наречным предлогом *около*, характер траектории носителями современного русского языка может не осмысляться как круговой, хотя, безусловно, данные этимологии свидетельствуют именно о круговом движении / месторасположении (др.-русс. *коло* ‘круг’). Об этом же свидетельствуют два пространственных значения, выделенные в словаре древнерусского языка XI – XVII в.: ‘вокруг, со всех сторон’ и ‘перед’ [СлРЯ XI-XVII вв. 12]. Наречный предлог *близ* вовсе не подразумевает круговую траекторию движения, допустимы ситуации заданного однонаправленного движения и разнонаправленного движения без заданной траектории (рис 3.1а).

Изобразим пространственные ситуации при помощи когнитивных схем. Выделим два основных компонента пространственной ситуации – траектор (*TR*) и ориентир (*LM*). Расстояние между ними обозначим буквой *S*. Пунктирным вектором покажем траекторию движения при динамической ситуации:

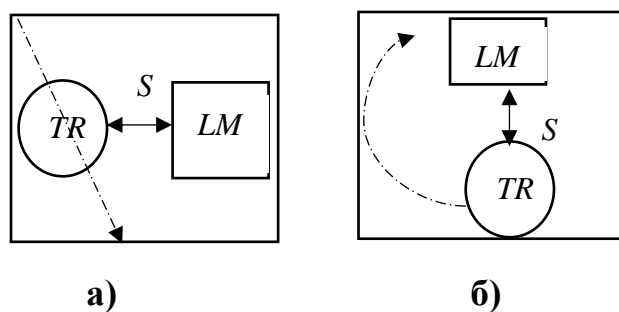

Рисунок 3.1 – Пространственная ситуация, описываемая при помощи наречных предлогов *вокруг*, *около*, *близ*

3.1.2 Семантические расширения наречного предлога *вокруг*

Семантические расширения наречного предлога *вокруг* связаны с семантикой относительности. По данным толковых словарей, семантический переход [пространственная близость] > [релятивность] относительно новый, поскольку релятивное значение *вокруг* впервые фиксируется в словаре Д.Н. Ушакова [Ушаков 1935]: *вокруг* – ‘в области чего-н., по отношению к’ (*Его интересы сосредоточиваются в. вопросов нового быта*), а затем и в

словаре С.И. Ожегова [Ожегов 1988]: *вокруг* – ‘по поводу’ (*Споры в. сложного вопроса*). Другие абстрактные смыслы развивают фразеологизмы *вокруг да около* ‘не доходя до сути дела’, *обвести вокруг пальца* ‘обмануть’.

Данные корпуса фиксируют употребления наречного предлога при субъектах – абстрактных именах, а также сочетания с абстрактными именами, вводимыми предлогом. Приведём несколько примеров из НКРЯ (в круглых скобках здесь и далее мы указываем корпус и соответствующий номер источника в списке источников). Базовыми компонентами ситуации будем считать *X-а* и *Y-а* – участников статической или динамической ситуации, описываемой при помощи наречного предлога *вокруг* (информация о ситуации содержится в глаголе или глагольной форме (*V*)). В случае динамической ситуации (шире – ситуации любого абстрактного движения или изменения) *X* – это траектор, а *Y* – ориентир. Пусть *A* – исходное значение, а *B* – целевое. Тогда шкалу семантических переходов для наречного предлога *вокруг* можно изобразить следующим образом.

В звено *A* войдут контексты, в которых *X* – конкретное имя в прямом значении; *V* – статический или динамический глагол в прямом значении; *Y* – конкретное имя в прямом значении (*мальчик бегал вокруг стола; туристы сидели вокруг костра*). Наречный предлог *вокруг* в таких предложениях оформляет обстоятельственные отношения.

К звену *Ab* отнесём три типа контекстов¹¹. Первый тип – контексты, в которых *X* содержит в своей семантической структуре обобщённо-собирательный оттенок значения. Индикатором здесь может служить местоимение *всё*:

В хорошем романе <...> герой должен быть неподвижен, а обращаться (V) вокруг него (Y) должен весь физический мир (X) <...> (ОК: 110) (*Y* – конкретное имя; предикат – динамический глагол).

---

¹¹ Объединим в этой группе связующие контексты и контексты-переключатели (в соответствии с терминологией Б. Хейне) на том основании, что смысловая интерпретация высказывания в обоих случаях может отличаться у говорящего и слушающего, т.е. строгой конвенции нет.

В эту же группу (второй тип) отнесём случаи, когда *X*, выраженный конкретным именем, употребляется в переносном значении: метонимический перенос указывает на начальный этап расширения сферы употребления предлога. По нашим наблюдениям, подобные контексты появляются в XVIII в.:

Мне кажется, что человеческое сердце [= человек] (X) может осиротеть, может видеть (V) все мертвым вокруг себя (Y) — все, кроме природы и творца ея (ОК: 96) (X и Y совпадают (конкретное имя); предикат – глагол восприятия).

Третий тип – предложения, в которых *X* выражен абстрактным, а *Y* – конкретным именем. При этом статический / динамический предикат употребляется в переносном значении:

Тишина (X), стоявшая (V) вокруг, нарушаемая лишь негромкими окликарами часовых, придавала какую-то особо томящую силу немому бледному огню (ОК: 66). (Y – конкретное имя (наблюдатель; выражен в контексте); предикат – статический глагол в переносном значении ‘быть’ описывает состояние окружающей действительности, статическую ситуацию).

Приведём ещё несколько типовых примеров:

Все возможное бытие (X₁) и весь возможный смысл (X₂) располагаются (V) вокруг человека (Y) как центра и единственной ценности (ОК: 19);

Машинально вернулся к столу и остаток ночи наблюдал, как сменялись игроки, как счастье (X) бежало (V) вокруг стола (Y), как никто не мог угадать минуты его прихода (ОК: 37);

Вокруг нас (Y) бушевали (V) политические страсти (X). Буржуазный мир ещё не мог смириться с победой Октябрьской революции (ОК: 110);

Новая живопись. Новые имена (X₁) гремели (V) вокруг нас (Y). Новые поэмы (X₂) (ОК: 110);

Риту всегда одолевали проблемы (X), рожившиеся (V) вокруг неё (Y), как слепни вокруг лошади (ОК: 63);

Настроение, дух армия, внутреннее сознание правоты, убеждение, что дерешься и отдаешь жизнь за правое дело, — все это было налицо в русских войсках, я все это заставляло забывать о летающей (V) вокруг смерти (X) и биться с изумительным, сказочным героизмом против наглого захватчика и жестокого насильника (ОК: 185).

Наконец, к звену *Б* отнесём случаи, когда *X* и *Y* выражены абстрактными именами:

Тоска (X) обвилась (V) вокруг моего сердца (Y) [= вокруг меня] (ОК: 33);

События (X), описанные в цикле, вращаются (V) вокруг центральной повести (Y) — «Похищение быка из Куальнге» (ОК: 111);

Разговоры (X) кружат (V) вокруг проблемы (Y) обиды, оскорбления (ОК: 137);

Затем были главные силачи в каждом возрасте, и, наконец, существовал великий, богоподобный, несравненный, поклоняемый — первый силач во всей гимназии. Вокруг его личности (Y) реяла (V) легенда (X) (ОК: 128).

Перечислим абстрактные существительные, занимающие синтаксическую позицию *Y*¹². Сюда относятся:

– существительные ментальной сферы: *вопрос этот раздирал Юг, отражаясь крайне неблагоприятно на ведении военных операций, вовлекая в борьбу (X) вокруг него (Y) общественность, печать, офицерство, политические организации, даже правительство Согласия (ОК: 71);*

– существительные, обозначающие научную область: *тысячи рассказов, романов, исполненных тревоги о будущем человечества, порождены научными спорами (X) вокруг кибернетики (Y): где предел её возможностей? (ОК: 57);*

– существительные, обозначающие психологическое состояние: *между преступником и приемлющей страдание должны были завязаться отношения (X) вокруг какого-нибудь несчастья (Y) (ОК: 14);*

---

¹² Во многих подобных контекстах наречный предлог *вокруг* оформляет определительные отношения (см. список)

– конкретные существительные в переносном значении: *а внутри отцовской природы, скрытым стержнем, вокруг которого (Y) всё (X) навивалось (V), было могучее качество — осторожность (ОК: 197);*

– абстрактные существительные, обозначающие маркированный момент во времени: *особенно суетилась (V) вокруг этого события (Y) Юлия Михайловна (X) (ОК: 197);*

– абстрактные понятия: *семантический спор (X) вокруг слова «detente» — «разрядка» (Y) — лишь дым, скрывающий попытку неразумных повредить едва возникший каркас советско-американского взаимоуважения, столь важный в современном здании мира (ОК: 8);*

– абстрактные существительные, обозначающие род деятельности, работу, занятие: *а всякое Дело с заглавной буквы тебе ненавистно. Вокруг него (Y) — зона мёртвого пространства (X). Там гибнет всё, что мешает делу (ОК: 72).*

В эту же группу отнесём употребления наречных предлогов в составе фразеологических оборотов:

— *Я думал, он тебе нравится, ты так улыбалась ему все время, строила глазки, а сама обвела вокруг пальца... (ОК: 40);*

Ладно, ходить вокруг да около не буду: вы знаете, что в Киеве возобновляется футбол, что будет интернациональный чемпионат и что для этого вас вынули из лагеря (ОК: 177).

Ввиду того, что группа *Аб*, включающая синкретичные случаи, немногочисленна, при статистическом анализе мы отнесли эти контексты к группе непространственных употреблений. Итак, семантические связи значений наречного предлога *вокруг* упрощённо можно представить в виде схемы:

Рисунок 3.2 – Значения наречного предлога *вокруг*

3.1.3 Семантические расширения наречного предлога *около*

Наречный предлог *около* более разнообразен с точки зрения производных абстрактных смыслов. Так, словарь русского языка С.И. Ожегова фиксирует, кроме пространственного (*дом о. пруда*), значение приблизительности меры (*весит о. килограмма*), количества (*мальчику о. десяти лет*), времени (*О. полуночи*). [Ожегов 1988]. Темпоральное значение возникло на базе исходного пространственного. Это широко распространённый семантический переход на основе метафоры. Можно предположить, что сочетания предлога *около* с мерами площади и длины были одними из первых сочетаний с квантитативным значением. Приведём примеры из корпуса:

(дрв) Лукино, а в ней крестьян (в) Ондрюшка Окулов, (в) Шестачко Микифоров; пашни паханные худые земли десять чети в поле, а в дву по тому ж; сена сорок копен; лесу пашенного около полдесятины (СРК: 8);

большой башне мера около 82 сажени с полусаженью, длина той башне 32 сажени с полусаженью, поперег 35 сажени, вышина той башне с одну сторону 4 сажени, а з другую сторону вышина 3 сажени и 3 чети, потому что место неровно (СРК: 34).

Полагаем, что квантитативное значение предлога *около* появилось именно в текстах деловой письменности: описях имущества, приходно-расходных книгах и других подобных документах, поскольку возникла потребность выразить имеющейся формой новое содержание: абстрактное количество имеющихся предметов, их форму, размер, длину, ширину. Впоследствии ввиду усиления роли приказно-канцелярского языка активно происходил процесс смешения стилей, взаимовлияния, и жанровое ограничение было нивелировано (см. замечание в работе [Виноградов 1982: 56 и сл.]).

В словаре русского языка XI – XVII вв. находим устаревшее субординативное значение ‘под начальством’ (*Погъхаше псковичи около князя Остафья к Полотску*) [СлРЯ XI-XVII вв. 12]. Данные корпуса дополняют

список значений релятивным значением, которое можно обнаружить, например, при предикате *бродить* в следующем контексте:

Мыслями он бродил около лечения раковых заболеваний с помощью ингибиторов роста гормонального происхождения (ОК: 208).

Итак, семантические расширения предлога *около* можно представить в виде аналогичной схемы, в которую также будут включены употребления в составе фразеологизма *вокруг да около*:

Рисунок 3.3 – Значения наречного предлога *около*

3.1.4 Семантические расширения наречного предлога *близ*

Будучи изначально синкретичной единицей, наречный предлог *близ*, по данным словаря русского языка XI – XVII вв., употреблялся в пространственном (*Князь же велики... поиде конми к Мурому, и яко уже близь града бысть, и прииде ему вѣсть, яко идетъ Бигичь ко царю*), временном ([*Ной*] *дѣлая ковчегъ, по вся дни людемъ вопиль: покайтеся, близь конецъ и при дверехъ смерть*), количественном (*Рѣцѣ малѣ ту суци, близь четьреи лакоть отстоаци от храминѣ тѣхѣ*) и модальном ([*Смоленск*] *крѣпко вооружился и укрѣпился и не покорился и не здался, да и нынѣ стоитъ и крѣпится, близ рѣци, что все великое наше Росийское государство держитъ*) значениях [СлРЯ XI-XVII вв. 1: 240].

По нашим наблюдениям, в русском языке XIV – XV в. *близ* употребляется почти исключительно в церковнославянских текстах, т.е. жанровое ограничение весьма жёсткое. Действительно, форма *близ* обнаруживается ещё в старославянском языке, откуда она проникает впоследствии в церковнославянские источники, а позднее и в тексты других жанров. В дальнейшем ввиду того, что церковнославянские стили и жанры уходят на

периферию языковой системы, церковнославянская лексика употребляется ограниченно, подвергается переосмыслению и переоценке (см. замечание В.В. Винградова: «во второй половине XVII в. резко проявился внутренний распад системы церковнославянского языка, обозначившийся еще в XVI в. Изменения в структуре церковнокнижной речи были связаны с ростом литературного значения «светских» — деловых, публицистических, повествовательных — стилей русского письменного языка и с расширением литературных прав бытовой речи» [Виноградов 1982: 10]).

Словарь С.И. Ожегова приводит только пространственное значение (*Ребёнок спокоен б. матери*) [Ожегов 1988]. Следовательно, на основании простого сопоставления набора значений, можно сделать вывод об архаичности анализируемого наречного предлога. Однако наблюдения над использованием предлога *близ* в интернет-среде позволяют предположить, что возможности сочетаемости *близ* с абстрактной лексикой гораздо более обширны, несмотря на архаичность формы и, как следствие, наблюдаемый на протяжении исторического развития русского языка процесс её морфологического усложнения. Для доказательства этого положения приведём примеры из НКРЯ и дополним их примерами из корпуса ruTenTen – интернет-корпуса русского языка в составе системы Sketch Engine (выбор последнего обусловлен тем, что интернет-корпус отражает современное состояние русского языка, современные тенденции употребления языковых единиц; его использование будет способствовать более полному и объективному описанию¹³). Рассмотрим далее более подробно непространственные значения формы *близ* и приведём свой вариант их семантической классификации.

Темпоральное значение характерно прежде всего для сочетаний *близ* с существительными, обозначающими отрезок времени разной длины:

---

¹³ При цитировании примеров из корпуса ruTenTen исходные орфография и пунктуация сохраняются

- момент: *Есть идея от группы товарищей, организовать экспедицию в дельту Волги в августе сего года, **близ момента новолуния** (РТТ);*
- минута: *Ежели честно то впоследствии конца кинофильма я **близ минут сорока** посидел с отвисшей челюстью! (РТТ);*
- час: *Уже он **близ часа?** валдайцев поражал, / И словом, от него там каждый прочь бежал, / Как вдруг против его соперник появился, / Вдруг подвиг братнин тут совсем остановился (ПК: 8);*
- день: *Воззрит кто в ночи прежде света на восток, и узревши звезду и денницу, ведает совершенно, яко **близ день** есть; потом возсиявшу дне денницы уже не узрит (ОК: 145);*
- сутки: *Все эти безусловно достаточные предметы приводят к времени работы **близ суток** (РТТ);*
- неделя: *Довольны старички сей пищей **близ недели**. / Старуха говорит: «Из чашки мы не ели; / Знать, пища в ней других послаще вложена; Отведаем ее (ПК: 9);*
- месяц: *Которые ко флоту прибыли и сказали, что шведов уже **близ месяца** нет на море, кроме крейсеров, которых и того дня поутру они видели (ОК: 138);*
- год: *Уж **близ года** как травят Луку Андреича, но он силен, от всех отделявается: и от псовых, и от хортых, и от тех, что в завитках (ОК: 170);*
- век: *Итак, не должно ли царствование Иоанна Васильевича второго поставлять среднюю чертою, до которой Россия, бедственного состояния достигнув, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, **близ трех веков** ею утраченную? (ОК: 216);*
- время: ***Близ время жатвы**, и серп возложен на жатву души моей; притекла смерть и подкапывает храмину душевную! (ОК: 161). Сочетания такого типа могут указывать и на более протяжённый отрезок, например, на эпоху правления: *Нестор же второе пришествие **близ времени Олега** указывает, чему и венгерские о двух приходах согласно указывают (РТТ);**

– период: **Близ периода в 9-10 суток** горб весьма велик, кривая блеска имеет иногда два почти одинаковых максимума (RTT).

Это может быть момент (часть) суточного или сезонного астрономического времени:

– зима: *нынѣ же камо идѣмъ, яко зима близъ* (СРК: 89);

– сентябрь: *Вместе со всеми этими чувствами, повышаются собственнические инстинкты, ревность, буря страстей и эмоциональных потрясений может ждать Вас близ 20 сентября.* «Снесёт крышу» так, как давно этого не было (RTT);

– полдень: *Было близ полдня, когда Сергей Андреич вошел в баню* (ОК: 133);

– полночь: *Был всего лишь полдень, а поезд на Брянск отходил близ полуночи* (ОК: 132);

– рассвет: *Ночь. Близ рассвета. Лампа горит очень ясно, потому что городок спит и току электрического много* (ОК: 32);

– закат: *Так — этим ласкам близ заката / Он отдается, как и мы, / Затем, что Солнцу нет возврата / Из надвигающейся тьмы* (ПК: 2);

– обед: *Время уже было близ обеда, и я по должному учтивству встал со стула, чтоб откланявшись поехать <...>* (ОК: 225);

– равноденствие: *Наибольшая продолжительность видимости придется на дни близ весеннего равноденствия, когда Меркурий будет сиять на вечернем небе более часа* (RTT);

– полнолуние: *Умывание и купание в настое богородичной травы способствуют сохранению женской красоты. Наибольшей силою эта трава наливается близ полнолуния* (RTT);

– новолуние: *Изо дня в день (а точнее, из ночи в ночь) она прибывает в свете, проходя через все фазы, от тоненького серпа до полного диска, а затем начинает убывать, пока полностью не исчезнет в солнечных лучах близ новолуния* (RTT);

– фаза: *Первая половина недели будет наиболее благоприятной для наблюдений многих объектов звездного неба. Это и Луна, находящаяся **близ фазы первой четверти**, и две самые яркие планеты Солнечной системы (Венера и Юпитер), и туманные объекты (после захода Луны), и астероиды, а также двойные и переменные звезды (РТТ).*

Наречный предлог *близ* может указывать на протяженный временной отрезок, занятый определённым событием: *когда он шел по полю **близ войны**, то ему тоже редко попадались дома (ОК: 160); Еще тогда, играя в прятки / И грея руки **близ войны**, / Вы не ошиблись в той догадке, / Что он — солдат своей страны (ПК: 14).*

Сочетания *близ* с существительными семантической группы ‘конец, окончание’, по нашим наблюдениям, одни из самых частотных в группе непространственных употреблений; контексты подобного типа весьма разнообразны с точки зрения синонимии; так, *близ* может сочетаться с существительными:

– смерть: *Молодой Силлий и вся семья обременены были жестокою печалью; старик не снес толь ужасной вести, он занемог и стал **близ смерти** (ОК: 215);*

– гибель, погибель: *Бодрость сего бранного народа упадать начинала, и республика почитала себя **близ погибели** (ОК: 214);*

– преставление: *Егда же бысть **близъ времени преставления** его, яко мнѣти, за два месяца или за три или за боле, и созва люди новокрещенныя пермьския и, собравъ я вкупѣ, хотя им поучение сотворити обычное, паче же послѣднее поучение, и рече им, глаголя (СРК: 38);*

– кончина: *Россия некогда чрез грозную судьбину / Повержена свою **близ видела кончину!** (ПК: 6);*

– отшествие: *Таже нача свѣтель бивати, глаголаше: «Уже бо **отшествие мое близ есть**» (СРК: 27);*

– успение: *Возвратившей же ся в дом Деве и царицы, Мановением Бога бяху ученицы Собранные; но при скорби все себе творяху Егда царицу си **близ успения** зряху* (СРК: 16);

– гроб: *Он горесть всю вкушает / И, смерти ждя, одной тоской свой дух питает. / Он жив... **близ гроба**. Ах!* (ПК: 5);

– одр (устар.): *Вы пишете, что нареченный зять болен до того, что **близ смертного одра*** (РТТ);

– истление: *гї Внегда́ же глаголетъ, нѡвъ, вбветиши пѣрваго: а вбветиша́ющее и состарѣ́ющеея, **блѣзь ѣсть истлѣнїя*** (ЦСК: 1);

– закат: *Даниил написал свои воспоминания и назвал их «**Близ заката**»* (ОК: 163);

– конец: *Почти всюду в реках окунь главным образом кормится прошлогодней плотвой и мальками этой самой распространенной рыбы и только на юге России, кажется, предпочитает ей (**близ конца лета и осенью**) сазаньих мальков* (РТТ);

– финал: *Поворот на зрителя — переход на движение иллюзорное. Затем, **близ финала диалога**, — снова поворот и уход в профиль* (РТТ).

Сюда же отнесём употребления предлога *близ* в составе пословиц: *древняя русская пословица: **близ царя, близ смерти**, родилась, думаю, тогда, как наше отечество носило цепи моголов* (ОК: 101).

Кроме того, речь может идти о переходе в другое состояние, т.е. о его изменении: *и въ такомъ благоразумїи и благоденьствїи старости маститы достиже и болѣзнію одержимъ бысть и разумъ, яко **близъ сконьчанїя болѣзни** его, и возжела облещися во иноческїй образъ аггелоподобнаго чина, яко да во смиренїи и въ покаянїи житїя своего конецъ достигнетъ* (СРК: 103); *юный есм **близ женитви** — имя ми Ияков, — Над Исава любезнейший есм сын Исааков; Дед мой бяше Авраам, друг Божий названный* (СРК: 16). Наконец, речь может идти о уничтожении, смещении (метафора свержения, упадка): *златая глава, но безразумная. Сребрянїи руце, а без движения, не осязает.*

*Горе зрит идол, а о ногах глиняных не помыслит. **Близ падения**, а о сем ниже помянет* (ОК: 145).

Помимо этого, *близ* сочетается с существительными антонимичной семантической группы ‘начало, рождение, появление на свет’:

– рож(д)ество, рож(д)ение ‘появление на свет’: *в тех анбарех тонцуют люди по веревках, мужеска полу и женска, преудивително, также и девицы, между которыми я видел одну жену беременную, уже **близ рождения**, и та там танцовала по веревке зело удивително* (СРК: 85); *Имуци убо в чреве и **близ рожества** суции, страхованми устрашися ношьных снов* (СРК: 42);

– начало: *Ошибки велики, но датировка **близ начала н. э.** бесспорна* (РТТ).

Наречный предлог *близ* может указывать на смену временных периодов, эпох: *таким образом, эти данные подтверждают, что расцвет гороскопной астрологии произошёл лишь **близ рубежа н.э.** в эллинистическом мире* (РТТ).

Предлог *близ* может указывать на возраст: *Не представлен был к награде, / Не был дед передовой. / И отмечу правды ради — / Не работал над собой. / Уклонялся. / И постольку / **Близ восьмидесяти лет** / Он не рос уже нисколько, / Укорачивался дед* (ПК: 15).

Немногочисленна группа сочетаний *близ* с существительными, обозначающими эмоциональное состояние человека:

– страдание: *непщую сего быти и къ **страданію близъ**, отъ рукобіенія бо отча, глаголють нѣцыи, животь ему угасе, за еже отцеви въ земныхъ неподобство нѣкое удержати хотя* (СРК: 36);

– несчастье: *Безответственным напоминая / об ответственности, о суде, / бога или же мать поминая, / шла колонна, / трусов сминая, / **близ несчастья**, / вдоль по беде* (ПК: 13);

– счастье: *Что же ты петь перестала?” / — Что же и петь **близ счастья?** / Песни сами играют, / Жизнь да Смерть закликают* (ПК: 3);

– напасть: *Они, однако, веселятся, / Как видят **близ мою напасть**; / И на меня согласно злятся, / Готовя ров, где мне упасть* (ПК: 7);

– горе: *Не верь морю, а верь кораблю <...> **Близ моря – близ горя*** (РТТ);

– гордость: **Близ гордости** российской земли – рек Ока и Нара – находится Воздвиженское, «посёлок под сенью лесной» в районе города Серпухова (РТТ).

Временная семантика характерна для сочетаний *близ* с названиями праздников: осенью 1993-го года был проведен первый в граде Обнинске языческий обряд, пришедшийся **близ праздника «Осенние Деды»** (31 октября – 1 ноября) (РТТ);

– Рождество: По приезде нашем в Петербург, мы остановились на квартире на Песках, **близ Рождества**, у кофишенка Щербаева (ОК: 13); В самый канун войны Крайнов написал мне из другого полушария, что надеется погостить в Москве **близ рождества** (ОК: 132);

– Новый год: **Близ нового года** пришло известие о болезни отца (РТТ);

– Покров день: Дело **близ Покрова** было. Об эту пору ночи бывают темные (ОК: 53);

– День Ивана Купалы: Но свои силы эта трава хранит очень недолго. Собрав ее **близ дня Ивана Купалы** (когда она созревает), вы сможете ею полноценно пользоваться не больше одного лунного месяца (РТТ);

– День Скипера Змея (праздник древних славян): Навь особенно сильна и потому на Руси в эти дни ждали вражеских нашествий. В истории есть тому подтверждения: Отечественная война 1812 года (19 июня), и Великая Отечественная война 1941 года (22 июня) начались **близ дня Скипера-Змея** (РТТ);

– День народного единства: Вот такие надписи появились на недавно возведенной новой ограде стрельбища в Сосновском лесопарке. Произошло это где-то **близ дня народного единства** (точнее определить не могу, поскольку бываю в парке отнюдь не каждый день) (РТТ);

– День Каталонии: Негласное правило в LFP – **близ Дня Каталонии «Барса»** должна играть только дома (РТТ).

Количественное значение *близ* актуализируется, во-первых, в сочетаниях с единицами измерения:

1) длины и ширины:

– миля: *Пехотной фронт первой шеренги не более, как ста три или четыре был, а в ряды длиною **близ мили** все не строим (ОК: 138);*

– фут: *Если бы положено было на нашем флоте малые румпели делать железные, для которых место в рудерписе будет гораздо меньше, и, спустя оное так низко, как палуба позволит, румпелю ходить свободно, голову руля можно будет опустить **близ фута** (ОК: 196);*

– верста: *По осмотрении оного показывали мне приход с моря, где верстах в 4 или 5 на малых островах зделаны 2 кастели, розстоянием между оными **близ версты**, и сказывали, что незнающему проход весьма труден позади оных крепостей (ОК: 186);*

– сажень: *Рѣка Шешма, отъ которой имѣетъ названіе оный пригородокъ, течетъ тутъ шириною **близъ десяти сажень**, и столько глубока, что барки одною, или двумя тысячьми пудовъ нагруженныхъ могутъ по ней свободно пройти до рѣки Камы, въ которую она устьемъ своимъ впадаетъ (ОК: 172);*

– аршин: *Но ежели он в вышину и в ширину будет **близ трех аршин**, то можно поставить приложенные стихи литерами длиною с четвертью, а шириною без четверти вершок, которые снизу свободно читать можно будет (ОК: 136);*

– вершок: *Между штуками, которые получил разрезаны, были некоторые толщиною в прорезе **близ 6 вершков** и толще, видом белы, в работе тверды так, как слонобая кость, особливо те, которые довольно высохли, понеже оные по вынятии из земли очень сыры, и ежели не бережно станешь сушить, то середина истрескается (ОК: 189);*

– сантиметр: *На гипсокартон наносим пену по концам и зигзагом по половине, ложим на пену по половине откоса кус утеплителя шириной **близ 20 см** и длиной на 10 см крохотнее откоса (РТТ);*

– километр: *по территории административного округа проложат Кожуховскую линию всеобщей протяженностью **близ 35 километров** (РТТ).*

2) объёма:

– ведро: *В минуту могли 5 или 6 бочак больших вылить. Оная бочка близ 25 ведр* (ОК: 187);

– литр: *Еще я не могу употреблять столько воды, у меня выходит близ литра жидкости полагая с кефиром и зеленым чаем в день* (РТТ);

– стакан: *Штурман пассажирского самолёта ТУ-134, дербалызнул перед рейсом близ стакана водки, что послужило причиной гибели самолёта и 47 человек на борту* (РТТ).

3) веса:

– грамм: *взимаем пакетик обычного нашего желатина и замачиваем его в 1/2 ст. воды на 40 минут. отдаленнее взимаем творог кремообразный (типа домика в деревне) или сливочный крем, или йогурт без добавок – близ 300 -400 г, добавляем в него желатин <...>* (РТТ);

– килограмм: *К слову, ради этой роли, дабы выглядеть на самом деле голодающим робинзонном, актеру пришлось сбросить близ 20 кг веса!!!* (РТТ);

– пуд: *Не помогли мы, как зашли те, красные? Близ тыщи пудов хлеба собрали, внесли. — Чо говорить!* (ОК: 38);

– тонна: *Уже до гроба года бражка Jordan French Uranium Mining Сотрапу обещаете найти близ 20 000 тонн урановой руды, катает РИА «Новости»* (РТТ);

– фунт: *Зло, производящее отъ излишняго употреблеия хлѣба послѣ претерпѣннаго голода, изпыталь я самъ собою: ибо пригѣхавъ въ крѣпость съгълъ я близъ фунта хлѣба, принесеннаго намъ нашимъ хозяиномъ, отъ чего тотъ самый часъ почувствовалъ я болѣзнь въ сердце моему* (ОК: 171).

4) уровня звука:

– децибел: *Конструкция заключается из медной базы, шести медных теплопроводных трубок, двух алюминиевых башен (никелированных) и охлаждается уже вышеупомянутыми 120 мм вентилятором NF-P12 PWM и 140 мм NF-P14 PWM со скоростью работы до 1300 об / мин (максимальный гул от них составляет близ 20 Дцб)* (РТТ);

5) мощности:

– ватт: *Самой лучшей силой кофемолки считается 180 Вт, но даже **близ 100 Вт** кофемолка абсолютно даровита преодолеть с особым назначением (РТТ);*

– мегаватт: *Установленная суммарная мощность таких трех производителей – **близ 300 мегаватт** (РТТ);*

– лошадиная сила: *мазерати Соуре снабдят четыре, 2-литровым движком V8 силой мощности **близ 420 л.с.** (РТТ).*

б) температуры:

– градус цельсия: *Как гетит, так и гидрогетит нестабильны к нагревам и **близ 300°C** переходят в гематит (РТТ).*

7) площади:

– гектар: *На торгах, какие должны миновать 9 ноября 2011 года, планируется разыграть **близ 100 гектаров** подмосковных лесов (РТТ).*

8) скорости:

– километр в час: *Ездить и стрелять на скоростях **близ 300 км\ч** по гароду (!) такое даже в комиксах нечасто встретишь (РТТ);*

– оборот в минуту: *Новый спортбайк MV Agusta оснащен обновленным двигателем, кто развивает мощность 198 л.с. **близ 13 400 об/мин.** (РТТ);*

9) яркости объекта: *близ максимума блеска (7 m) (РТТ).*

Наречный предлог *близ* сочетается с денежными единицами:

– рубль: *а денег сверх положенного на все того дома расходы, монастырским приказом числа **близ тысячи рублей** в год в сборе значилось (ОК: 225);*

– доллар (баксы): *При средней цене новостроек в 6 тысяч долларов <...> от торговли 3-3,5 млн. кв. м стройкомплекс получал **близ 20 млрд. долларов** в год (РТТ); Предполагаемая цена базисной версии - **близ 100 тыщ баксов** (РТТ);*

– евро: *Бак – 14 литров. <...> Базовая стоимость – **близ 20 тысяч евро** (РТТ);*

– гривна: *Так, <...> блузку дозволено найти всего за 50 грн. (в столице — близ 300 грн.)* (РТТ);

– швейцарский франк: *Общий объем ответственности, принятой на себя «Ингосстрахом» на следующей фазе, составляет близ 35 млн швейцарских франков* (РТТ).

Квантитативное значение характерно для сочетаний *близ* с числительными при указании на количество лиц или предметов: *бысть пожаръ великъ въ Кіевъ, яко погорѣвшу ему мало не всему, по два дни, и по Подолію погорѣ, яко церквей единыхъ изгорѣ близь 7 сотъ* (СРК: 58); *и яко же прежде пожгоша град, и приступиша ко граду апрѣля в 9 день, и не успѣша ничто же граду, но Фряг избиша близ ста муж* (СРК: 6).

Кроме того, это же значение актуализируется в сочетаниях *близ* с абстрактными счётными единицами:

– десяток: *невзирая на то, что рассмотрел данный кинофильм уже близ десятка раз он и по сей подень не кажется мне скучным* (РТТ);

– сотня: *существует близ сотни гипотез, с помощью коих люд пытаются объяснить загадочный феномен Бермудского треугольника* (РТТ).

Форма *близ* сочетается с существительными, обозначающими часть целого:

– половина: *прежде нежели объявлю о семъ моемъ переводѣ, надлежитъ моихъ читателей увѣдомить что самая сія книга была переведена уже въ 1747 году за данную отъ Адмиралтейской Коллегіи плату, для которья и чертежи противъ подлинника въ проспектъ вырезываніемъ были начаты, и изъ нихъ уже близь половины было окончано* (ОК: 51);

– четверть: *В III квартале 2011 года объем выпуска планшетов под его брендом добился 11,1 млн устройств, что составило близ трех четвертей всех поставок планшетов* (РТТ);

– треть: *<...> близ трети из 123 щитов на проспекте Ушакова, в самом центре Херсона, установлены на различных коммуникациях, что недопустимо* (РТТ);

– процент: *В торговле осталось итого несколько квартир знатный площади. близ 20 % квартир в ЖК «Ильинский» обретенны москвичами. образцово 30% покупателей воспользовались ипотекой (РТТ);*

– точка: *С 28 на 29 число сентября был первый мороз по термометру близ точки замерзания (ОК: 109); Алексей есть тот же Александр, но близ точки плавления (ОК: 210);*

– отметка: *Чиновник считает, что цены стабилизируются близ отметки в 90 долларов за баррель (ГК: 1);*

– уровень: *В 2006 - 2007 годах рост курсовой стоимости акций «Ростелекома» ускорился, и начало 2008 года они встретили близ уровня 300 рублей за акцию (РТТ);*

– число: *Поворотный пункт кривой находится обыкновенно близ числа 5 на оси абсцисс (ОК: 126);*

– предел: *Если даже топливо дает температуру, только на несколько градусов превышающую желаемую температуру, то расход топлива будет громадный, потому что передача тепла близ предела возможности совершается очень медленно, так как разность мала, а передача пропорциональна ей (ОК: 142);*

Заслуживают внимания сочетания *близ* с религиозной лексикой. Несмотря на то, что качественно нового непространственного значения в данном случае не возникает, такое употребление всё же является исходно синкретичным, сочетающим в себе семы ‘пространство’ и ‘принадлежность к религиозной вере’:

– Бог, Господь: *Я умру в восхищенье, что Богово имя, / Сопричастное самому раннему детству, / Стало днями моими и снами моими, / И близ Бога сияла звезда по соседству (ПК: 1);*

– Царица небесная: *Ее душа в Царствии Небесном и близ Святой Троицы у Престола Божия, она близ Царицы Небесной со святыми девами предстоит (РТТ);*

– рай: *Цари эти — Адамовы внуци, близ рая живущи (ОК: 108);*

– ад: *Тогда они, бывшие перед тем в поругании и находившиеся близ ада или лучше нисходившие в ад, вместо горькой и плачевной смерти учредили пиришество спасения и, полные радости, разделили для возлежания место, приготовленное им на погибель и могилу* (РТТ);

– эдем: *Одна из пяти роц, уцелевших близ Эдема, еще и донныне почитается священной* (РТТ).

В эту же группу отнесём сочетания *близ* с абстрактными понятиями:

– справедливость: *Все сие неколико было близ справедливости* (ОК: 188);

– правда: *Всегда и сплошь / **Близ правды** — ком измен / И ложь* (ПК: 11);

– невинность: ***Близ невинности** несчастной / Ты невидимо пари; / Над заслугою изгнанной / Луч отрадный распрости!* (ПК: 10);

– красота: *С утра до вечера Генлей перелетает / От Пинда к Пафосу, как ветренный Зефир; / Но хладен **близ красот**, но глух к согласью лир* (ПК: 4);

– власть: *С появлением тайного общества люди, стоявшие **близ власти**, могли составлять заговор для замены монархии как формы правления, через контроль Временного Правительства, сменившего Царя после его отречения* (РТТ);

– свобода: *Россия **близ золотой свободы**, / И вами ли попрется вновь?* (ПК: 16);

– опасность: *Мы будем стоять вне опасности, это правда, но **близ опасности**, близ театра войны* (ОК: 6);

– повод: *Человек, находящийся **близ повода ко греху**, подобен стоящему у края глубокой ямы, и враг удобно ввергает его в нее, когда только захочет* (ОК: 84).

Кроме этого, можно обнаружить сочетания *близ* с конкретными существительными в переносном значении:

– омут: *При море жизненном ты ходишь / **Близ омутов страстей, измен** / И в незнакомый мир возводишь / Сердца, уловленные в плен* (ПК: 12);

– фронт: *Она отметила, что в выходные столица будет находиться **близ малоактивного атмосферного фронта** (‘под влиянием’)* (ГК: 2).

Модальное значение *близ* характерно для устаревшего устойчивого сочетания *близ речи* в знач. ‘можно сказать’, зафиксированного в словаре русского языка XI – XVII вв. [СлРЯ XI-XVII вв. 1], а также в старорусском корпусе НКРЯ: *отомъ отъ благородныхъ и великихъ самѣхъ земледержцовъ нашихъ и правителей, нынѣ же близъ речи и кривителей, и не о томъ днесъ слово, иже впредь узрите* (СРК: 59).

Семантика подобия, похожести актуализируется в единичных контекстах, например: *А еже писалъ еси, что бутто тѣхъ предстатели прегордые царства разоряли и подручны намъ ихъ во всемъ сотворили, у нихъже прежде в работе были праотцы ваши, - се убо разумно есть, еже едино царство Казанское; от Дажитархани же, неже близъ вашихъ мысли было, не точию дѣло бранно* (СРК: 35).

Значения *близ* представим в виде схемы (рис. 3.4):

Рисунок 3.4 – Значения наречного предлога *близ*

3.2 Корпусный анализ употребления наречных предлогов *вокруг, около, близ*

При изложении материала в завершающей части диссертации мы будем придерживаться следующего плана. Прежде всего представим краткий обзор исследований, в которых к языковому материалу применялись точные методы. Затем опишем авторскую методику, углубляющую и уточняющую представления о структурно-семантическом анализе и подтверждающую его результаты. Это уточнение сводится к следующему. Толковые словари,

призванные фиксировать лексическое значение языковой единицы, отражают результат: *качественное* изменение, переход от исходного значения *A* к производному *B*. Шкала переходности В.В. Бабайцевой также отражает именно *качественные* изменения в синхронно-диахронном срезе. Теоретические подходы М.В. Всеволодовой и Е.Н. Виноградовой, безусловно, развивают методологию, предложенную В.В. Бабайцевой, уточняя полевую структуру предлогов и предложных единиц, но никак не затрагивают количественную сторону вопроса.

Следовательно, изменения частотности употребления в толковых словарях и грамматиках почти никак не отражаются. Без количественного описания семантических сдвигов лингвист-теоретик, конечно, может делать определённые выводы о соответствующих изменениях семантической структуры, однако в таком случае его прогнозы в какой-то степени оказываются интуитивными. Возникает закономерный вопрос: как уменьшить роль субъективного фактора в филологических / лингвистических исследованиях? Полностью убрать этот фактор, конечно, не получится, поскольку язык – живой механизм, и вряд ли когда-нибудь мы сможем описать соотношение компонентов значения или частей речи у синкретичной единицы, пользуясь исключительно языком цифр. Ирреальность подобного описания обусловлена ещё и тем, что оно должно учитывать не только все существующие употребления языковой единицы во всех существующих письменных и устных источниках, но и все её гипотетические, потенциальные употребления. В таком случае использование методики количественного описания в исследованиях языка может дополнить и уточнить традиционные методы.

3.2.1 Квантитативные методы в лингвистике: обзор исследований

Далее представим обзор исследований, в которых количественные методы применялись к естественному языку.

Синтез статистических и филологических методов остаётся актуальной задачей: лингвистика понимается как точная наука, что сближает её с математикой. Как отмечают авторы рецензии на монографию Э. Кели «История применения квантитативных (количественных) методов в русском языковедении и литературоведении», использование квантитативных методов характерно уже для филологической науки XIX в. Правда, в это время исследователи ограничивались лишь «простейшими методами частотно-статистического анализа» [Толпина и др. 2010: 134]. Анализировалась частотность употребления гласных и согласных букв. Кроме того, были заложены основы методики квантитативного анализа стиха. В начале XX в. математик А.А. Марков применил методику теории вероятностей к языку и провел эксперимент с текстом романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [Марков 1913]. Его исследование заключалось в определении оценок вероятностей появления в тексте гласных и согласных букв и буквосочетаний. Преобразовав исходный текст в сплошную последовательность символов без пробелов, кавычек, ь и ъ, а также без букв латинского алфавита и выделив начальную последовательность длиной 20000 символов, А.А. Марков определил вероятность появления гласных и согласных букв и их сочетаний. А.А. Марков разработал собственную модель (т.н. *цепь Маркова*), которая позволяет лингвистам определять авторство текстов на основе анализа вероятности сочетаемости словоформ в заданной последовательности. Отметим между строк, что эта модель использовалась при создании алгоритма PageRank системы Google – алгоритма ссылочного ранжирования, позволяющего оценить «важность» и «авторитетность» текстового источника в сети Интернет на основании количества ссылок и гиперссылок на данный источник. Этот алгоритм применяется во многих существующих сегодня поисковых системах.

Несмотря на живой интерес учёных к вопросу возможности применения формальных методов к естественному языку, на осознание необходимости применения «количественного», «математического» мышления (термин

И.А. Бодуэна де Куртенэ), подобные работы стали массовыми лишь к концу 1950-х гг. XX в. Массовость и всплеск интереса, по видимому, объясняются тем, что к этому времени достаточно продвинулись вперёд такие научные дисциплины, как алгебра, теория алгоритмов, теория автоматов и математическая логика: оформился необходимый методологический аппарат анализа. Н. Хомский создаёт *теорию формальных грамматик* – центральный раздел математической лингвистики (см. об этом, в частности, [Хомский, Миллер 2003]). Кроме этого, возрастает интерес к проблемам теории информации, машинного перевода, к исследованию языка и речи при помощи ЭВМ. В этот период организуются многочисленные конференции, создаются проекты на стыке лингвистики и технических наук. Статистические методы находят свое применение на всех основных уровнях языковой системы (анализируется частотность звуков, фонем, звукосочетаний, частей речи, падежных показателей, создаются словари частотности).

В 1960-х гг. выходят сборники под редакцией Р.Г. Пиотровского «Статистика речи». Исследовательская группа работает по трём основным направлениям. Скажем несколько слов о каждом из них.

Первое направление связано с выявлением и описанием кодовых свойств языка. Для выполнения этой цели предлагаются экспериментально-статистические методы вычисления энтропии (т.е. неопределённости) языка. Смысл экспериментов состоит в том, что испытуемым, говорящим на языке L , даётся незнакомый текст на этом же языке L и предлагается последовательно отгадывать отсутствующие буквы этого текста. На основании полученных данных вычисляются верхняя и нижняя границы энтропии букв. В результате становится возможным дать количественную оценку лингвистическому понятию «контекстные связи». Показано, что существуют различные статистико-лингвистические ограничения, которые накладываются на синтагматику языка. Иными словами, контекст может способствовать устранению энтропии.

Второе направление связано с определением статистических характеристик лексики, фразеологии, грамматики, фонемно-графемного уровня. Статистическую модель лексики, например, предлагается создать при помощи частотных списков слов, составленных на основе текстов, объединённых тематически. Данные списки анализируются как при помощи методов языкознания, так и при помощи методов математики. Ставятся вопросы о том, каким образом можно выявить количественную меру эффективности и достоверности частотных словарей? Какие статистические закономерности стоят за употреблением лексических единиц? Для ответа на них необходимо построение вероятностной модели, рассматривающий текст как случайный процесс, а единицы текста – как случайные события.

Наконец, в рамках третьего направления разрабатываются системы автоматического анализа текста с использованием ЭВМ. Лексико-статистический анализ текста предполагает решение двух задач. Первая предполагает поиск и упорядочение по частоте и алфавиту словоформ и комбинаций словоформ. Вторая состоит в том, чтобы выявить общие информационные закономерности текста (например, соответствие распределения закону Ципфа¹⁴).

Статистические исследования проводятся на материале научно-технической, публицистической и разговорной речи (см. подробнее [Статистика речи 1968]). На основе полученных информационно-статистических описаний речи оказывается возможным создание работающих программ по автоматическому анализу и синтезу научно-технических, публицистических и разговорных текстов по основным европейским языкам.

По всей вероятности, начиная с 1970-х гг. XX в. интерес лингвистов к разработке собственно статистических методов начинает падать: лингвостатистика уходит на периферию языкознания. Отметим для полноты картины и тот факт, что некоторые учёные скептически и с недоверием

---

¹⁴ Закон, утверждающий, что частотность употребления слова в тексте обратно пропорциональна его рангу в ранжированном списке слов данного текста

относятся к применению статистических и (шире) математических методов, к тому, чтобы таким способом *поверить алгеброй гармонию*. Как отмечают А.В. Гладкий и И.А. Мельчук, «целый ряд лингвистов находит, что «математическая лингвистика» есть *contradictio in adjecto*, что язык и математика несовместимы и ничего общего между собой не имеют, что попытки внедрить математику в лингвистику ведут к дегуманизации последней и тем самым к ее гибели как самостоятельной науки» [Гладкий, Мельчук 1969: 8 – 9].

Стремительное развитие технологий, создание и совершенствование компьютерных систем в первые два десятилетия XXI в. – всё это привело к тому, что появились новые направления лингвистической науки – корпусная лингвистика, машинный перевод, компьютерная лексикография, автоматическое распознавание речи, синтез речи и др. Проблема взаимодействия человека и искусственного интеллекта сегодня является одной из центральных в компьютерной лингвистике¹⁵. Необходимость имплицитной и эксплицитной интеграции формальных методов описания в лингвистическую науку можно считать своеобразным требованием времени.

3.2.2 Применение числовых методов при описании семантических изменений наречных предлогов *вокруг, около, близ* в диахронии

Перейдём теперь к статистическому анализу, который позволит нам описать динамику изменения соотношения пространственного и непространственных смыслов рассматриваемых наречных предлогов, т.е. процесс количественного увеличения метафорических употреблений наречных предлогов в диахронии.

Использование числовых методов для подтверждения высказанных теоретических предположений строится на возможностях использования количественных показателей в качестве характеристик изучаемого явления,

---

¹⁵ См. статьи в сборниках по материалам ежегодной конференции «Диалог» на сайте <https://www.dialog-21.ru/>

которые при их сравнении позволяют дать оценку происходящим языковым изменениям. Подтверждение или опровержение в большинстве таких исследований построено на изучении материалов массовых явлений с применением методов статистических расчетов и критериев. В данном случае такими показателями, формально характеризующими объекты исследования, можно считать количество словоформ и предложений в источнике, а также их производную – среднюю длину предложения (в словоформах).

Основная цель представленного ниже этапа исследования заключается в применении статистических методов для решения задач по доказательству ранее сформулированной гипотезы об изменении значений наречных предлогов в направлении от пространственного употребления к непространственному.

Под источником далее мы будем понимать связный письменный текст любого объёма, написанный одним или несколькими авторами. Источник, таким образом, обладает базовым свойством – когерентностью, понятийно-смысловой целостностью. Такое широкое понимание позволяет рассматривать всякий отдельно взятый источник в корпусе как отдельную самостоятельную единицу, пригодную для статистического учёта, анализа и обработки.

3.2.3 Общая характеристика Национального корпуса русского языка

Общий объем текстовых источников старорусского и основного корпусов НКРЯ составляет почти 93 тыс. ед¹⁶.

Общая характеристика ресурсов НКРЯ в целом и по отдельным периодам представлена в табл. 3.1

Таблица 3.1 – Характеристика текстовых источников НКРЯ

Параметр	Всего	в т.ч. по периодам					
		XIV - XV в.	XVI - XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в. (1 пол.)	XX в. (2 пол.)

¹⁶ на 01.01.2022

Количество источников в корпусе	92188	1316	5034	2201	7043	56210	20383
Доля в общем количестве, %	100	1.4	5.5	2.4	7.6	61.0	22.1
Общее количество словоформ, тыс. ед	262695	1225	7083	6042	73065	84621	90929
Общее количество предложений (тыс. ед)	19549.4	54.7	295.1	316.4	5368.4	11892.6 ¹⁷	8225.5
Приходится на один источник:							
словоформ	3929.5	931.2	1407.0	2745.3	10374.1	1505.4	4461.0
предложений	320.6	41.5	58.6	143.8	762.2	211.6	403.5
Средняя длина предложения (словоформ)	12.3	22.4	24.0	19.1	13.6	7.1	11.1
Количество вхождений наречных предлогов - всего	144271	632	2830	3104	41364	52814	43527
в т.ч.							
<i>вокруг</i>	48660	29	200	266	8498	16631	23036
<i>около</i>	83962	337	1890	2010	28581	32136	19008
<i>близ</i>	11649	266	740	828	4285	4047	1483
Приходится вхождений на 10 тыс. словоформ - всего	5,49	5,16	4,00	5,14	5,66	6,24	4,79
в т.ч.							
<i>вокруг</i>	1,85	0,24	0,28	0,44	1,16	1,97	2,53
<i>около</i>	3,2	2,75	2,67	3,33	3,91	3,80	2,09
<i>близ</i>	0,44	2,17	1,04	1,37	0,59	0,48	0,16

Как видно из данных таблицы, распределение текстовых ресурсов по периодам в корпусе неравномерно. Наименьшее количество приходится на XIV – XV вв. (1.4%), наибольшее – на XX в. (83.1%). По этой причине для более равномерного представления текстовых ресурсов во временной последовательности совокупность источников XX в. была поделена на два периода, 1-ую и 2-ую половины XX в. Также отметим рост общего объема словоформ по периодам, в основном связанный с увеличением размера текста,

¹⁷ рассчитано исходя из 25 тыс. доступных для обработки источников

приходящегося на один источник (если для корпуса XIV – XV в. этот показатель составляет менее 1 тыс. словоформ, то для корпуса XIX в. более 10 тыс. словоформ). В целом же объем словоформ, представленный в корпусе XIV – XV вв., составляет 1,2 млн., а в корпусе 2-ой половины XX в. – 90,9 млн. ед. Параллельно этому растёт общее количество предложений в источниках (с 41,5 в источниках XIV – XV вв. до 762,2 в источниках XIX в.). Напротив, средняя длина предложения на протяжении всех рассматриваемых периодов сокращается более чем в два раза – с 24 словоформ на предложение до 7.1 (1-я пол. XX в.).

Как видно, в целом ресурсы НКРЯ представляют хорошо выстроенную структурированную систему текстовых источников, позволяющую проводить отбор совокупностей для их исследования, в том числе и с применением статистических методов при изучении динамических процессов в русском языке.

Несомненно, что для более полного и всестороннего изучения процесса изменения семантики наречных предлогов *вокруг*, *около*, *близ* следовало бы просмотреть весь корпус и охарактеризовать каждый отдельный контекст. Однако имеющиеся программные ограничения не позволили провести эту работу. Например, главные ограничения при работе с корпусом, заложенные в интерфейс программы, связаны с указанием исходных параметров поиска и с формой вывода выходных результатов. Так, по запросу система выбирает из корпуса для представления не более 5 тыс. источников, доступных для просмотра и анализа, из-за чего получить техническую характеристику для выборочной совокупности, превышающей указанный размер, становится невозможным. В этой связи технические характеристики (количество предложений и словоформ) выборочных совокупностей 1 пол. и 2 пол. XX в. по запросу с наречными предлогами *вокруг*, *около*, *близ* были рассчитаны исходя из 5 тыс. доступных источников. Второе важное ограничение максимального использования ресурсов НКРЯ состоит в том, что выдача результатов запроса происходит в текстовом формате списка источников и

контекстов, который сложно анализировать большинством существующих стандартных программ (Excel, STATISTICA, Access) без предварительной трудоемкой обработки, связанной с форматированием.

Прежде чем приступить к описанию процедуры формирования ВС, нужно отметить еще один момент. Количество употреблений наречных предлогов для всей генеральной совокупности незначительно и частотность употребления интересующих нас наречных предлогов в источниках также очень низкая. Средняя частота их использования в источниках в зависимости от периода составляет от 4 до 6,24 единиц на 10 тыс. словоформ. По отдельным предлогам этот показатель еще меньше. Например, для предлога *вокруг* средняя частота в период XIV – XV вв. составляет 0,24 вхождения на 10 тыс. словоформ; в XVI – XVII вв. – 0,28 вхождений, в XVIII в. – 0,44 вхождения; в XIX в. – 1,16, а максимальное значение отмечается во 2 пол. XX в. – 2,53 вхождения на 10 тыс. словоформ. Об относительном количестве вхождений других наречных предлогов можно судить как по данным табл. 3.1, так и по графику, представленному на рис. 3.5

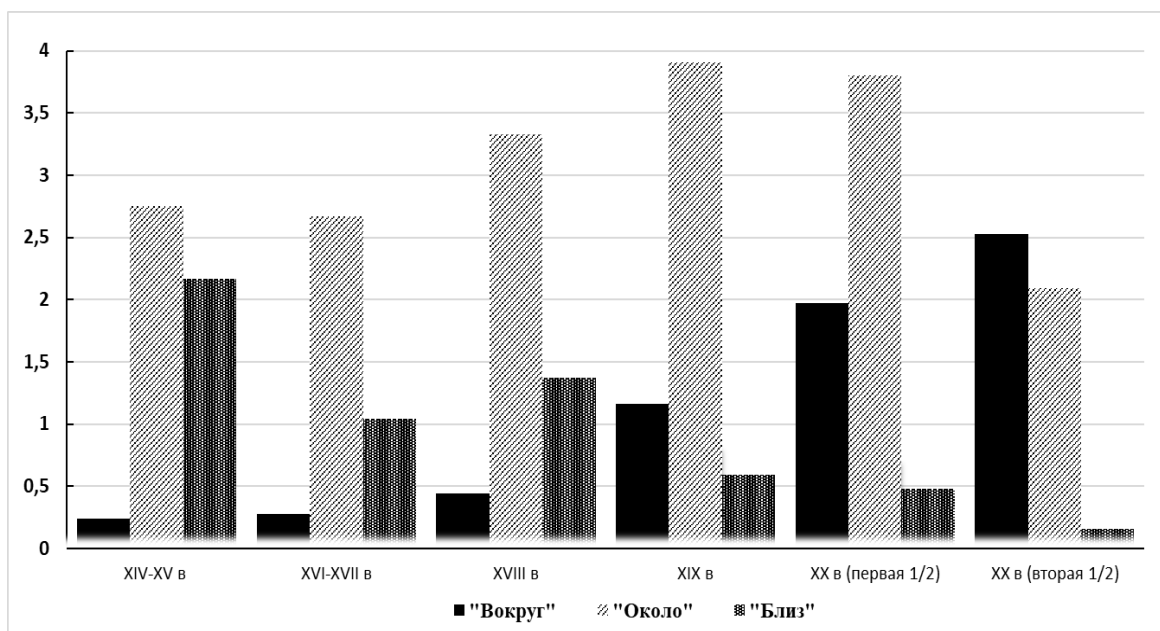

Рисунок 3.5 – Количество вхождений наречных предлогов *вокруг, около близ*, приходящихся на 10 тыс. словоформ по периодам

Данные графика показывают, что частотность употребления наречных предлогов составляет очень малую величину, которую сложно сопоставлять в

отношении ко всему исходному объему НКРЯ. Следовательно, проецировать полученные выводы на всю генеральную совокупность было бы не совсем верным подходом в распространении полученных закономерностей. Для того чтобы решить эту проблему, было принято решение сформировать кластер из источников по каждому периоду, включающий только те тексты, в которых употребляются наречные предлоги. Это позволит сократить количество источников, не имеющих отношения к решению поставленной задачи, и тем самым более точно рассмотреть наблюдаемые изменения. Числовая характеристика параметров кластера НКРЯ, включающего источники с наречными предлогами *вокруг, около, близ*, представлена в табл. 3.2.

Таблица 3.2 – Характеристика выборочного кластера НКРЯ с наречными предлогами *вокруг, около, близ* по периодам

Параметр	Всего	в т.ч. по периодам					
		XIV - XV в.	XVI - XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в. (1 пол.)	XX в. (2 пол.)
Количество источников с наречными предлогами	24631	76	402	496	3558	11808	8291
Удельный вес источников с наречными предлогами от общего количества источников НКРЯ, %	26.7	5.8	8.0	22.5	50.5	21.0	40.7
Структура источников, в %	100	0.3	1.6	2.0	14.4	47.9	33.7
Приходится на один источник, имеющий наречные предлоги <i>вокруг, около, близ</i> :							
словоформ	11981	11214	11315	9181	19371	10115	10692
предложений	1016	506	508	471	1424	874	972
Средняя длина предложения (словоформ) для	12.4	22.2	22.3	19.5	13.6	11.6	11.0

источников с наречными предложениями <i>вокруг, около, близ</i>								
Количество вхождений наречных предлогов <i>вокруг, около, близ</i>	144271	632	2830	3104	41364	52814	43527	
Структура вхождений, в %	100	0,4	2,0	2,2	28,7	36,6	30,2	
Приходится наречных предлогов на один источник	8.8	8.3	7.0	6.3	11.6	10.6	8.7	
Количество источников, в которых употребляется наречный предлог								
<i>вокруг</i>	10774	15	81	93	1857	3913	4815	
<i>около</i>	17801	51	304	365	3072	8455	5554	
<i>близ</i>	4646	42	127	211	982	2537	747	
Количество вхождений:								
<i>вокруг</i>	48660	29	200	266	8498	16631	23036	
<i>около</i>	83962	337	1890	2010	28581	32136	19008	
<i>близ</i>	11649	266	740	828	4285	4047	1483	
Приходится вхождений на один источник:								
<i>вокруг</i>	4.52	1.93	2.47	2.86	4.58	4.25	4.78	
<i>около</i>	4.72	6.61	6.22	5.51	9.30	3.80	3.42	
<i>близ</i>	2.51	6.33	5.83	3.92	4.36	1.60	1.99	
Приходится вхождений наречных предлогов на 10 тыс. словоформ	7,9	7,4	6,2	6,8	6,0	10,4	8,1	

Как видно из данных таблицы, суммарное количество источников, включающих наречные предлоги *вокруг, около* и *близ*, насчитывает 24,6 тыс. ед., что в общем объеме ресурсов НКРЯ составляет 26,7%. Однако их распределение в указанных временных границах сильно разнится. Минимальная доля приходится на период XIV – XV вв. – 5,8%, а максимальная – на XIX в. – 50,5%; в первой половине XX в. она снижается до 21%, а во

второй – увеличивается до 40,7%, что убедительно показывает наличие существенной разницы использования наречных предлогов в текстах различных эпох. В целом же на источники XIX и XX вв. приходится 96% всех текстов с наречными предлогами от их общего количества, а остальные 4% – на более ранние периоды.

Теперь скажем о самих источниках, образующих кластер и отличающихся по времени создания. По среднему количеству словоформ (11981) и предложений (1016), приходящихся на один источник кластера, во всех выделенных группах они примерно равные. Исключения составляют только тексты XIX в., где средний объем источника достигает размера почти 20 тыс. словоформ и 1,4 тыс. предложений. Однако несмотря на имеющиеся различия, важно отметить одну закономерность, характеризующую изменение средней длины предложения во всех рассматриваемых периодах: постоянное и устойчивое сокращение ее среднего размера по числу словоформ. Так, если в XIV – XV вв. средняя длина предложения превышала 22 словоформы, то во 2-й половине XX в. она сократилась в 2 раза и составила 11 словоформ на предложение. Такая закономерность, скорее всего, связана с изменением стилистики построения предложений на протяжении почти шести веков.

Переходим к характеристике использования наречных предлогов в источниках по выделенным группам, входящим в общий кластер. Количественный характер распределения использования наречных предлогов по периодам показывает, что до XVIII в. включительно их доля незначительно различается от доли источников, в которых они употреблялись (структура источников и структура вхождений приблизительно равны). Иначе говоря, сохраняются единые пропорции их употребления. В XIX в. происходит значительный рост употребления наречных предлогов, в результате чего доля числа вхождений (28,7%) превосходит удельный вес источников в структуре (14,4%) в 2 раза. В XX в. идет некоторое сокращение относительного показателя использования наречных предлогов в источниках, причем во 2-ой половине количественные показатели вхождений наречных предлогов,

приходящихся на один источник (8,7), почти сравниваются с уровнем XIV – XV вв. (8,3). Полагаем, что все эти количественные показатели тесно связаны с качественными изменениями в грамматике и стилистике русского языка. Это хорошо характеризуют данные таблицы, в которых показана динамика использования отдельных видов наречных предлогов, входящих в общую группу. Так, например, среднее употребление предлога *вокруг* в XIV – XV вв. составляло менее 2 ед. на источник, а во 2-ой половине XX в. оно достигло почти 5 ед. И наоборот: в среднем употребление предлога *около* в XIV – XV вв. достигало величины 6,61 ед., а во 2-ой половине XX в. составило только 3,42 ед., сократившись в 1,9 раза. Аналогичная предлогу *около* тенденция наблюдается в использовании предлога *близ*: по нему произошло сокращение более чем в 3 раза.

Кластер, сформированный из источников, включающих формы *вокруг*, *около*, *близ*, при наличии возможностей их компьютерной обработки мог бы стать хорошей основой для проведения полноценного и глубокого анализа при решении поставленных задач в достижении обозначенной ранее цели. Однако вся сложность заключается в том, что существуют ограничения, не позволяющие автоматически на уровне запроса устанавливать многие лексико-грамматические параметры.

Невозможность объективной количественной оценки напрямую связана с проблемой снятия лексико-грамматической омонимии и полисемии в тексте, которая до настоящего времени сама полностью не решена в лингвистике. Иными словами, если в интерфейсе НКРЯ задать запрос по выбору источников, содержащих слово *вокруг* в связке со следующим непосредственно за ним абстрактным существительным (вид сформированного запроса в интерфейсе НКРЯ представлен на рис А.9 в приложении А¹⁸), то это не даст исследователю полной уверенности в том, что в выборку попадут только сочетания *вокруг* исключительно с непредметными

---

¹⁸ Здесь же представлены параметры и синтаксис необходимых запросов в интерфейсе старорусского и основного корпусов НКРЯ

именами существительными (например, *вокруг проблем, вокруг вопроса*). Сюда могут попасть и многие другие сочетания *вокруг* с конкретными существительными. Так, например, в приведённом ниже контексте *вокруг* сочетается со словом *окно*:

Наружность домов содержалась в необыкновенной чистоте; особенно вокруг окон бревна были не только вымыты, но и поскоблены (ОК: 130).

Слово *окно* – это многозначное существительное, имеющее, помимо прямого, метафорического, временное значение ‘ничем не занятое время, промежуток в цикле работ, в учебном расписании’ (*окно между лекциями*).

Поскольку в текстах с неснятой лексико-грамматической омонимией система учитывает все значения лексем, такие примеры также включаются в выборку и образуют «балласт». Наличие лишних контекстов в выборке по запросу сильно искажает общую картину употребления наречных предлогов, требуя при этом приложения дополнительных усилий по сортировке полученной совокупности.

Выходом из сложившейся ситуации становится создание выборочных совокупностей, позволяющих проводить статистический анализ с возможностью распространения полученных результатов на всю исходную совокупность.

3.2.4 Изучение динамики семантических изменений наречных предлогов на выборочных данных

Методика построения репрезентативной выборочной совокупности из источников, входящих в кластер, ограниченный наличием в них наречных предлогов, состояла из следующих шагов:

- 1) определение количества источников, образующих выборочную совокупность;
- 2) составление списков источников отдельно для каждого периода;
- 3) вычисление шага отбора источников из общего списка.

Так, например, было принято, что количество входящих в выборку источников должно быть не менее 30 единиц для обеспечения устойчивости

полученных результатов и количественной представительности при распространении на всю совокупность. Однако малые исходные совокупности XIV – XV вв., XVI – XVII вв. и XVIII в. при проведении предварительного исследования показали значительный разброс количества словоформ и предложений в источниках, что приводило к сильной асимметрии (скошенности выборки по показателю) в группе. Кроме этого, невозможно было построить табличный список с указанием параметров, для проведения отбора из источников XIX и XX вв. Фактически выбор происходил «втемную», что с одной стороны обеспечивало случайность (как того требует методика построения выборочных совокупностей), а с другой стороны возрастала неопределенность полученного среднего значения. В результате было решено увеличить объем выборки, чтобы уменьшить ошибки оцениваемых показателей и их соответствие значениям исходной совокупности. Например, для XIV – XV вв., в выборочную совокупность включались источники из составленного списка с шагом 2: первый и второй включались, третий пропускался; четвертый и пятый включались, шестой пропускался и т.д. Аналогичная процедура отбора источников для выборочной совокупности проводилась и по другим периодам, за исключением XX в., так как доступными были только 5 тыс. единиц для каждой из его половин. Обобщённые данные по выборочной совокупности представлены в табл. 3.3.

Таблица 3.3 – Характеристика выборочной совокупности из кластера источников с наречными предлогами

Параметр	Всего	в т.ч. по периодам					
		XIV - XV в.	XVI - XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в. (1 пол.)	XX в. (2 пол.)
Количество источников	293	50	56	34	58	40	55
Удельный вес в кластере источников с наречными предлогами, %	1,2	65,8	13,9	6,9	1,6	0,3	0,7

Количество предложений	282739	18045	33628	22826	103022	33355	71863
Количество словоформ	3881798	369178	783306	327944	1327044	394375	679951
Слов в предложении	13,7	20,5	23,3	14,4	12,9	11,8	9,5
Общее количество вхождений наречных предлогов <i>вокруг, около, близ</i>	2459	275	539	310	755	205	375
Приходится наречных предлогов на один источник	8,4	5,5	9,6	9,1	13,0	5,1	6,8
в пространственном значении							
<i>вокруг</i>	613	17	34	106	193	62	198
<i>около</i>	949	136	356	43	289	59	66
<i>близ</i>	456	117	132	77	108	6	16
в непространственных значениях							
<i>вокруг</i>	28	0	0	1	1	8	18
<i>около</i>	400	0	6	83	164	70	77
<i>близ</i>	16	5	11	0	0	0	0
Общее количество вхождений наречных предлогов на 10 тыс. словоформ	6,3	7,4	6,9	9,5	5,7	5,2	5,5

Общее количество источников, включенных в выборочную совокупность, равно 293, что составляет 1,2% от объёма кластера. По периодам группы в выборочной совокупности представлены несколькими разными объемами, что явилось следствием сложности проведения отбора в больших совокупностях. Сравнение средних показателей таких параметров, как количество словоформ в предложении, количество наречных предлогов, приходящихся на один источник, и общее количество вхождений наречных предлогов, приходящихся на 10 тыс. словоформ, показывает довольно близкие значения в группах выборочной совокупности (табл. 3.3) и исходного кластера их формирования (табл. 3.2). Иначе говоря, сравнивая параметры групп выборочной совокупности и кластера, можно говорить о репрезентативности первых как по группам, так и всей совокупности в целом. Распределение

источников по группам количества наречных предлогов представлено на гистограмме (рис. 3.6).

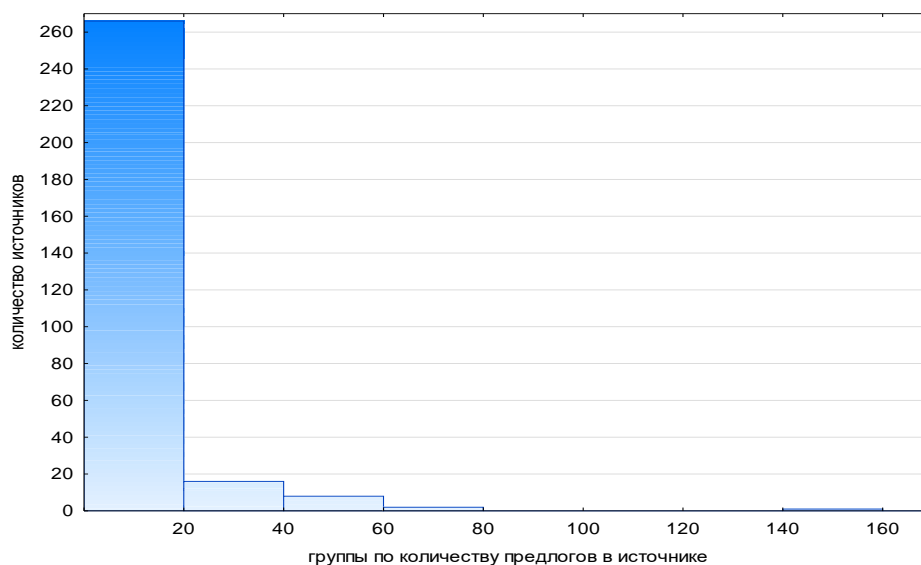

Рисунок 3.6 – Распределение источников по группам количества наречных предлогов в источнике

Представленный график распределения источников (см. рис. 3.6) показывает две основные особенности сформированной выборочной совокупности. Первая состоит в том, что большая часть источников входит в первую группу (причем как по количеству наречных предлогов в источнике, так и по количеству словоформ и предложений – см. аналогичные распределения на других графиках в приложении В). Вторая особенность – существует малое количество источников, которые в сформированной выборочной совокупности значительно превосходят все остальные и по количеству словоформ, и по количеству предложений, и по количеству наречных предлогов. Фактически во всех случаях наблюдается правосторонняя асимметрия в распределении источников выборочной совокупности. Для того чтобы избежать ее, чаще всего в статистике используются методы, снижающие размах варьирования изучаемого показателя – логарифмирование. Применение логарифмирования с основанием 10 существенно изменило вид распределения источников, сделав его более близким к нормальному. Вид полученного распределения

источников по десятичному логарифму количества наречных предлогов представлен на рис. 3.7 (остальные графики представлены в приложении В).

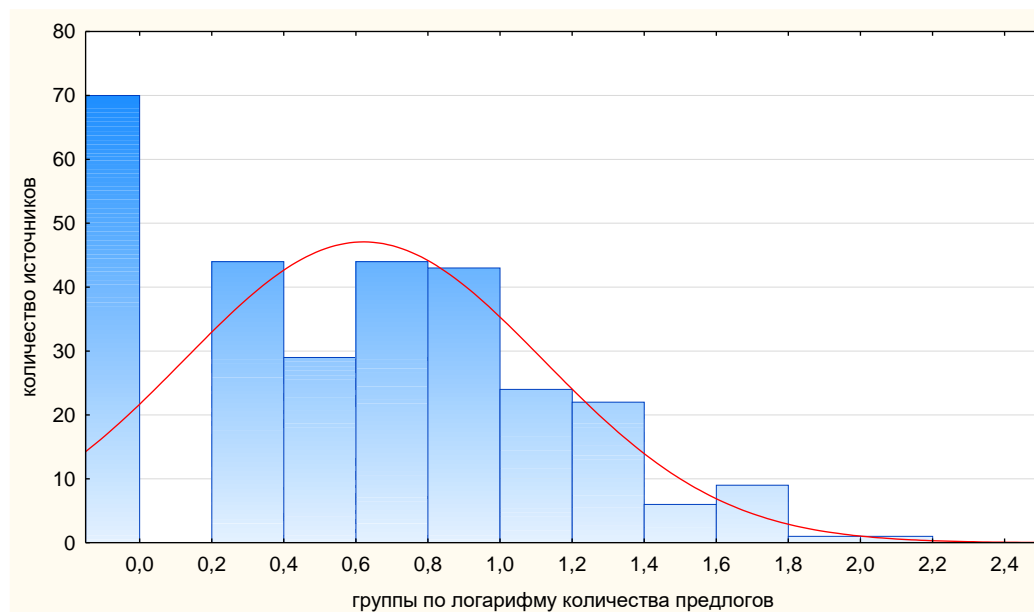

Рисунок 3.7 – Распределение источников по показателю логарифма количества наречных предлогов (сплошная линия – график нормальной кривой с теоретическими параметрами распределения)

Статистика тестов Колмогорова-Смирнова ($d = 0.1322$; $p < 0.01$) и Шапиро-Уилка ($W = 0.9329$; $p = 0.000^{19}$) показывает, что распределение источников по десятичному логарифму количества наречных предлогов является нормальным. Проверка гипотезы на равенство средних значений логарифмов количества наречных предлогов в выборочной совокупности и в кластере подтвердила принятие нулевой гипотезы ($z_{\text{расч}} = 0.588 < z_{\text{кр}}(0.95; 293) = 1.96$)²⁰.

Таким образом, можно сказать, что выборочная совокупность по своим количественным характеристикам является репрезентативной для сформированного кластера источников с наречными предлогами, и проведенные расчеты по выборочной совокупности в полной мере можно относить на весь кластер.

¹⁹ Представленные критерии рассчитаны для всей выборочной совокупности, без разделения на периоды; оцениваемый параметр – десятичный логарифм количества наречных предлогов

²⁰ Подробнее методика расчетов описана в Приложении Б

Перейдем теперь к оценке изменений использования наречных предлогов в текстах источников в различные временные периоды, выделенные нами ранее. Полученная в ходе изучения выборочной совокупности информация послужила проведению распределения типов употреблений наречных предлогов на две группы: пространственные и непространственные. Для каждого источника были рассчитаны показатели соотношения количества наречных предлогов к числу предложений и числу словоформ в источнике. Впоследствии была проведена группировка по каждому типу употребления наречных предлогов по периодам с расчетом основных статистических показателей: выборочного среднего и стандартной ошибки. Полученные результаты для наглядности показаны на графиках (рис. 3.8 и рис. 3.9).

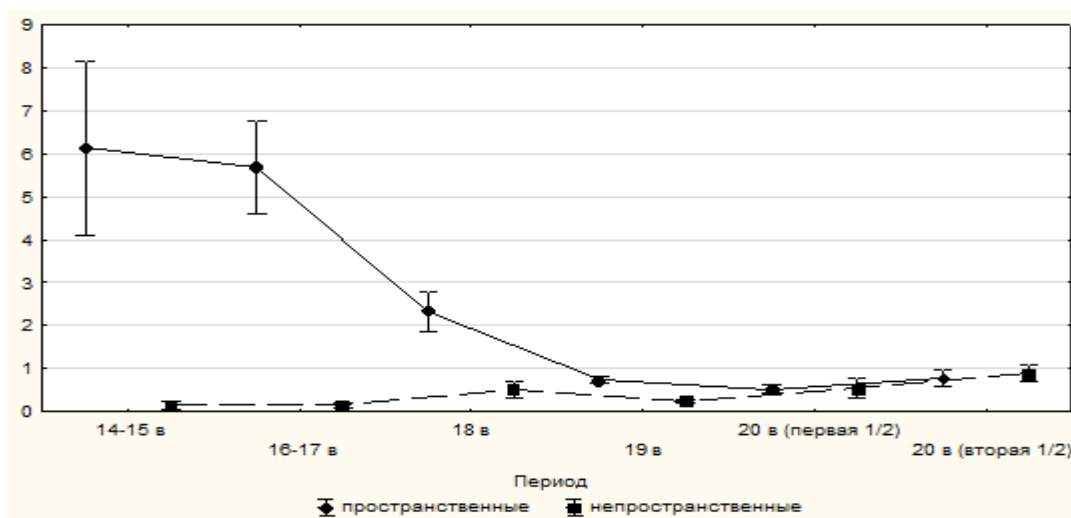

Рисунок 3.8 – Динамика изменения среднего значения использования наречных предлогов в текстах по группам периодов (количество наречных предлогов на 100 предложений) и размахом варьирования

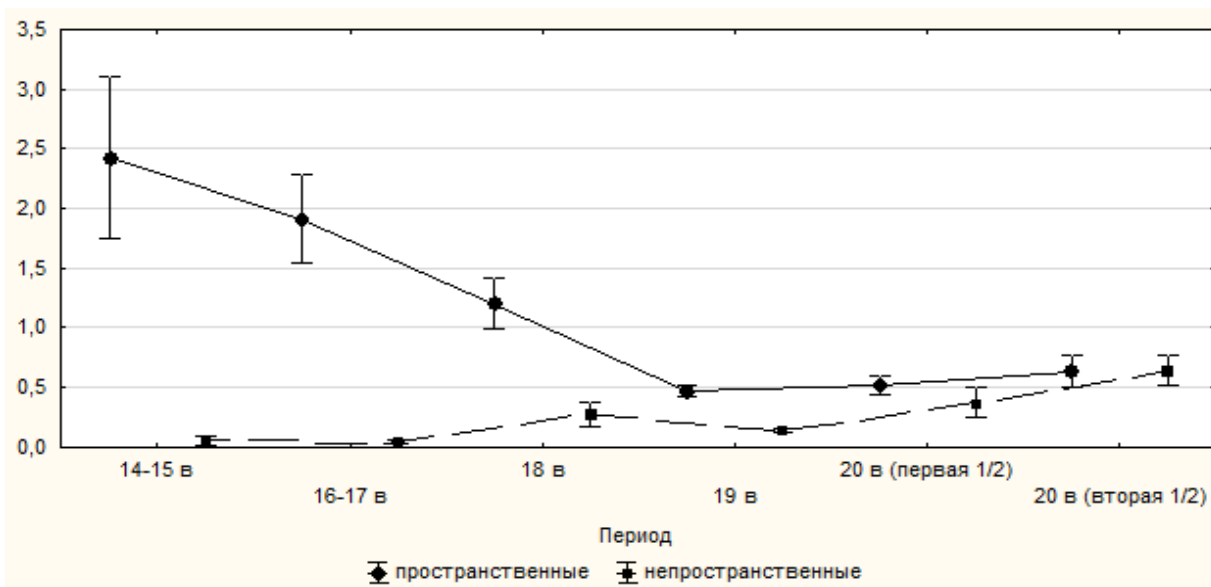

Рисунок 3.9 – Динамика изменения среднего значения использования наречных предлогов в текстах по группам периодов (количество наречных предлогов на 1 тыс. словоформ) и размахом варьирования

Представленная на графиках динамика изменения употребления наречных предлогов в пространственном и непространственных значениях в текстах источников характеризуется следующими явными тенденциями:

- 1) относительное количество употреблений наречных предлогов в пространственном значении в текстах сокращается;
- 2) стандартная ошибка относительно среднего показателя употребления наречных предлогов в обоих случаях сокращается. Так, если в источниках XIV – XV вв. среднее количество наречных предлогов в пространственном употреблении составляет 6 ед. на 100 предложений с размахом от 4 до 8 слов, то уже в XIX в. среднее значение составляет менее 1 употребления на 100 предложений и 0,5 употреблений на 1 тыс. словоформ, с очень незначительным размахом варьирования;
- 3) относительное употребление наречных предлогов в непространственных значениях обнаруживает тенденцию к количественному увеличению. При этом во второй половине XX в., в отличие от пространственного употребления наречных предлогов, непространственные

употребления наречных предлогов увеличивались как в случае отношения к количеству предложений, так и к количеству словоформ;

4) во второй половине XX в. показатели относительного употребления в источниках наречных предлогов в пространственном и непространственных значениях сравнивались.

Семантическое развитие предлогов *вокруг* и *около* подтверждает исходную статистическую гипотезу о постепенном количественном увеличении метафорических употреблений. У русских предлогов раньше имелся целый ряд непространственных значений, который в ходе исторической эволюции оказался утрачен. Это и значение ‘под начальством’ у предлога *около*, и идиома *близ реки* ‘можно сказать’. Парадокс состоит в том, что хотя непространственных контекстов сейчас столько же, сколько пространственных, самих непространственных значений раньше было больше, чем сейчас. Этот парадокс, с нашей точки зрения, нельзя считать контраргументом локалистской гипотезы: он лишь доказывает, что предлоги в ходе исторического развития могут снижать полисемию и употребительность. Иными словами, три рассмотренных в диссертации предлога следуют базовому принципу семантической эволюции (конкретное имя > абстрактное понятие). Однако частотность их употребления в разных непространственных смыслах различна. Вопрос в том, как соотносятся между собой появление / утрата значений и снижение / увеличение частотности употребления? Пример семантического развития предлога *близ* – славянизма, уходящего из языка – показывает, что изначально большое количество значений ещё не говорит о том, что эти значения в процессе развития языка закрепятся в узуальном употреблении. Утрата одних непространственных значений при сохранении и появлении прочих, с нашей точки зрения, может объясняться рядом факторов.

Во-первых, актуализацией одних стилей и уходом на периферию языковой системы других. К XX в. система церковнославянских стилей качественно трансформируется; они уходят на периферию системы; отсюда –

наблюдаемые количественные изменения, снижение употребительности предлога *близ* в непространственных значениях.

Во-вторых, индивидуально-авторскими предпочтениями. В этом отношении показательна деятельность отдельных авторов, последовательно употребляющих одни предлоги только в прямом, а другие – только в переносном значении. Например, такая закономерность отмечается в текстах Н.М. Карамзина: он употребляет предлог *около* только в абстрактных значениях, тогда как предлоги *вокруг* и *близ* употребляются исключительно для выражения пространственного смысла.

В-третьих, конкуренцией предлогов. Так, семантика относительности у предлога *вокруг* могла возникнуть по аналогии: в XX в. класс активно пополняется, возникают новые предлоги и предложные единицы с соответствующим синонимичным значением: *относительно (сведений)*, *касаемо (репертуара)*. Синонимичный предлог *около* в этом значении употребляется реже и проигрывает конкуренцию (в отличие от приставки *около-*, приносящей значение ‘не до конца принадлежащий к чему-н., лишь внешне относящийся к чему-н.’: *окололитературный*, *околонаучный*, *околофутбольный*).

Выводы по третьей главе

Итак, наречные предлоги *вокруг*, *около*, *близ* обладают набором пространственных и непространственных смыслов, зафиксированных в словарях и в корпусе. Статистический анализ позволил нам частично подтвердить исходную гипотезу, касающуюся увеличения количества метафорических употреблений наречных предлогов в диахронии. Это положение справедливо для предлогов *вокруг* и *около*, тогда как форма *близ*, по данным выборочной совокупности и словарей (исторических и современных) утрачивает абстрактные смыслы. Это может быть связано как со стилистическими изменениями (жанровыми предпочтениями авторов, более высоким рангом одних жанров по сравнению с другими, т.е. их иерархичностью в данную языковую эпоху), так и с отмеченной О.Н. Трубачёвым [ЭССЯ] частной особенностью наречного предлога *близ* – остаточным характером исходной праславянской формы **bliz*. Утрата непространственных значений, по-видимому, происходила неравномерно и зависела от типа текста. Так, наблюдения сводятся к тому, что непространственные значения наречного предлога *близ* в поэтических текстах сохраняются гораздо дольше – вплоть до XX в.

Непространственные смыслы, отмеченные для предлогов *вокруг* и *около*, появляются в разные периоды. Так, метафорические употребления формы *вокруг* появляются в текстах XVIII в., тогда как релятивное значение ещё более позднее – XIX в. (с последующим увеличением количества употреблений в XX в.). Из анализа данных выборочной совокупности следует, что взрывного количественного увеличения контекстов с этим значением нет. По-видимому, подобную особенность можно объяснить присутствием в русском языке более молодых синонимичных наречных предлогов *относительно*, *касательно*: так проявляется своеобразная «избирательность» языка. Предлог *около* уже в период существования древнерусского языка являлся многозначным, что подтверждается данными словарей. Исходя из этого установить корректную хронологию возникновения отдельных абстрактных смыслов можно лишь

условно. Выдвинутая гипотеза о возникновении количественного значения у формы *около* в текстах деловой письменности, конечно, должна быть проверена более тщательно с учётом анализа гораздо большего количества текстовых источников разных жанров. Утрата абстрактного субординативного значения при сохранении и количественном увеличении в диахронии прочих связана, по-видимому, с тем, что наречный предлог *около* здесь проигрывает конкуренцию другим формам.

Статистические методы проверки сформулированной гипотезы позволили нам наглядно показать динамику изменения соотношения двух типов употребления наречных предлогов *вокруг*, *около*, *близ*: пространственного и непространственного. При этом статистический анализ проводился с учётом большого количества корпусных ограничений. Тем не менее, в ходе исследования удалось сформировать репрезентативную выборочную совокупность и доказать её представительность относительно кластера (текстов НКРЯ с наречными предлогами *вокруг*, *около*, *близ*) при помощи верификации гипотезы о равенстве средних значений, а также доказать соответствие выборочной совокупности статистическому нормальному распределению при помощи формальных статистических критериев Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка. Предварительная общая характеристика корпуса позволила наглядно показать общие особенности источников корпуса, такие как увеличение объёма текстов и сокращение длины предложений в них, неравномерность распределения текстовых источников по периодам, общая низкая частотность употребления анализируемых наречных предлогов. Дальнейшее сужение области исследования привело к необходимости формирования кластера с наречными предлогами. Большая часть употреблений наречных предлогов, по данным кластера, приходится на источники XIX в. Формирование выборочной совокупности на основании выделенного кластера было вызвано необходимостью решения проблемы снятия лексико-грамматической омонимии, которая для НКРЯ остаётся актуальной. Проблема асимметрии,

связанная с неравномерностью распределения источников по основным параметрам (по количеству предложений, количеству словоформ и количеству наречных предлогов в источнике) привела к необходимости снижения размаха варьирования показателей при помощи логарифмирования.

Таким образом, исходная гипотеза подтверждается частично, а полученные в ходе исследования результаты в целом согласуются с положением о первичности пространственного значения в языке, что подтверждается данными толковых и этимологических словарей, а также семантико-статистическим анализом языковых единиц.

Заключение

Подведём итоги и обозначим перспективы дальнейшей работы.

В ходе исследования была описана семантическая эволюция наречных предлогов *вокруг*, *около*, *близ* с применением формальных статистических методов. Такое описание потребовало прежде всего общефилософского описания исходного теоретического тезиса – тезиса о первичности пространственной семантики языковых единиц. Эпистемологическое описание позволило увидеть изменения в понимании и научном объяснении локализма: если в Античности и Средневековье пространство воспринималось скорее с точки зрения своих объективных физических характеристик, и именно эта его сторона находила отражение в языковом сознании, то с развитием научного (лингвистического) знания появилось и другое, более абстрактное представление о пространстве.

Для применения точных статистических методов при описании семантических изменений наречных предлогов потребовалось дать количественное описание, во-первых, всего рассматриваемого корпуса (старорусского и основного), во-вторых, кластера источников с наречными предлогами *вокруг*, *около*, *близ* и наконец, в-третьих, совокупности выбранных для анализа источников.

В ходе исследования были подтверждены общие статистические закономерности, связанные, во-первых, с увеличением объёма текстовых источников с течением времени, во-вторых, с сокращением длины предложений в текстовых источниках. Эти закономерности связаны с изменениями стилистических норм и правил, с исчезновением одних жанров и проявлением других.

Поставленная гипотеза была подтверждена частично: для наречного предлога *близ* увеличения метафорических контекстов употребления не наблюдается. Однако вопрос о том, является ли утрата метафорических значений праславянской формы **bliz* типичной для других славянских языков остаётся открытым и должен решаться с применением корпусных данных

соответствующих языков. Предложенную методику статистического описания семантических изменений в диахронии можно использовать и при семантико-статистическом анализе других частей речи – самостоятельных, служебных и переходных классов. Она позволяет наглядно проследить динамические процессы в русском языке и вводит исследование в междисциплинарную плоскость. Инструменты статистической обработки данных дополняют и уточняют традиционные подходы лингвистического описания явлений переходности (шкалу переходности В.В. Бабайцевой [Бабайцева 2000]). Дополнение сводится к возможности более дробной визуализации шкалы. Например, исследуя семантический или грамматический сдвиг (переход) на материале нескольких репрезентативных выборочных совокупностей небольшого объёма, можно оценить изменение частотности употребления контекстов, в которых исследуемая единица обнаруживает синкретичные свойства (конечно, предварительно необходимо условиться о признаках, по которым контекст относится именно в данную группу).

Активный рост употребления предлогов наблюдается в текстовых источниках XVIII и особенно XIX в., что связано с актуализацией метафорических смыслов – временной, релятивной, количественной и др. абстрактной семантики. Актуализация связана с выбором формы выражения для нового содержания. В этом отношении показательна деятельность отдельных авторов (например, Н.М. Карамзина). Задача поиска и комплексного описания подобных частных закономерностей, связанных с авторскими предпочтениями при выборе той или иной формы наречного предлога для нового содержания, осталась за рамками исследования, но по-прежнему актуальна в связи с необходимостью изучения и описания языка и индивидуального стиля отдельно взятого автора (писателя). Её также можно было бы решить при помощи количественно-статистических методов при дальнейшем техническом совершенствовании НКРЯ.

Итак, для применения методов статистической обработки лингвистических корпусных данных необходимо совершенствовать корпусное программное обеспечение. Корректная обработка данных связана с решением проблемы лексико-грамматической омонимии, а также с совершенствованием интерфейса НКРЯ: например, с добавлением фильтров, позволяющих отбирать источники заданного объёма, с выводением числовых статических параметров для групповых и выборочных совокупностей: среднее значение, СКО, асимметрия, минимальное / максимальное значение и др.

Работа по совершенствованию корпуса напрямую связана с решением более сложного вопроса формализации естественного языка и создания универсального кода для общения с искусственным интеллектом и последующего качественного его улучшения. Безусловно, проведение такой работы требует высокоточного формального подхода к описанию синтаксической структуры, без которого оказывается невозможным дальнейшее движение вперед научной мысли и технического прогресса в целом.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений // Вопросы языкознания. 1963, №4. С. 57 – 63
2. Аксененко Б.Н. Предлоги английского языка. — М., 1956. 320 с.
3. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1976. – 550 с.
4. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 3. М.: Мысль, 1981. – 613 с.
5. Аркадьев П.М. К вопросу об эндоклитиках в русском языке. // А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: Синтаксис, информационная структура, порядок слов. М., ЯСК, 2016, С. 325–331
6. Арутюнова Н.Д.; Левонтина И.Б. Логический анализ языка: языки пространств. М.: ЯРК, 2000 – 448 с.
7. Арутюнова Н.Д.; Шатуновский И.Б. Логический анализ языка: языки динамического мира. Дубна: Межд. ун-т природы, общества и человека “Дубна”, 1999 – 520 с.
8. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. - М.: Дрофа, 2000 – 640 с.
9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
10. Беднягина Э.К. Поле направленного движения в современном немецком языке / Э.К. Беднягина. Дисс. . канд. филол. наук. М., 1971 – 305 с.
11. Бернштейн С.Б. Творительный падеж в славянских языках. М.: Издательство АН СССР, 1958 – 380 с.
12. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
13. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. М., 1961. – 75 с.

- 14.Бондарко А.В., Гак В.Г. и др. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность Вып.6. 1996 – 230 с.
- 15.Бослаф С. Статистика для всех. / Пер. с англ. П.А. Волкова, И.М. Флямер, М.В. Либерман, А.А. Галицына. – М.: ДМК Пресс, 2015. – 586 с.
- 16.Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. – 628 с.
- 17.Великорецкий А.Д. Пространство в современных западно-германских и русском языках: опыт построения метаязыка // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 8 – 34
- 18.Великорецкий А.Д. Системы отображения пространственных отношений в немецком и русском языках // Зеленецкий А.Л. (ред.) Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе. Калуга: ИЯз РАН; КГПУ, 1998. С. 197 – 204
- 19.Виноградов А.А. Префиксация в русском и венгерском языках (внутриглагольное словообразование). Ужгород: Ужгородский ун-т, 1998. – 185 с.
- 20.Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв.: Учебник. — 3-е изд. — М.: Высш. школа, 1982. —528 с.
- 21.Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. — 4-е изд. — М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
- 22.Виноградова Е.Н. Вплотную к наречным предлогам (к вопросу о полифункциональных единицах) // Русский язык за рубежом, 2021, С. 37 – 45
- 23.Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016, № 1. С. 25 – 50

24.Виноградова Е.Н. К вопросу о наречных предлогах // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2018, С. 31 – 43

25.Виноградова Е.Н. О грамматикализации в русском языке (поле предлогов) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13 - 20 сентября 2015 года). Т. 4. МАПРЯЛ СПб. Санкт-Петербург, 2015а. С. 37 — 42.

26.Виноградова Е.Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017, № 5. С. 56 – 74

27.Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 612 с.

28.Вригт Г.Х. фон. О локализации ментальных состояний // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. ст. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 16 – 19

29.Всеволодова М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4. С. 3 – 26

30.Всеволодова М.В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103 – 136

31.Всеволодова М.В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 1. Фрагмент системы – немотивированные (первообразные) предлоги // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012а. № 5. С. 30 – 78

32.Всеволодова М.В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2: Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012б. № 6. С. 9 – 51

33. Всеволодова М.В. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV международный съезд славистов. Славянское языкознание. М. «Индрик» 2008. – 575 с.

34. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М. : Книжный дом «Либроком», 2014. – 304 с.

35. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. ст. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 127 – 135

36. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время : сб. ст. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. — М.: Издательство «Индрик», 1997. — С. 122 – 130

37. Галактионова И.В. Предлог: препозиция и постпозиция // Труды и материалы III Международного конгресса исследователей русского языка „Русский язык: исторические судьбы и современность" М, 2007. С. 272 – 273

38. Ганенков Д.С. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива. // В.А. Плунгян (ред.), Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М., 2002. С. 35 – 56

39. Гладкий А.В., Мельчук И.А. Элементы математической лингвистики. М.: Наука, 1969. — 192 с.

40. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

41. Зализняк Анна А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // Russian Linguistics, vol. 19, 1995. pp.143 – 185

42. Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной

конференции Диалог' 2009. Бекасово, 27 – 31 мая 2009. М., 2009. – С. 107 – 111

43.Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001, №2. С. 13 – 25

44.Златкин В.С. Взаимодействие лексических значений в сочетании «глагол-предлог-имя» // Вопросы языкознания. 1976, №4. С. 105 – 112

45.Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М.: Наука, 1999. – 655 с.

46.Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с.

47.Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М., изд. МГУ, 1970. – С. 110 – 156

48.Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во. МГУ, 1992 – 336 с.

49.Кондильяк Э.Б. Сочинения: В 2-х т, Т. I. / Общ. ред., вступит, статья и примеч, В.М. Богуславского. — М.: Мысль, 1980. — 334 с.

50.Кравченко Н.П. Семантико- и текстообразующие функции русских предлогов: На материале языка художественной литературы и СМИ: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.01.10. Краснодар, 2001, – 273 с.

51.Крейдлин Г.Е. Метафора семантических пространств и значение предлога // Вопросы языкознания. 1994, № 5. С. 19 – 27

52.Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: ЯРК, 1998. – 290 с.

53.Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. 1974, № 5. С. 64 – 76

54. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – С. 57 – 70
55. Кустова Г.И. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. Изд-ва «Школа "Языки русской культуры"» и «Русские словари». М., 1998, № 36. С. 19 – 40
56. Кустова Г.И., Падучева Е.В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1994, №4. С. 96 – 106
57. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с.
58. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
59. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т. 2 / Ред., авт. вступ. статьи и примеч. И.С. Нарский. М.: Мысль, 1983. – 686 с.
60. Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. I / Ред.: И.С. Нарский, А.Л. Субботин; Ред. I т., авт. вступит, статьи и примеч. И.С. Нарский; Пер. с англ. А.Н. Савина. М.: Мысль, 1985. – 621 с.
61. Лютикова Е.А. Формальные модели падежа: теории и приложения. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 384 с.
62. Мальцева О.Л. Предлог как средство концептуализации пространственных отношений: автореферат дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2004. 18 с.
63. Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках // Slavistische Beitrage. 1998. - Bnd.362. — Munchen: Otto Sagner, 1998. - 345 с.
64. Марков А.А. Пример статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепь // Известия Императорской академии наук. Серия 6. – Санкт-Петербург, 1913. – Том 7, вып. 3. - С. 153 – 162.

65. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. IV / Пер. с фр. Е.Н. Саввиной под общ. ред. Н.В. Перцова. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 584 с.

66. Милованова М.С. Пространственно-противительная семантика слова: лексическое и грамматическое выражение / М.С. Милованова. – 3-издание, стереотипное. – М.: Флинта, 2019. – 240 с.

67. Милованова М.С. Средства выражения семантики противительности в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011. 48 с.

68. Нетушил И.В. Локализм // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. – С. 269 – 296

69. Пайар Д., Селиверстова О.Н. Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. М.: Русские словари, 2000. – 375 с.

70. Перельмутер И.А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. – М., 1991. – С. 7 – 66

71. Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 57 – 98

72. Радевич-Винницкий Я.К. Модели категории локальности (на материале русского литературного языка XIX первой половины XX века). - Дис. . канд. филол. наук. - Черновцы, 1974 – 171 с.

73. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. – 416 с.

74. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 256 с.

75. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.

76. Солоницкий А.В. Проблемы семантики русских первообразных предлогов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2003 – 125 с.

77. Статистика речи / под ред. Р.Г. Пиотровского и др. — Л.: Наука, 1968. — 258 с.
78. Съедин В.Н. Предлоги немецкого языка. М.: Наука, 1963. — 287 с.
79. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. Редкол.: Г.В. Степанов (пред.) и др.; Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. — М.: Прогресс, 1988. — 656 с.
80. Толпина Э.А., Скулачева Т.В., Буякова М.В. Рецензия на книгу: Kelih, E. Geschichte der Anwendung quantitativer Verfahren in der russischen Sprachund Literaturwissenschaft / E. Kelih. — Hamburg, 2008. — 350 s. // Вопросы языкознания. 2010, № 1. С. 133 – 138.
81. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. — С. 147 – 179
82. Урысон Е.В. Предлог или наречие? (Частеречный статус наречных предлогов) // Вопросы языкознания. 2017, № 5. С. 36 – 55.
83. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей : переводы. — Лингвистическая семантика, вып. X. М., 1981. С. 369 – 495
84. Хомский Н., Миллер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков: Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2003. — 64 с.
85. Черезова Л.А. Синтагматические парадигматические свойства глаголов семантического поля эмоций в английском языке // Вопросы романо-германской филологии. — М., 1974, вып. 82. С.85 – 123
86. Черкасова Е.Т. Изменение состава предлогов // Виноградов В.В., Шведова Н.Ю. (Ред.) Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги, союзы. М.: Наука. 1964. — 320 с
87. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967. — 280 с.
88. Шаранда А.Н. Сравнительная типология категории предлога. М., 1981. — 229 с

89. Шарова П.С. К вопросу о пространственных предлогах в старославянском и древнерусском языках // Вестник ЮГУ. 2010. №3 (18), С. 32 – 34
90. Шереметьева Е.С. Отымённые релятивы современного русского языка: семантико-синтаксические этюды. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 236 с.
91. Шереметьева Е.С. Проблема категориального статуса отымённых релятивов // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М.: МГУ, 2007. С. 299–300
92. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск, 2001. – 454 с.
93. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Якобсон Р.О. Избранные работы. — М.: «Прогресс», 1985, С. 133 – 175.
94. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. – 368 с.
95. Anderson J.M. The Grammar of Case. Towards a Localistic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 256 p.
96. Barwise J. Perry J. Situations and Attitudes. MIT Press, 1983. – 352 p.
97. Bennet D.C. Spatial and Temporal Uses of English Prepositions. London, 1975. 344 p.
98. Berman R.A, Slobin D.I. Relating events in narrative: A crosslinguistic developmental study. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1994. 748 p.
99. Bloom, P. et al. (ed.) Language and Space. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 1999. 597 p.
100. Bowerman M. Learning how to structure space for language—A crosslinguistic perspective. In Paul Bloom, Mary A. Peterson, Lynn Nadel, and Merrill Garret, eds., Language and space. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. pp. 385–436
101. Bréal M. Essai de sémantique. Paris : Hachette, 1897. 352 p.

102. Choi S., Bowerman M. Learning to express notion events in English and Korean: The influence of language-specific lexicalization patterns. *Cognition*, 1991. pp. 83 – 121
103. Davidson D. Reply to Quine on events // D. Davidson (ed), *Essays on Actions and Events*. — Oxford, Clarendon Press, 1980. — pp. 305 – 311.
104. De Mulder W. La linguistique diachronique, les études sur la grammaticalisation et la sémantique du prototype : présentation, *Langue française*, 2001. pp. 8 – 32
105. Dirven R. Dividing up physical and mental space into conceptual categories by means of English reposition, In: Zelinsky-Wibbelt, Cornelia (ed.), 1993. pp. 73 – 97
106. Eichinger L.M. *Raum und Zeit im Verbwortschatz des Deutschen / Linguistische Arbeiten; 224*. Tübingen: Niemeyer, 1989. 446 p.
107. Fagard B. *Espace et grammaticalisation - L'évolution sémantique des prépositions dans les langues romanes*. EUE - Editions Universitaires Europeennes,, 2010. 442 p.
108. Fagard B. *Habilitation à diriger des recherches. Pour une romanistique moderne : la microtypologie. : Mémoire de synthèse et Volume de publications.. Linguistique*. Université François-Rabelais de Tours, 2015. 165 p.
109. Fauconnier G. *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 190 p.
110. Feltgen Q. *Statistical Physics of Language Evolution: The Grammaticalization Phenomenon*. [PhD Thesis]. Paris (France): PSL research University, 2017. 485 p.
111. Fortis J.-M. Anderson's case grammar and the history of localism. In Roger Böhm & Harry van der Hulst (eds.), *Substance-based grammar: The (ongoing) work of John Anderson*, vol. 204 (Studies in Language Companion Series), Amsterdam: John Benjamins, 2018. pp. 113 – 198

112. Fortis J.-M. From localism to neolocalism. In Émilie Aussant & Jean-Michel Fortis (eds.), *Historical journey in a linguistic archipelago: Descriptive concepts and case studies*, Berlin: Language Science Press, 2020. pp. 15 – 50
113. Fortis J.-M. On localism in the history of linguistics. Workshop on localism – AFLiCo, 2011. 12 p.
114. Gardenfors P. *Conceptual spaces*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 318 p.
115. Geeraerts D. *Diachronic prototype semantics. A contribution to historical lexicology*. Oxford : Clarendon Press, 1997. 207 p.
116. Geis M. & Zwicky A. On invited inferences, *Linguistic Inquiry*, 1971. pp. 561 — 565.
117. Givón T. *Mind, code and context : Essays in pragmatics*. Hillsdale : Lawrence Erlbaum, 1989. – 474 p.
118. Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action, *Cognitive linguistics*, 1/3, 1990. pp. 323 — 340.
119. Grice H.P. *Logic and conversation*. In Peter Cole and Jerry Morgan, eds., *Syntax and semantics*, vol. 3, *Speech acts*. New York: Academic Press, 1975, pp. 41 – 58
120. Gruber J.S. *Studies in lexical relations*. Massachusetts Institute of Technology. Dept. of Modern Languages. Thesis, 1965. 305 p.
121. Habel Ch.; Stutterheim Ch.v. (Hgg.) *Räumliche Konzepte und sprachliche Strukturen /Linguistische Arbeiten*; 417. Tübingen: Niemeyer, 2000. pp. 14 – 78
122. Harris J. *Hermes or a Philosophical Inquiry Concerning Universal Grammar*. London: John Nourse & Paul Vaillant, 1773. 427 p.
123. Haspelmath M. *From Space to Time – Temporal Adverbials in the World's Languages*, Munich / Newcastle : Lincom Europa, 1997. 181 p.
124. Heine B. & Reh M. *Grammaticalization and reanalysis in African languages*. Hamburg : Buske, 1984. 156 p.

125. Heine B., Claudi U. & Hünnemeyer F. *Grammaticalization: A Conceptual Framework*, Chicago : University of Chicago Press, 1991. 318 p.
126. Herskovits A. *Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 136 p.
127. Herskovits A. Spatial expressions and the plasticity of meaning. In Rudzka-Ostyn (ed), 1988. pp. 271 – 298
128. Hjelmslev L. *La catégorie des cas. – Etude de grammaire générale. – Première partie.* - Aarhus, 1935. 184 p.
129. Hopper P.J., Traugott E. *Grammaticalization*. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 256 p.
130. Ikegami Y A localist hypothesis as a framework for contrastive linguistics, *Folia Linguistica*, 1976. pp. 59 – 71
131. Jackendoff R.S. *Semantics and cognition*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 283 p.
132. Jackendoff R.S. Toward an explanatory semantic representation. *Linguistic Inquiry*, 1976. pp. 89 – 150
133. Kelly L.G. *La Physique d’Aristote et la phrase simple dans les ouvrages de grammaire spéculative*. In André Joly & Jean Stéfanini (eds.), *La grammaire générale, des modistes aux idéologues*, Villeneuve-d’Ascq: Publications de l’Université de Lille III, 1977. pp. 107 – 124
134. Kreitzer A. Multiple levels of schematization: A study in the conceptualization of space. *Cognitive Linguistics*, 1997. pp. 291 – 325
135. Landau B., Jackendoff R.S. “What” and “Where” in spatial language and spatial cognition. *Behavioural and Brain Sciences*, 1993. pp. 217 – 265
136. Langacker R.W. *Foundations of cognitive grammar. Vol. 1, Theoretical prerequisites*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. 516 p.
137. Langacker R.W. Space grammar, analysability, and the English passive. *Language*, 1982. pp. 22 – 80

138. Levinson S.C. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 414 p.
139. Levinson S.C. Vision, shape, and linguistic description: Tzeltal body-part terminology and object description. *Linguistics*, 1994. pp. 791 – 855
140. Lindkvist K.G. *A Comprehensive Study of Conceptions of London in which English Prepositions Occur*. Stockholm, 1976. 64 p.
141. Lyons J. *Semantics*, Cambridge : Cambridge University Press, 1977. 897 p.
142. Marchello-Nizia, Ch. *Grammaticalisation et changement linguistique*. Bruxelles : De boeck, 2006. 301 p.
143. Miller J. *Semantics and Syntax: Parallels and Connections*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 272 p.
144. Panther K. & Radden G. *Metonymy in language and thought*. Philadelphia / Amsterdam : J. Benjamins, 1999. 410 p.
145. Parret H. Cognition, the localist hypothesis and back to Kant. In Heyvaert F.J. and F. Steurs (eds.), *Worlds Behind Words. Essays in Honour of Professor F.G. Droste on the Occasion of his Sixtieth Birthday*, Leuven, Leuven University Press, 1989. pp. 37 – 49
146. Pederson E., Danziger E., Wilkins D., Levinson S., Kita S., Gunter S. Semantic typology and spatial conceptualization. *Language*, 1998. pp. 557 – 589
147. Pettit Ph. *The common mind*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1996. 381 p.
148. Peyraube A. L'évolution des structures grammaticales.. In: *Langages*, 36e année, n°146, 2002. L'origine du langage. pp. 46-58
149. Pütz, M.; Dirven, R. (ed.) *The construal of space in language and thought*. Berlin; NY: de Gruyter, 1996. 704 p.
150. Regier T. *The human semantic potential: Spatial language and constrained connectionism*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 236 p.
151. Rice S. Patterns of acquisition in the emerging mental lexicon: The case of to and for in English. *Brain and Language*, 1999. pp. 268 – 276

152. Rice S., Sandra D., Vanrespaille M. Prepositional semantics and the fragile link between space and time. In Masako Hiraga, Chris Sinha, and Sherman Wilcox, eds., *Cultural, typological and psycholinguistic issues in cognitive linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1999. pp. 107 – 127
153. Rohrer T. Embodiment and experientialism. In D. Geeraerts, & H. Cuyckens (Eds.), *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford University Press, 2007. pp. 25 – 47
154. Rohrer T. Image Schemata in the Brain. In Hampe (ed), 2005. pp. 165 – 196
155. Rubba J. Grammaticization as Semantic Change : A Case Study of Preposition Development, in William Pagliuca (ed.), *Perspectives on Grammaticalization*. Amsterdam : John Benjamins, 1994. pp. 81 – 101
156. Rumpel Th. *Zur Casustheorie*. Programm des Evangelischen Gymnasiums zu Gütersloh, 1866. pp. 1 – 25
157. Sadler L, Nordlinger R. Case stacking in realizational morphology. 2006. pp. 459 – 487.
158. Sandra D, Rice S. Network analyses of prepositional meaning: Mirroring whose mind — the linguist's or the language user's? *Cognitive Linguistics*, 1995. pp. 89–130
159. Scaliger J.-C. *De Causis Linguae Latinae Libri Tredecim*. Lyon: S. Gryphius, 1540. 385 p.
160. Schröder J. *Lexikon deutscher Präpositionen*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1986. 268 p.
161. Schröder J. *Lexikon deutscher Verben der Fortbewegung*. Leipzig; Berlin; München: Langenscheidt; Verlag Enzyklopädie, 1993. 224 p.
162. Serbat G. *Cas et Fonctions*. Paris: Presses Universitaires de France, 1981. 211 p.
163. Serbat G. L. Hjelmslev et la «catégorie des cas» : contradictions et apories d'une pensée «totaliste». In: *L'Information Grammaticale*, N. 1, 1979. pp. 11 – 15

164. Sinha Ch., Thorseng L. A coding system for spatial relational reference. *Cognitive Linguistics*, 1995. pp. 261 – 309
165. Strömqvist S., Verhoeven L. Relating events in narrative: Crosslinguistic and cross-contextual perspectives. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2004. 622 p.
166. Svorou S. The grammar of space. Amsterdam / Philadelphia : J. Benjamins, 1994. 290 p.
167. Talmy L. Fictive motion in language and “ception”. In Paul Bloom, Mary A. Peterson, Lynn Nadel, and Merrill Garret, eds., *Language and space*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. pp. 211 – 276
168. Talmy L. How language structures space. In Herbert L. Pick Jr., and Linda Acredolo, eds., *Spatial orientation: Theory, research, and application*. New York: Plenum Press, 1983. pp. 225 – 282
169. Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms. In Timothy Shopen, ed., *Language typology and syntactic description*, vol. 3, *Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. pp. 57–149
170. Talmy L. *Semantic Structures in English and Atsugewi*. PhD thesis, University of California, Berkeley, 1972. 467 p.
171. Talmy L. Semantics and syntax of motion. In John Kimball, ed., *Syntax and semantics*. New York: Academic Press, 1975. pp. 181–238
172. Talmy L. The relation of grammar to cognition. In Brygida Rudska-Ostyn, ed., *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1988. pp. 165–205
173. Talmy L. *Toward a cognitive semantics*. Vol 2, *Typology and process in concept structuring*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 504 p.
174. Taylor J. *Linguistic Categorization : Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford University Press, 1989. 328 p.
175. Traugott E.C., Dasher R. *Regularity in semantic change*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 314 p.

176. Vandeloise C. 1987. La préposition *à* et le principe d'anticipation, *Langue française*, 1987. pp. 77 – 111
177. Vandeloise C. *L'espace en français : sémantique des prépositions spatiales*. Paris : Seuil, 1986. 244 p.
178. Vandeloise C. Quand *dans* quitte l'espace pour le temps, *Approches sémantiques des prépositions*, *Revue de Sémantique et Pragmatique*, 1999. pp. 145 – 163
179. Vandeloise C. Representation, prototypes and centrality. In Savas Tsohatzidis, ed., *Meanings and prototypes: Studies in linguistic categorization*. London: Routledge, 1990. pp. 403 – 437
180. Whorf B.L. *Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, MA: MIT Press, 1956. 448 p.
181. Winters M. Diachronic prototype theory : on the evolution of the French subjunctive, *Linguistics*, 1989. pp. 703 – 730
182. Wood F.T. *English Prepositional Idioms*. London: Macmillan, 1967. 154 p.
183. Wüllner F. *Die Bedeutung der sprachlichen Casus und Modi: Ein Versuch – Primary Source Edition*, Nabu Press, 2013. 178 p.
184. Wüllner F. *Ueber Ursprung Und Urbedeutung Der Sprachlichen Formen*, Nabu Press, 2012. 376 p.
185. Zimmerling A., Kosta P. *Case Assignment // The Oxford Guide to the Slavonic Languages / ed. N. Bermel, J. Fellerer*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2022
186. Zlatev J. *Situated embodiment: Studies in the emergence of spatial meaning*. Stockholm: Gotab Press, 1997. 349 p.
187. Zlatev J. Spatial semantics. In D. Geeraerts, & H. Cuyckens (Eds.), *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford University Press, 2007. pp. 318-350

Список источников

Лексикографические источники

1. Ожегов 1988 – Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. С.И. Ожегова. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. — 750 с.
2. Прияткина и др. 2001 – Словарь служебных слов русского языка / А.Ф. Прияткина, Е.А. Стародумова, Т.Н. Сергеева, Г.Д. Зайцева, Е.С. Шереметьева, Н.Т. Окатова, И.Н. Токарчук, Г.М. Крылова, Т.А. Жукова, Т.В. Петроченко, В.Н. Завьялов - Владивосток, 2001, 363 с.
3. СлРЯ XI-XVII вв. 1 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 1 (А – Б). — М.: Наука, 1975. — 371 с.
4. СлРЯ XI – XVII вв. 2 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 2 (В – Волога). — М.: Наука, 1975. — 319 с.
5. СлРЯ XI – XVII вв. 9 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 9 (М). — М.: Наука, 1982. — 357 с.
6. СлРЯ XI – XVII вв. 10 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 10 (Н – нятися). — М.: Наука, 1983. — 325 с.
7. СлРЯ XI-XVII вв. 12 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 12 (О – Опарный). — М.: Наука, 1987. — 383 с.
8. СлРЯ XI – XVII вв. 15 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 15 (Персть – подмышка). — М.: Наука, 1989. — 288 с.
9. СлРЯ XI-XVII вв. 17 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 17 (Помаранець – потишати). — М.: Наука, 1991. — 296 с.
10. СлРЯ XI – XVII вв. 20 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 20 (Присвоение – прочнутися). — М.: Наука, 1995. — 288 с.
11. СлРЯ XI-XVII вв. 23 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 23 (Сь – сдымка). — М.: Наука, 1996. — 253 с.
12. СлРЯ XI-XVII вв. 24 – Словарь русского языка XI — XVII вв. Выпуск 24 (Се – скорый). — М.: Наука, 2000. — 254 с.

13. Ушаков 1935 – Толковый словарь русского языка. Том I А – Кюрины / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Советская энциклопедия"; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935

14. Философский словарь – Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд.-М.: Политиздат, 1981. – 445 с.

15. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Т. 2: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1975. – 238 с.

Корпуса русского языка и интернет-источники

1. Русская грамматика 1980 – Русская грамматика : [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - Москва : Наука, 1980-1982 (режим доступа: <http://rusgram.narod.ru>)

2. Русская корпусная грамматика – Проект корпусного описания русской грамматики (режим доступа: <http://rusgram.ru>)

3. RТТ – ruTenTen: интернет-корпус русского языка в составе системы SketchEngine (режим доступа: <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/>)

Старорусский корпус НКРЯ (СРК)

1. Авраамий Палицын. Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря

2. Андрей Курбский. История о великом князе Московском

3. Афанасий Никитин. Хождение за три моря Афанасия Никитина

4. Бельский летописец (1630 - 1635)

5. Великий князь Василий Васильевич. Меновная грамота в. кн. Вас. Васильевича Тр.-Сергиева м-ря с иг. Мартинианом на промен

6. Вологодско-Пермская летопись (852–1538 гг.)

7. Выдача жалованья польским ротам в Москве частью деньгами, частью остатками царской казны

8. Выдержка из писцовой книги Ивана Алексеевича Комынина и подьячего Ивана Ефанова с описанием Богоявленского Островского монастыря и его

владений с. Хопылево, сц. Яковлево с дд., поч. и пуст. в Воздвиженском ст. Романовского у

9. Выписка из наказа о дозволении Томской волости князю Тояну построить город

10. Грамота можайского князя Андрея Дмитриевича Кириллову монастырю о запрещении ловцам с Городка ловить рыбу в монастырском озере

11. Грамота с прочетом ц. Федора Ивановича в Нижний Новгород воеводе кн. Ф.И. Кривоборскому и др., по челобитью арх-та Благовещенского монастыря Максима, об охране монастырских вотчин в Нижегородском и Курмышском у. от притязаний черемисы (мари), мордвы и бортников

12. Грамоты Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу. Грамота с условиями договора

13. Грамоты царя Бориса Федоровича в Тюмень голове Федору Янову о строении яма, острога и церкви в Епанчине юрте

14. Данная Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами

15. Дело о покраже лошадей и разного имущества

16. Димитрий Ростовский. Успенская драма. (Комедия на успение Богородицы)

17. Договорная грамота Новгорода с великим тверским князем Александром Михайловичем

18. Духовная Александра Федосеева сына Белеутова, с явочной записью 1472 г. июня 2 митрополиту Филиппу. [Датировка: ок. 1472 г. июня 2]

19. Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского

20. Епифаний Премудрый. Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому

21. Жалованная грамота ц. Ивана Васильевича арх. Рожд. монастыря Захарию на монастырские вотчины, с подтверждениями 1584 – 1623 гг

22. Житие Арсения Коневского

23. Житие Герасима Болдинского

24. Житие Кирилла Белозерского
25. Житие Кирилла Новоезерского
26. Житие Корнилия Комельского
27. Житие митрополита Филиппа
28. Житие Михаила Ярославича Тверского
29. Житие Никандра Псковского
30. Заговор от болезни и порчи
31. Задонщина
32. Заметка о Риме
33. Записная книга Полоцкого похода
34. Засечная книга 1638 г.
35. Иван Грозный. Первое послание Ивана Грозного Курбскому
36. Иван Тимофеев. Временник
37. Игнатий Смольнянин. Хождение Игнатия Смольнянина (фрагмент)
38. Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 26 апреля. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием
39. Из Диоптры Филиппа Пустынника. Разговор души и плоти
40. Из Жития Василия Нового. Хождение Феодоры по воздушным мытарствам
41. Из Троянской истории
42. Из Хроники Константина Манассии
43. Иконописец Василий, житель Пскова. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков
44. Инок Фомы Слово похвальное
45. Казанская история
46. Книга глаголемая летописец Федора Кирилловича Нормантского (1474–1560 гг.)

47. Князь Михаил Иванович Деев. Полюбовная разводная запись кн. Мих. Ивановича Деева(?) и Тр.-Сергиева м-ря чернеца Ал-дра Вавина м-рской земле Кувакинской
48. Купчая кн. И.М. Вадбальского и дьяка Ф. Александра старцу Кирилло-Белозерского монастыря Пахомию на дворы в Вологде
49. Купчая попа Максима Ионовича у Леонтия и Ивана Семеновых детей на тони по реке Яренге на Летней стороне
50. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича
51. Летописная повесть о Куликовской битве
52. Межевая грамота нижегородского воеводы Т.А. Хлопова и дьяка Д. Алябьева архимандриту нижегородского Благовещенского монастыря на бортный Гнилицкий ухажай с вотчиной нагулинских бортников
53. Межевой обыск в с. Веине в Городск. ст. Козельск. у
54. Меновная Алексея Климентьева сына Олферьева у арх. Спасо-Ефимьева монастыря Иоакима на часть земли с. Омуцкого [в Суздале] за часть земли с. Липицкого, половину оврага Чекменева [в Суздале]
55. Московская повесть о походе Ивана III на Новгород
56. Независимый летописный свод 80-х годов XV века
57. Нестор-Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году
58. Никоновская летопись (859–1176 гг.)
59. Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском
60. Новгородская вторая летопись (Архивский список)
61. Новгородская Карамзинская летопись
62. Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород
63. Окончание списка Оболенского
64. Описание Сибири по списку Императорской Публичной библиотеки
65. Опись движимого имущества, принадлежавшего малороссийскому гетману Ивану Самойловичу и его сыновьям Григорию и Якову

66.Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 году

67.Опись Московского Успенского собора, составленная в начале XVII века

68.Отписка воевод Димитрия Трубецкого с товарищами о приводе к ним атаманом Иваном Микулиным языков — немецких людей и об отсылке их в Москву. Расспросные речи языков

69.Отпись старца Геннадия старцу Гурию о посевах жита и овса в монастырском с. Ангелове и об отсутствии там кольев и хвороста

70.Отрывок из записки о поставлении патриарха Иова и о происходивших по этому случаю церемониях 26, 27 и 28 января 1589 г.

71.Отрывок летописи типа Авраамки

72.Патриарх Иов. Повесть о житии царя Федора Ивановича

73.Повесть о Благовещенской церкви

74.Повесть о нашествии Тохтамыша

75.Повесть о Петре, царевиче ордынском

76.Повесть о Псково-Печерском монастыре

77.Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе

78.Повесть о Темир Аксаке

79.Послание на Угру Вассиана Рыло

80.Приговорная грамота русского духовенства, думных чинов, дворян, приказных и купечества (379 человек) об отказе литовским послам в перемирии и продолжении военных действий в Ливонии

81.Приправочный список [1613-1614] гг. с книги письма и дозора 1588-1589 гг. Василия Яковлева Измайлова и подьячего Меньшова Заморцова на дворцовые волости Каширского уезда

82.Протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное

83.Псковская 1-я летопись. Тихановский список

84.Псковская 2-я летопись

85.Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699

- 86.Разъезжая грамота митрополичьего боярина В.Ю. Фомина и А.Ф. Челяднина на землю митрополичьей Карашской волости, Ростовского у., с вотчиной А.Ф. Челяднина, Первятинской землей
- 87.Рассказ о восстании в Новгороде в 1418 году
- 88.Рассказ о смерти Пафнутия Боровского
- 89.Ремезов С.У. Ремезовская летопись по Мировичеву списку
- 90.Ростовский архиепископ Вассиан. Послание ростовского архиепископа Вассиана [Рыло] его духовному сыну великому князю Ивану [III] васильевичу, [возглавляющему русские войска на берегу Угры, в Кременец или в Боровск], призывающее князя не слушать совета... льстивых и крепко стоати... за свое от[е]чство против [хана большой орды] Ахмата
- 91.Севернорусский летописный свод 1472 года
- 92.Сказание о битве новгородцев с суздальцами
- 93.Сказание о Вавилоне
- 94.Сказание о Валаамском монастыре
- 95.Сказание о Дракуле
- 96.Сказание о Мамаевом побоище
- 97.Сказание о нашествии Едигея
- 98.Сказание о явлении Великорецкого образа святителя Николая и чудеса от него
- 99.Слово о злых женах
100. Соборное уложение 1649 г
101. Сотная с одоевских книг письма и меры Степана Ивановича Бородина Колединского да Никиты Ивановича Еропкина «с товарищи» на владения Настасова монастыря в Павловском и Богоявленском станах с размежеванием от поместных и иных земель
102. Сотная с писцовых книг 1586 г. И.Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на Сысольскую волость
103. Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»). 9-я степень [Даниил Александрович Московский]

104. Стефанит и Ихниллат
105. Строгановская летопись по Толстовскому списку
106. Тверской великий князь Михаил Борисович. Жалованная обельная и несудимая грамота тверского в. кн. Мих. Борисовича Тр.-Сергиева м-ря иг. Вассиану на двор в Кашине
107. Указная грамота Разбойного приказа о производстве обыска по материалам расследования о грабеже крестьян в Кашинском у
108. Указная с прочетом грамота ц. Василия Ивановича в Галич Федору Васильевичу Чередову и Сильвестру Фомичу Сытину, с подтверждением 1614 г.
109. Устройная и отдельная книга яма Вышнего Волочка
110. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)
111. Хождение на Восток гостя Василия Познякава с товарищи
112. Хождение на Флорентийский собор
113. Хождение Стефана Новгородца
114. Царская грамота кунгурскому воеводе Ивану Черникову Онучину о предосторожностях от мора и скотского падежа
115. Царские грамоты и отписки олонецких воевод о строении города Олонца
116. Чин свадебный
117. Явочная челобитная старосты Леонтия Васильева о неправильности проводимого Вторым Поздеевым и Василием Владыкиным обыска по спорному делу между волостными крестьянами и Иваном Всеволоцким

Основной корпус НКРЯ (ОК)

1. Авенариус В.П. Гоголь-студент
2. Авереннова И. Геленджик
3. Аверченко А.Т. Ложь
4. Аверченко А.Т. Телеграфист Надькин
5. Авилова Л.А. Наследники

6. Аксаков И.С. Письма родным
7. Аксаков С.Т. Аленький цветочек
8. Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп
9. Аксенов В. Пора, мой друг, пора
10. Алексеев Н.Н. Игра судьбы
11. Алексеев Н.Н. Лжецаревич
12. Аммосов Г.В. Дневник
13. Андреев Н.И. Воспоминания офицера 50-го егерского полка
14. Анненский И.Ф. Вторая книга отражений
15. Апухтин А.Н. Между жизнью и смертью
16. Артамонов Л.К. Донцы на Белом Ниле. Экспедиция Генерального штаба полковника Артамонова в долину Белого Нила, рассказанная со слов лейб-гвардии Атаманского полка младшего урядника Василия Архипова
17. Артамонов Л.К. Краткий отчет о путешествии из Адис-Абебы в отряд дадызмача Тасамы к р. Собату и далее к р. Белому Нилу. Поход с «летучим» отрядом к Белому Нилу и обратно до соединения с корпусом Тасамы (с 3 марта 1898 г. по 25 июля 1898 г. включительно)
18. Бажов П.П. Демидовские кафтаны
19. Бахтин М.М. К философии поступка
20. Белых Г.Г. Лапти
21. Бердяев Н.А. Автобиография
22. Бесконечное путешествие
23. Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур
24. Бехтерев В.М. Внушение и воспитание
25. Битов А. Рассеянный свет
26. Боборыкин П.Д. Однокурсники
27. Богданович И.Ф. Письма
28. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков
29. Брюсов В.Я. Через пятнадцать лет

30. Булгаков М.А. Записки покойника (Театральный роман)
31. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита
32. Булгаков М.А. Морфий
33. Булгаков М.А. Полотенце с петухом
34. Вельтман А.Ф. Светославич, вражий питомец Диво времен Красного Солнца Владимира
35. Верещагин В.В. Листки из записной книжки
36. Верещагин В.В. Наполеон I в России в картинах В. В. Верещагина
37. Ветлугин А. Третья Россия
38. Ветров В. Кедровый дух
39. Внутренний голос
40. Волошина П., Кульков Е. Маруся
41. Все дело - в многоступенчатом статусе
42. Газданов Г.А. Вечер у Клэр / начало романа
43. Герцен А.И. Сорока-воровка
44. ГИБДД как критическая масса
45. Гипшиус З.Н. Задумчивый странник (о Розанове)
46. Гипшиус З.Н. Победители
47. Глинский Б.Б. Царские дети и их наставники
48. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего
49. Гоголь Н.В. Тарас Бульба
50. Гоголь Н.В. Шинель
51. Голенищев-Кутузов И. Искусство военных флотовъ, или сочиненіе о морскихъ еволюціяхъ (пер. с фр.)
52. Гончаров И.А. Май месяц в Петербурге
53. Горбунов И.Ф. Лес. Сцены из народного быта
54. Горенштейн Ф. Куча
55. Горькая О. «Папаша кураж» и его дети
56. Горький М. Мужик
57. Гранин Д.А. Месяц вверх ногами

58. Гребенка Е.П. Чайковский
59. Грекова И Фазан
60. Грекова И. Дамский мастер
61. Грекова И. На испытаниях
62. Грекова И. Под фонарем
63. Грекова И. Скрипка Ротшильда
64. Грин А.С. Акварель
65. Гроссман В.С. Все течет
66. Гроссман В.С. Жизнь и судьба, ч. 1
67. Гумилев Н.С. Африканский дневник
68. Гуревич А.Я. Популярное богословие и народная религиозность средних веков
69. Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года
70. Давыдов Д.В. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?
71. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том IV
72. Довлатов С. Заповедник
73. Довлатов С. Иная жизнь
74. Довлатов С. Наши
75. Довлатов С. Чемодан
76. Домбровский Ю.О. Леди Макбет
77. Дорогая моя столица
78. Достоевский Ф.М. Господин Прохарчин
79. Достоевский Ф.М. Крокодил
80. Дружинин А.В. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов
81. Дурова Н.А. Кавалерист-девица
82. Егерова Е. Курды у русских
83. Екатерина II. Полемика с Новиковым
84. Епископ Игнатий (Брянчанинов) Отечник
85. Ефремов И.А. Озеро горных духов
86. Житков Б.С. Мираж

87. Житков Б.С. Элчан-Кайя
88. Загоскин М.Н. Искуситель
89. Замятин Е.И. Север
90. Зильберт А. Укрепление тонуca
91. Иакинф (Бичурин) Историческое обозрение Ойратов или Калмыков в XV столетии до настоящего времени
92. Иван Голиков. Историческое изображение жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женеvца, Франца Яковлевича (Франциска Якова) Лефорта
93. Ивин-Кассиров И.С. Сказка о сильном и славном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и о невообразимой красоте супруги его Анастасии Вахрамеевны
94. Иерусалимский И.Г., Антонов В.М., Елифановский Н.И. Певчие птицы и волнистые попугайчики
95. Извѣстiе о кораллахъ и приуготовленiи оныхъ
96. Измайлов В.В. Ростовское озеро
97. Искандер Ф.А. Летним днем
98. Искандер Ф.А. Первое дело
99. Как забросить сеть, чтобы поймать международное агентство
100. Карамзин Н.М. Бедная Лиза
101. Карамзин Н.М. История государства Российского: Том 4
102. Карамзин Н.М. Мелодор к Филалету
103. Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении
104. Карамзин Н.М. Остров Борнгольм
105. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника
106. Карамзин Н.М. Филалет к Мелодору
107. Карамзин Н.М. Юлия
108. Карпец В. От отроков Маковицких
109. Карпов А.К. Записки
110. Катаев В.П. Алмазный мой венец

111. Киселев М. Собачье мясо, космические быки и античные историки: что можно говорить о кельтской религии в средневековой ирландской литературе или почему не стоит доверять (нео)друидам
112. Кистяковский Б. А. В защиту права
113. Китайской садъ
114. Клушин А.И. Несчастный М-в
115. Ключевский В.О. Записные книжки
116. Коваль Ю.И. Лабаз
117. Коваль Ю.И. Листобой
118. Коваль Ю.И. У Кривой сосны
119. Козлов С.Г. Правда, мы будем всегда?
120. Колмогоров А.Н. Математика
121. Комаровский Е.Ф. Записки
122. Кони А.Ф. Иван Александрович Гончаров
123. Короленко В.Г. Марусина заимка
124. Креветко Т. До чего же славной бывает масленица!
125. Кржижановский С.Д. Пьеса и ее заглавие
126. Кузнецов Н.И. Эволюционные кривые
127. Куприн А.И. Гранатовый браслет
128. Куприн А.И. На переломе (Кадеты)
129. Лажечников И.И. Знакомство мое с Пушкиным
130. Лажечников И.И. Последний Новик
131. Ленин В.И. Карл Маркс
132. Леонов Л.М. Русский лес
133. Леонов Л.М. Скутаревский
134. Леонтьев А.Н. Биологическое и социальное в психике человека
135. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени
136. Ломоносов М.В. Письмо М.И. Воронцову
137. Любарский Г. Мракобесие, или Наших бьют

138. Макаров А.М. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)
139. Мамин-Сибиряк Д.Н. Клад
140. Мамин-Сибиряк Д.Н. Отрезанный ломоть
141. Мельников-Печерский П.И. Начало неоконченной автобиографии
142. Менделеев Д.И. Письма о заводах
143. Митрополит Антоний (Блум) Праздник иконы Божией Матери Нечаянная Радость
144. Митрополит Антоний (Блум) Рождество Христово
145. Митрополит Стефан (Яворский) Проповеди
146. Молоховец Е. Подарок молодым хозяйкам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве
147. Мурадов М. Грозный ждёт хозяина
148. Неделя 22.08-2000.08.28
149. Новиков Н.И. О поэзии классицизма
150. Новиков Н.И. Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год
- июнь
151. Нота НКВД 31 мая 1929 года
152. О Китайских похоронах
153. От динамита до «Виагры»
154. Панаев И.И. Раздел имения
155. Пантелеев А.И. Ночные гости
156. Панюшкин В. За Виню
157. Паустовский К.Г. Орест Кипренский
158. Пильняк Б.А. Простые рассказы
159. Платонов А.П. Епифанские шлюзы
160. Платонов А.П. Чевенгур
161. Полевой Н.А. Клятва при гробе Господнем
162. Приручение света
163. Пришвина В.Д. Невидимый град

164. Пушкин А.С. Капитанская дочка
165. Радищев А.Н. Бова
166. Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь
167. Радищев А.Н. Записки путешествия из Сибири
168. Радищев А.Н. Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего
169. Радищев А.Н. Письмо М.Н. Радищеву
170. Ростопчин Ф.В. Ох, французы!
171. Рычков Н.П. Дневныя записки путешествія въ Киргисъ-Кайсацкой степѣ, 1771 году
172. Рычков Н.П. Журналь или дневныя записки путешествія Капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, въ 1769 и 1770 году
173. Савельева Т. Москвичи обсуждают «Столицу»
174. Салтыков-Щедрин М.Е. Святочный рассказ
175. Самойлович Д.С. Начертания для изображения в живописи пресеченной в Москве 1771 года моровой язвы, которое предлагает художникам Данило Самойлович
176. Самойлович Д.С. Способ самый удобный повсемственного врачевания смертоносной язвы заразноящейся чумы ко благу всеобщественному предлагает Данило Самойлович
177. Самсонов С. Одиннадцать
178. Сергеев М.Д. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы
179. Сергеев-Ценский С.Н. Благая весть
180. Сергеев П.А. Вечер в Ясной
181. Сказка об Адоре-королевиче
182. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича
183. Соллогуб В.А. Метель

184. Сталин И.В. Международное положение и оборона СССР
185. Тарле Е.В. Бородино
186. Татищев В.Н. Выписка из подневного журнала об осмотре им арбугского канала и портовых сооружений в Карлскруне
187. Татищев В.Н. Петру I
188. Татищев В.Н. Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной
189. Татищев В.Н. Сказание о звере мамонте
190. Тесельницкий С.М. Из исторического журнала Ф.Ф. Ушакова, который велся во время ионической кампании 1798 – 1799 гг. действия соединенных эскадр при блокаде острова и крепости корфу
191. Тимохин С. Полное собрание тайн
192. Толстой А.Н. На рыбной ловле
193. Толстой А.Н. Русский характер
194. Толстой А.Н. Черная пятница
195. Толстой Л.Н. Отрочество
196. Торсон К.П. Замечания на штат вооружения кораблей и построение оных
197. Трифонов Ю.В. Дом на набережной
198. Трифонов Ю.В. Обмен
199. Туканы
200. Тургенев И.С. Конец Чертопханова
201. Тургенев И.С. Ася
202. Тургенев И.С. Живые мощи
203. Тургенев И.С. Лебедянь
204. Тургенев И.С. Уездный лекарь
205. Тургенев И.С. Хорь и Калиныч
206. Тэффи Н.А. Семейный аккорд
207. Тюльпин М.М. Летопись 1762-1841

208. Улицкая Л. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света]
209. Ушаков Ф.Ф. Предложение сенату Ионических островов об организации вокруг острова Корфу карантинных постов
210. Флоренский П.А. Имена
211. Фонвизин Д.И. Каллисфен
212. Фонвизин Д.И. Недоросль
213. Фонвизин Д.И. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия
214. Фонвизин Д.И. Рассуждения о национальном любочестии
215. Фонвизин Д.И. Сидней и Силли, или благодеяние и благодарность [перевод повести Ф.-Т. Бакуляра с французского]
216. Херасков М.М. Историческое предисловие [к «Россиаде»]
217. Чарская Л.А. Дуль-Дуль, король без сердца
218. Чарушин Е.И. Тюпа, Томка и сорока
219. Чехов А.П. Крыжовник
220. Чехов А.П. Свадьба
221. Чехов А.П. Скрипка Ротшильда
222. Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки
223. Шагинян М.С. Коротко об Уилки Коллинзе
224. Шаламов В.Т. Колымские рассказы
225. Шаховской Я.П. Воспоминания
226. Шеллер-Михайлов А.К. Наши ближние
227. Шиллинг М.Ф. Дневник. Апрель – июль 1899
228. Шкловский И.С. Из истории развития радиоастрономии в СССР
229. Шукшин В.М. Калина красная
230. Экономія и садоводство

Поэтический корпус НКРЯ (ПК)

1. Блаженный В. «Снова мама расскажет мне сказку о Боге...»
2. Блок А.А. «Сны безотчетны, яркие краски...»

3. Герцык А.К. Счастье : «Дева, тихая Дева!...»
4. Дмитриев И.И. Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту : «Иван! запри ты дверь, защелкни, заложил...»
5. Княжнин Я.Б. Письмо графа Комменжа к матери его : «Несчастнейший из всех злосчастных человек...»
6. Ломоносов М.В. Надпись на иллюминацию и маскарад его сиятельства графа Петра Ивановича Шувалова, октября 26 дня 1754 года : «Россия некогда чрез грозную судьбину...»
7. Ломоносов М.В. Преложение псалма 34 : «Суди обидящих, зиждитель...»
8. Майков В.И. Елисей, или Раздраженный Вакх : «Пою стаканов звук, пою того героя...»
9. Майков В.И. О хулители чужих дел : «О вы, охотники других дела судить...»
10. Мерзляков А.Ф. Слава : «Славу, мать лир священных...»
11. Оболдуев Г.Н. «Так лето протекло...»
12. Перелешин В.Ф. Ловец : «Блажен ты будешь в час вечерний...»
13. Слуцкий Б.А. Командиры : «Дождь дождал -- не переставая...»
14. Твардовский А.Т. 9 мая : «Салют и слава годовщине...»
15. Твардовский А.Т. Теркин на том свете : «Тридцати неполных лет...»
16. Ширинский-Шихматов С.А. Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Песнь третья : «Сверкаючи кристаллом чистым...»

Церковнославянский корпус НКРЯ (ЦСК)

1. Апостол (1989). [26] К евреям послание святого апостола Павла

Газетный корпус НКРЯ (ГК)

1. Потери от санкций и дешевой нефти оценили в 4 процента ВВП России // lenta.ru, 2014.09
2. Синоптики спрогнозировали кратковременные дожди в выходные в Москве // Московский комсомолец, 2019.09

Список сокращений

ABL – аблатив	INES – инессив
ABL INSTR – аблатив орудия	INSTR – инструменталис
ABL LOCI – аблатив места	INSTR-SOCIAT – инструменталис совместного действия
ABL MOD – аблатив образа действия	LOC 1 – первый предложный падеж (изъяснительный)
ABL SEPARAT – аблатив удаления, отделения	LOC 2 – второй предложный падеж (местный)
ABL TEMP – аблатив времени	N – имя существительное
ACC – аккузатив	NEUT – средний род
ADES – адессив	NOM – номинатив
ADJ – имя прилагательное	NP – именная группа
ALL – аллатив	P – предлог
COMIT – комитатив	PL – множественное число
DAT – датив	PP – предложная группа
ELAT – элатив	PrNP – местоименная группа
GEN (GEN 1) – генитив (первый родительный)	SG – единственное число
GEN 2 – партитив (второй родительный)	V – глагол или глагольная форма
ILL – иллатив	VP – глагольная группа

Приложение А

(обязательное)

Алгоритм отбора источников выборочной совокупности из Национального корпуса русского языка

Отбор источников выполнялся в три этапа.

Первый этап – создание пользовательского подкорпуса. Интерфейс представлен на рис. А.1 (для старорусского корпуса) и рис. А.2 (для основного корпуса).

Старорусский корпус: выбор подкорпуса

Вы можете задать подмножество корпуса, по которому в дальнейшем будет вестись поиск.

Название

Автор

Год создания: с по

Жанр [выбрать](#)

Язык [выбрать](#)

После выбора параметров нажмите кнопку «Далее» и перейдите к просмотру списка документов, входящих в подкорпус.

Рисунок А.1 – Интерфейс для создания пользовательского подкорпуса в старорусском корпусе НКРЯ с заданными параметрами для отбора источников XIV – XV вв

Для поля «Год создания» в старорусском корпусе задавались следующие параметры:

- 1) с 1300 по 1500 (для подкорпуса XIV – XV вв.)
- 2) с 1500 по 1700 (для подкорпуса XVI – XVI вв.)

Выбор подкорпуса

Вы можете задать подмножество корпуса, по которому в дальнейшем будет вестись поиск. Подробнее о параметрах текста см. в разделе «[Параметры текста](#)».

Омонимия

- Только тексты со снятой грамматической омонимией [?](#)
- Только тексты с неснятой грамматической омонимией

Основные параметры текста [?](#)

Название

Автор текста

Пол: любой мужской женский

Год рождения: с по   Точное вхождение

Год создания: с по   Точное вхождение

Жанр и тип текста [?](#)

1. Художественные тексты

Жанр текста [выбрать](#)

Тип текста [выбрать](#)

Место и время описываемых событий [выбрать](#)

2. Нехудожественные тексты

Сфера функционирования [выбрать](#)

Тип текста [выбрать](#)

Тематика текста [выбрать](#)

Орфография

- Только тексты в старой орфографии
- Только тексты в новой орфографии

Рисунок А.2 – Интерфейс для создания пользовательского подкорпуса в основном корпусе НКРЯ с заданными параметрами для отбора источников XVIII в

Для поля «Год создания» в основном корпусе задавались следующие параметры:

- 1) с 1700 по 1800, точное вхождение (для подкорпуса XVIII в.)
- 2) с 1800 по 1900, точное вхождение (для подкорпуса XIX в.)
- 3) с 1900 по 1950, точное вхождение (для подкорпуса 1 пол. XX в.)
- 4) с 1950 по 2000, точное вхождение (для подкорпуса 2 пол. XX в.)

После ввода параметров подкорпуса система формирует список соответствующих источников старорусского (рис. А.3) и основного (рис. А.4) корпуса соответственно

Результаты поиска в старорусском корпусе

Объём всего корпуса: 7 493 документа, 8 561 261 слово.

Найдено: 1 316 документов, 1 364 468 слов.

[Сохранить подкорпус и перейти к странице поиска](#)

Страницы: [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) ... [11](#) ... [27](#) [следующая страница](#)

- [1. Псковская 3-я летопись: Архивский 2-й список \(1400-1650\)](#) [омонимия снята]
- [2. Из Хроник Константина Манассии \(1370-1650\)](#) [омонимия снята]
- [3. Житие Арсения Копевского \(1500-1600\)](#) [омонимия снята]
- [4. Из Измарагда \(1500-1600\)](#) [омонимия снята]
- [5. Из Троицкой истории \(1500-1600\)](#) [омонимия снята]
- [6. Чин свадебный \(1500-1600\)](#) [омонимия снята]
- [7. Повесть о Луке Колочском \(1400-1600\)](#) [омонимия снята]
- [8. Устюжский летописный свод \(Архангелогородский летописец\) \(1500-1598\)](#) [омонимия снята]
- [9. Псковская 3-я летопись: Строевский список \(1400-1568\)](#) [омонимия снята]
- [10. Домострой \(1500-1560\)](#) [омонимия снята]
- [11. Разрядная книга 1475-1598 гг. Свадебные разряды 1500-1555 гг. Разряды 1475-1512 гг. \(1476-1555\)](#) [омонимия снята]
- [12. Волоколамский патерик \(1500-1550\)](#) [омонимия снята]
- [13. Повесть о парине Динаре \(1500-1550\)](#) [омонимия снята]
- [14. Сказание о князьях владимирских \(1500-1550\)](#) [омонимия снята]
- [15. Грамота митрополита Симона волостеле Славенской волости, Владимирского у., Оладе Блинову о защите от обид сторонних людей попа Нестера Успенской церкви \(1498-1550\)](#) [омонимия снята]
- [16. Вологодско-Пермская летопись \(852-1538 гг.\) \(1490-1550\)](#) [омонимия снята]
- [17. Сказание об Аристотеле \(1470-1550\)](#) [омонимия снята]
- [18. Тайная Тайных \(1470-1550\)](#) [омонимия снята]
- [19. великий князь Дмитрий Иванович Донской. Жалованная тарханная и несудимая грамота — подложная — в. кн. Дим. Ивановича Донского Тр.-Сергиеву м-рю на все его вотчины \(1450-1550\)](#) [омонимия снята]

Рисунок А.3 – Пользовательский подкорпус источников старорусского корпуса (XIV–XV вв)

Результаты поиска в основном корпусе

Объём всего корпуса: 126 901 документ, 337 025 184 слова.

Найдено: 2 201 документ, 6 042 463 слова.

[Сохранить подкорпус и перейти к странице поиска](#)

Страницы: [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) ... [11](#) ... [45](#) [следующая страница](#)

- [1. А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков \(1800\)](#) [омонимия снята]
- [2. И. Ф. Богданович. Письма \(1767-1800\)](#) [омонимия снята]
- [3. И. Ф. Богданович. Письма \(1767-1800\)](#) [омонимия снята]
- [4. А. Н. Радищев. Бова \(1798-1799\)](#) [омонимия снята]
- [5. А. Н. Радищев. Письмо М. Н. Радищеву \(1797\)](#) [омонимия снята]
- [6. А. Н. Радищев. Прощение на имя Павла I \(1797\)](#) [омонимия снята]
- [7. Н. М. Карамзин. Филалет к Мелодору \(1795\)](#) [омонимия снята]
- [8. Н. М. Карамзин. Что нужно автору? \(1794\)](#) [омонимия снята]
- [9. Григорий Сковорода. Толкование из Плутарха о тишине сердца \(1766-1794\)](#) [омонимия снята]
- [10. Н. М. Карамзин. Бедная Лиза \(1792\)](#) [омонимия снята]
- [11. Д. И. Фонвизин. Выбор гувернера \(1790-1792\)](#) [омонимия снята]
- [12. А. Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь \(1790\)](#) [омонимия снята]
- [13. А. Н. Радищев. Письмо А. Р. Воронцову \(1790\)](#) [омонимия снята]
- [14. А. Н. Радищев. Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске, по долгу звания своего \(1790\)](#) [омонимия снята]
- [15. неизвестный. \[Программы «Московских ведомостей»\] \(1781-1789\)](#) [омонимия снята]
- [16. Д. И. Фонвизин. Каллисфен \(1788\)](#) [омонимия снята]
- [17. Д. И. Фонвизин. Крестьянин, дракон и лисица \(1788\)](#) [омонимия снята]
- [18. Д. И. Фонвизин. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия \(1786-1787\)](#) [омонимия снята]
- [19. Д. И. Фонвизин. Духовное завещание \(1786\)](#) [омонимия снята]

Рисунок А.4 – Пользовательский подкорпус источников основного корпуса (XVIII в.)

Второй этап – создание запроса, позволяющего отобрать тексты с наречными предлогами *вокруг, около, близ*. Синтаксис запроса в старорусском и основном корпусе различен: в старорусском корпусе учитывалась орфографическая вариативность, тогда как в основном корпусе запрос включал только три основные формы, написанные по орфографическим правилам современного русского языка. Такое ограничение представляется оправданным, поскольку большинство орфографических вариантов, отмеченных в старорусском корпусе, в основном корпусе не обнаруживается (за исключением вариантов с конечными *ь* и *ь*, которые, однако, включаются в кластер и при вводе словоформы по орфографическим нормам современного русского языка).

Таким образом, в поле «Лексема» старорусского корпуса вводился запрос вида:

вокруг | около | близ | вкруг | въкруг | вкругь | въкругь | въкругь | вокругь | вкругь | воокругь | кругь | круг | круть | округ | округь | округь | окол | околь | околь | вколо | вколо | вкол | коло | кол | окола | околу | окала | близь | близь

В поле «Слово» основного корпуса вводился запрос вида:

вокруг | около | близ

В поле «Грамм. признаки» старорусского и основного корпуса указывалась частеречная принадлежность словоформы – наречие и предлог:

(ADV|PR)

Вид и результат запросов представлен на рис. А.5 – А.8.

Старорусский корпус [о корпусе](#) [задать поиск](#) [сбросить поиск](#)

Орфография: точная упрощенная модернизированная

Поиск точных форм [A|E|B]

Слово или фраза

Лексико-грамматический поиск ?

Лексема [A|E|B]   Грамм. признаки выбрать   Доп. признаки выбрать

вокруг | около | близ | вкруг | въкруг | вкругь | въкругь | въкругь | вокругь | вкругь | воокругь | кругь | круг | круть | округ | округь | округь | окол | околь | околь | вколо | вколо | вкол | коло | кол | окола | околу | окала | близь | близь

(ADV|PR)

Словоформа [A|E|B]

Расстояние: от до ?

Лексема [A|E|B]   Грамм. признаки выбрать   Доп. признаки выбрать

Словоформа [A|E|B]

Результаты поиска в основном корпусе

Объём всего корпуса: 126 901 документ, 337 025 184 слова.

Поиск ведётся по пользовательскому подкорпусу объёмом: 2 201 документ, 6 042 463 слова.

вокруг | около | близ, ADV | PR

Найдено: 496 документов, 3 104 вхождения.

Распределение по годам: [Статистика](#) | [1-граммы](#) | [2-граммы](#) | [3-граммы](#) | [4-граммы](#) | [5-граммы](#)

Поискать в других корпусах: [газетном](#), [региональном](#), [диалектном](#), [поэтическом](#), [устном](#), [акцентологическом](#), [мультимедийном](#), [аудитиварке \(русском\)](#), [аудитиварке \(англо-русском\)](#), [параллельном \(все языковые пары\)](#).

Страницы: [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) ... [11](#) ... [50](#) [следующая страница](#)

1. А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1800) [омонимия снята] [Все примеры \(1\)](#)

Ибо как государя, **около** сего времени, со всем своим двором отбыл из Петербурга на летнее жилище в любезный свой Ораненбург, то, по отъезде его, народный ропот и неудовольствие так увеличилось, что мы всякий день того и смотрели, что произойдёт что-нибудь вышнее, и я трепетал духом и боялся, чтоб таковой случай не оставил моего дела и не захватил меня ещё неотставленным совершенно, и чтоб не мог ещё совсем моего разрушить. [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1800) [омонимия снята] [←](#) [→](#)

2. И. Ф. Богданович. Письма (1767-1800) [омонимия снята] [Все примеры \(1\)](#)

Было здесь в Дрездене и **около** в Саксонии небольшое землетрясение. [И. Ф. Богданович. Письма (1767-1800) [омонимия снята] [←](#) [→](#)

3. А. Н. Радищев. Бова (1798-1799) [омонимия снята] [Все примеры \(3\)](#)

Дивится сновидению своему, но ещё больше дивится, видит **близ** себя малое зеркальцо. [А. Н. Радищев. Бова (1798-1799) [омонимия снята] [←](#) [→](#)

Чародей в миг догнал Бову, которой оставался **близ** града Испгани. [А. Н. Радищев. Бова (1798-1799) [омонимия снята] [←](#) [→](#)

Всё уже готово было, как он, обходя своё царство, **близ** маленького отдалённого городка увидел двух мальчиков, из коих один шел играл на арфе, а другой пел его любимую песню, что он пелал в несчастии; спросил у них, кто они и, пошед с ними, нашёл царяну. [А. Н. Радищев. Бова (1798-1799) [омонимия снята] [←](#) [→](#)

Рисунок А.8 – Результат запроса для отбора источников с наречными предлогами *вокруг, около, близ* (основной корпус, XVIII в., дата составления запроса – 03.06.2022)

Необходимость создания выборочной совокупности продиктована главным образом проблемой снятия лексико-грамматической омонимии и полисемии, поскольку запрос, представленный на рис. А.9, не гарантирует абсолютную точность результата.

Лексико-грамматический поиск [?](#)

Слово [A](#) [E](#) [B](#) [V](#)

Грам. признаки [?](#) [выбрать](#)

Семант. признаки [?](#) [выбрать](#)

вокруг (ADV/PR)

Доп. признаки [?](#) [выбрать](#)

Словообразование [выбрать](#)

Расстояние: от 1 до 1 [?](#)

Слово [A](#) [E](#) [B](#) [V](#)

Грам. признаки [?](#) [выбрать](#)

Семант. признаки [?](#) [выбрать](#)

S (S)

Доп. признаки [?](#) [выбрать](#)

Словообразование [выбрать](#)

1-е знач. др. знач. [?](#)

1-е знач. др. знач. [?](#)

[искать](#) [очистить](#)

Рисунок А.9 – Вариант запроса в основном корпусе НКРЯ для отбора непространственных употреблений наречного предлога *вокруг*

Третий этап – отбор источников из кластера для формирования выборочной совокупности. Для этого в программе Excel была создана таблица со следующими полями (см. рис. А.10 и рис. А.11):

- 1) Порядковый номер источника;
- 2) Название;
- 3) Омонимия (снята / не снята);

- 4) Автор;
- 5) Год создания;
- 6) Жанр (для текстов из старорусского корпуса);
- 7) Разновидность языка (для текстов из старорусского корпуса);
- 8) Жанровые характеристики (для текстов из основного корпуса):
  - a. тип текста;
  - b. стиль;
  - c. сфера функционирования;
  - d. жанр художественной литературы;
- 9) Количество словоформ;
- 10) Количество предложений;
- 11) Количество слов в предложении (в среднем);
- 12) Количество вхождений наречных предлогов:
  - a. Вокруг:
    - i. sp (пространственное значение);
    - ii. nsp (непространственные значения);
  - b. Около:
    - i. sp (пространственное значение);
    - ii. nsp (непространственные значения);
  - c. Близ:
    - i. sp (пространственное значение);
    - ii. nsp (непространственные значения)
- 13) Итого наречных предлогов:
  - a. sp (в пространственном значении);
  - b. nsp (в непространственных значениях);
- 14) Количество наречных предлогов на 10000 словоформ
  - a. Вокруг;
  - b. Около;
  - c. Близ

Приложение Б

(обязательное)

Алгоритм проверки выборочной совокупности на соответствие нормальному распределению и оценка её репрезентативности относительно кластера

Исходя из поставленной задачи, которая состоит в том, чтобы с помощью статистических методов подтвердить гипотезу о количественном увеличении метафорических употреблений наречных предлогов *вокруг, около, близ* в диахронии, возникает необходимость оценить соответствие числовых показателей выборочной совокупности некоторым параметрам распределения.

Исходными показателями выборочной совокупности при проведении оценки соответствия выступали числовые характеристики источников: количество словоформ, предложений и наречных предлогов, а также производная – средняя длина предложения (среднее количество словоформ в предложении). Задача проверки состояла в определении того, насколько полученные числовые характеристики выборочной совокупности могут быть отнесены на всю генеральную совокупность.

Для проведения проверки в статистике существует много методов. В данном случае использовались критерии Колмогорова-Смирнова (К-С) и Шапиро-Уилка (Ш-У) [Бослаф 2015]. Порядок проверки заключается в последовательном выполнении ряда шагов.

1) Формулировка основной (нулевой) гипотезы (H_0), состоящей в том, что выборочная совокупность соответствует нормальному распределению, и альтернативной гипотезы (H_1), принимаемой в случае отклонения основной гипотезы;

2) Установление количественного показателя, при котором H_0 гипотеза может быть принята или отвергнута (принята альтернативная H_1) в случае несоответствия. Это уровень значимости и соответствующее ему критическое значение параметра функции. Нормальное распределение

подтверждается критерием Колмогорова-Смирнова, если полученное (эмпирическое) значение не превышает теоретическое ($D_{\text{расч}} < D_{n,\alpha}$) при заданном уровне значимости α и n степенях свободы. Нормальное распределение подтверждается критерием Шапиро-Уилка, если расчетное значение превышает соответствующее ему табличное ($W_{\text{расч}} > W_{\text{таб}}$) при n количестве наблюдений и уровне значимости α .

Формулировка гипотез.

Основная гипотеза (H_0): источники по количеству словоформ (соответственно: предложений, средней длины предложения, числу наречных предлогов) в выборочной совокупности распределены по нормальному закону.

Альтернативная гипотеза (H_1): распределение источников в выборочной совокупности не соответствует нормальному распределению.

Выбор уровня значимости в статистике обычно определяется границей в 95%, т.е. предполагается, что выбранный интервал обеспечит принятие нулевой гипотезы с вероятностью допущения ошибки в 5% или не более 5 случаях из 100.

Расчет значений для каждого из критериев проводился с помощью компьютерной обработки данных программой STATISTICA. Полученные значения критериев, их оценка и решение о принятии нулевой гипотезы приведены в табл. Б.1.

Таблица Б.1 – Расчетные и критические значения оцениваемых параметров источников выборочных совокупностей

Критерии/ гипотеза	Оцениваемые параметры			
	количество словоформ	количество предложений	средняя длина предложения	количество наречных предлогов
	Тексты XIV – XV вв.			
К-С ($D_{\text{расч}}$) ($D_{50;0.99} = 0,23$)	0,0815	0.0720	0.1379	0.2177
К-С (p)	n.s.	n.s.	n.s.	<0.05
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Ш-У (W) ($W_{50;0.05} = 0.93$)	0.9853	0.9879	0.9058	0.8444

Ш-У (p)	0.7858	0.887	0.0008	0.00001
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Тексты XVI – XVII вв.				
К-С ($D_{расч}$) ($D_{56;0.99} = 0,22$)	0.1081	0.1162	0.0751	0.084
К-С (p)	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Ш-У (W) ($W_{56;0.05} = 0.93$)	0.9523	0.9511	0.9866	0.967
Ш-У (p)	0.027	0.0237	0.7894	0.1276
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Тексты XVIII в.				
К-С ($D_{расч}$) ($D_{34;0.99} = 0,27$)	0.1128	0.0849	0.1193	0.1672
К-С (p)	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Ш-У (W) ($W_{34;0.05} = 0.91$)	0.9647	0.9753	0.9493	0.8291
Ш-У (p)	0.3319	0.6213	0.1171	0.0001
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Тексты XIX в.				
К-С ($D_{расч}$) ($D_{57;0.99} = 0,22$)	0.0877	0.0849	0.1193	0.1672
К-С (p)	n.s.	n.s.	n.s.	<0.15
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Ш-У (W) ($W_{57;0.05} = 0.93$)	0.9526	0.9657	0.9779	0.9415
Ш-У (p)	0.024	0.1003	0.3673	0.075
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Тексты 1 пол. XX в.				
К-С ($D_{расч}$) ($D_{40;0.99} = 0,26$)	0.0764	0.086	0.0796	0.1386
К-С (p)	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Ш-У (W) ($W_{40;0.05} = 0.92$)	0.988	0.9656	0.9818	0.9164
Ш-У (p)	0.9408	0.2592	0.7554	0.059
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Тексты 2 пол. XX в.				
К-С ($D_{расч}$) ($D_{55;0.99} = 0,22$)	0.1778	0.1241	0.0869	0.1798
К-С (p)	<0.1	n.s.	n.s.	<0.1
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается
Ш-У (W) ($W_{55;0.05} = 0.93$)	0.9232	0.9225	0.9823	0.8961
Ш-У (p)	0.0018	0.0017	0.5919	0.002
H_0	принимается	принимается	принимается	принимается

Нулевая гипотеза (H_0) заключается том, что каждая из сформированных выборочных совокупностей соответствует нормальному распределению.

Соответственно, альтернативная гипотеза заключается в обратном. После автоматической обработки данных программой STATISTICA получаем значения критериев (D и W). Нормальное распределение подтверждается критерием Колмогорова-Смирнова, если табличное теоретическое значение больше полученного эмпирического значения ($D_{\text{расч.}} > D_{\text{эмпир.}}$) при заданном уровне значимости α . Так, если мы примем уровень значимости (вероятность отклонения H_0) $\alpha = 0,01^{21}$, то это говорит о том, что вероятность отклонения H_0 составляет 1 случай из 100, т.е. мы принимаем гипотезу о нормальном распределении в 99% случаев.

Кроме этого, значения средней и СКО²² выборочной совокупности позволяют провести оценку ее репрезентативности выборочному кластеру. Цель проводимых расчётов – доказать устойчивость количественных изменений при повторении эксперимента с любыми другими выборками. Для её достижения нам необходимо рассчитать средние значения количественных показателей по выборке.

Приведём пример оценки репрезентативности выборочной совокупности относительно кластера по показателю среднего значения словоформ.

1) Прежде всего убедимся в том, что источники в выборочной совокупности и в кластере по показателю десятичного логарифма количества словоформ распределены нормально. Полученные числовые характеристики функции распределения (среднее значение и среднее квадратическое отклонение (СКО)) позволяют провести оценку соответствия нормальному распределению, используя критерии Колмогорова-Смирнова ($d = 0.0462$; $p > 0.20$) и Шапиро-Уилка ($W = 0.985$; $p = 0.004^{23}$)

---

²¹ Принято считать, что при данном уровне значимости эмпирическое значение близко к теоретическому. Если эмпирическое значение превышает критическое значение при $\alpha = 0,05$, то правой границей интервала принимается критическое значение при $\alpha = 0,01$

²² Поскольку на среднее значение очень сильно могут влиять количественные показатели источников в выборке, мы считаем, помимо средней, среднее квадратическое отклонение (СКО). Таким образом мы получаем некоторый интервал (среднее значение $\pm$ СКО), который покрывает на 95% другие выборки, т.е. средние значения любой другой выборки за данный период будут на 95% принадлежать этому интервалу.

²³ Представленные критерии рассчитаны для всей выборочной совокупности, без разделения на периоды; оцениваемый параметр – десятичный логарифм количества словоформ

2) Сравним расчетное и критическое значение z-критерия. Среднее значение словоформ, приходящееся на один источник в кластере, составляет 11981 (см. табл. 3.2), десятичный логарифм равен: $\log_{10}(11981) = 4.0784$. Для проведения сравнения выдвигается нулевая гипотеза о равенстве средних выборочной совокупности и кластера источников с наречными предлогами и используется тест Z-статистики²⁴:

$$z = \frac{|\bar{x}_k - \bar{x}_{\text{вс}}|}{\sigma_{\text{вс}} / \sqrt{n}}$$

где:

$\bar{x}_k$ - десятичный логарифм среднего значения словоформ, приходящихся на один источник в кластере источников с наречными предлогами;

$\bar{x}_{\text{вс}}$ - десятичный логарифм среднего значения словоформ в выборочной совокупности;

$\sigma_{\text{вс}}$ - среднеквадратическое отклонение выборочной совокупности;

n - количество наблюдений в выборочной совокупности.

$$z_{\text{расч}} = (|4.0784 - 4.122|) / (0.7932 / 17.12) = 0.9416$$

Сравнение значений: $z_{\text{расч}} = 0.9416 < z_{\text{кр}}(0.95; 293) = 1.96$ ²⁵ показывает, что расчетное значение не превышает критического значения, выбранного на уровне значимости 95%. Таким образом, можно говорить, что гипотеза о равенстве средних выборочной совокупности и кластера не различается на уровне значимости 95%. Иначе говоря, вероятность того, что существует ошибка в отклонении сравниваемых средних значений составляет не более 5 случаев из 100.

---

²⁴ Аналогичные расчеты проводились и по другим числовым характеристикам текстовых источников.

²⁵ Табличное значение критерия z при уровне значимости 0,95 и данном количестве наблюдений (293)

Приложение В

(справочное)

Графики распределения источников выборочной совокупности по основным количественным показателям

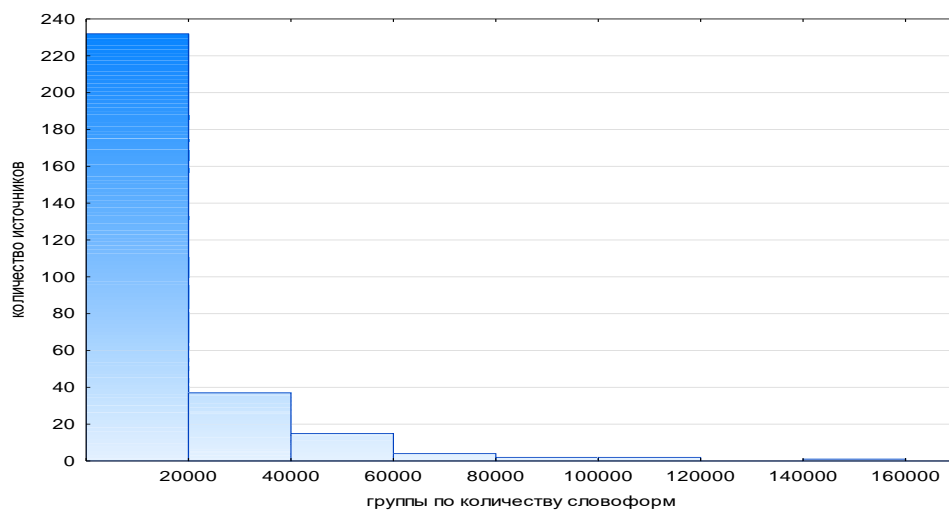

Рисунок В.1 – Распределение источников по группам количества словоформ

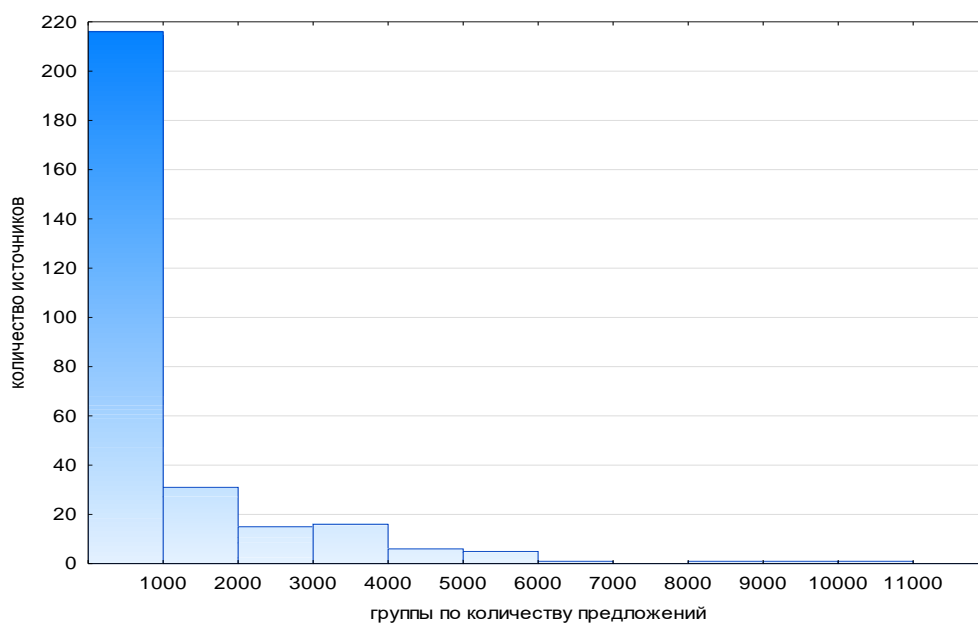

Рисунок В.2 – Распределение источников по группам количества предложений

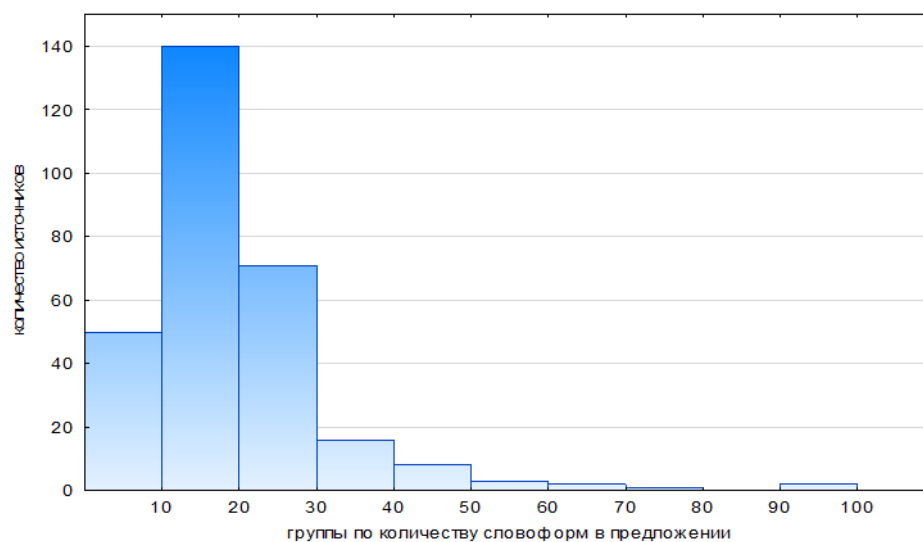

Рисунок В.3 – Распределение источников по группам количества словоформ в предложении

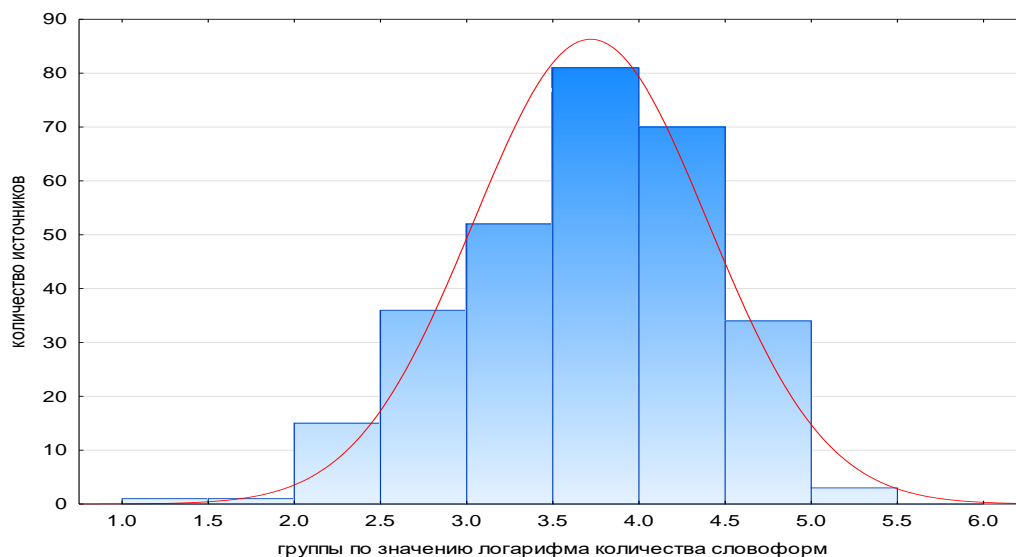

Рисунок В.4 – Распределение источников по показателю логарифма количества словоформ (сплошная линия – график нормальной кривой с теоретическими параметрами распределения)

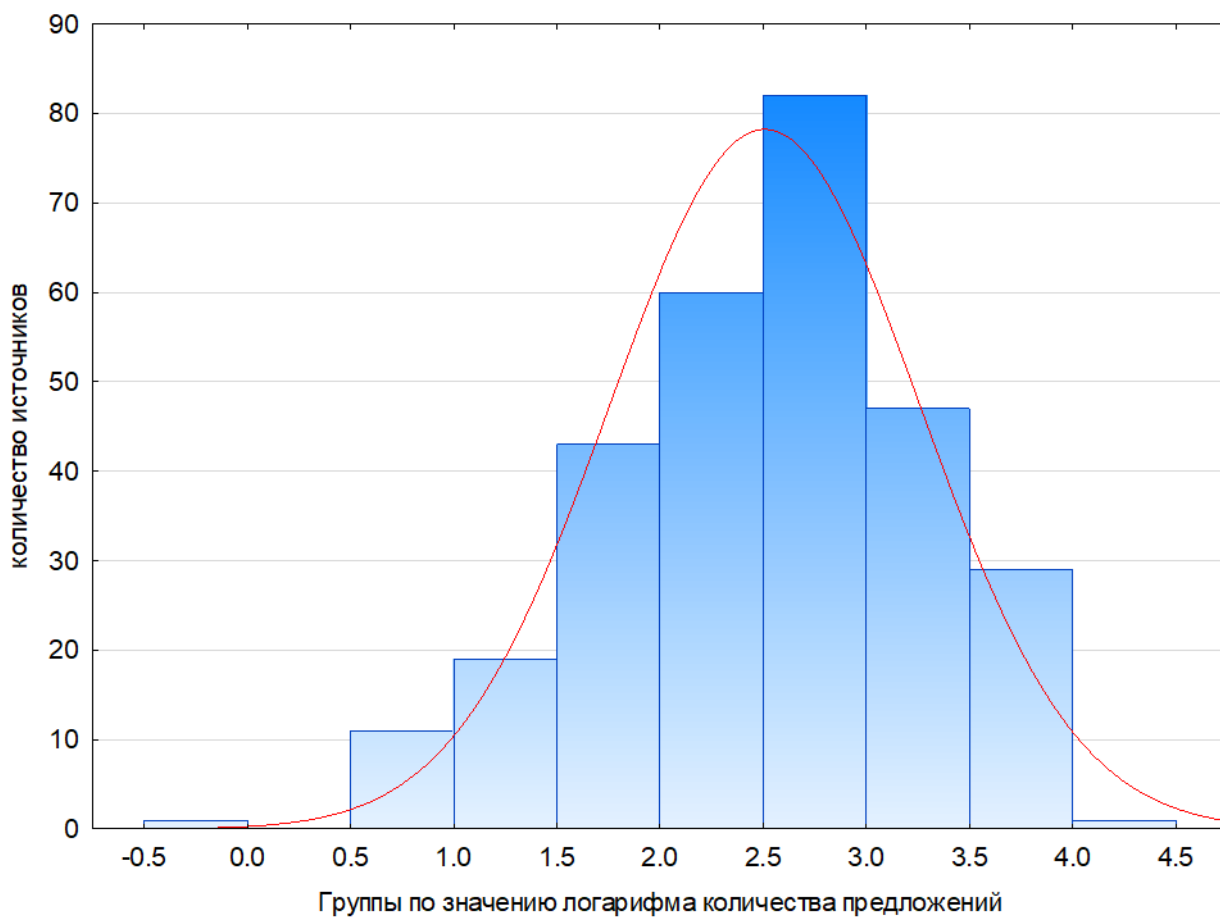

Рисунок В.5 – Распределение источников по показателю логарифма количества предложений (сплошная линия – график нормальной кривой с теоретическими параметрами распределения)

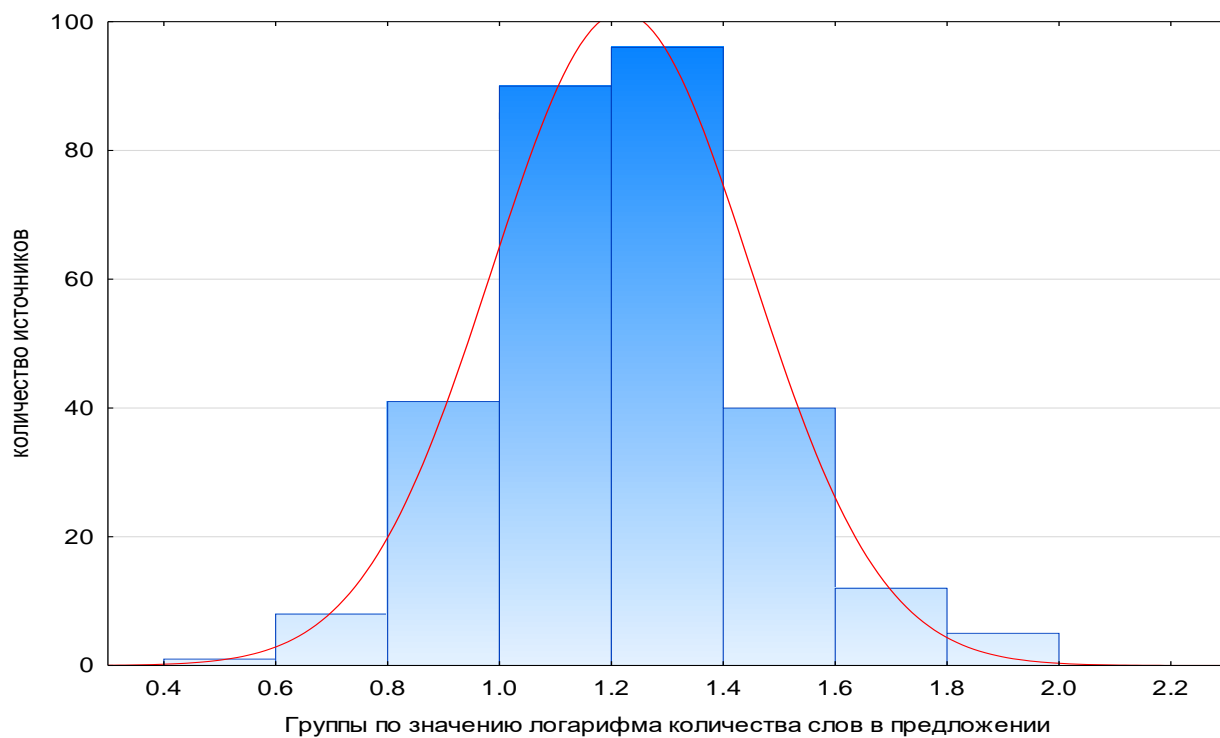

Рисунок В.6 – Распределение источников по показателю логарифма количества слов в предложении (сплошная линия – график нормальной кривой с теоретическими параметрами распределения)